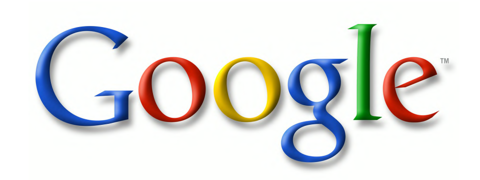
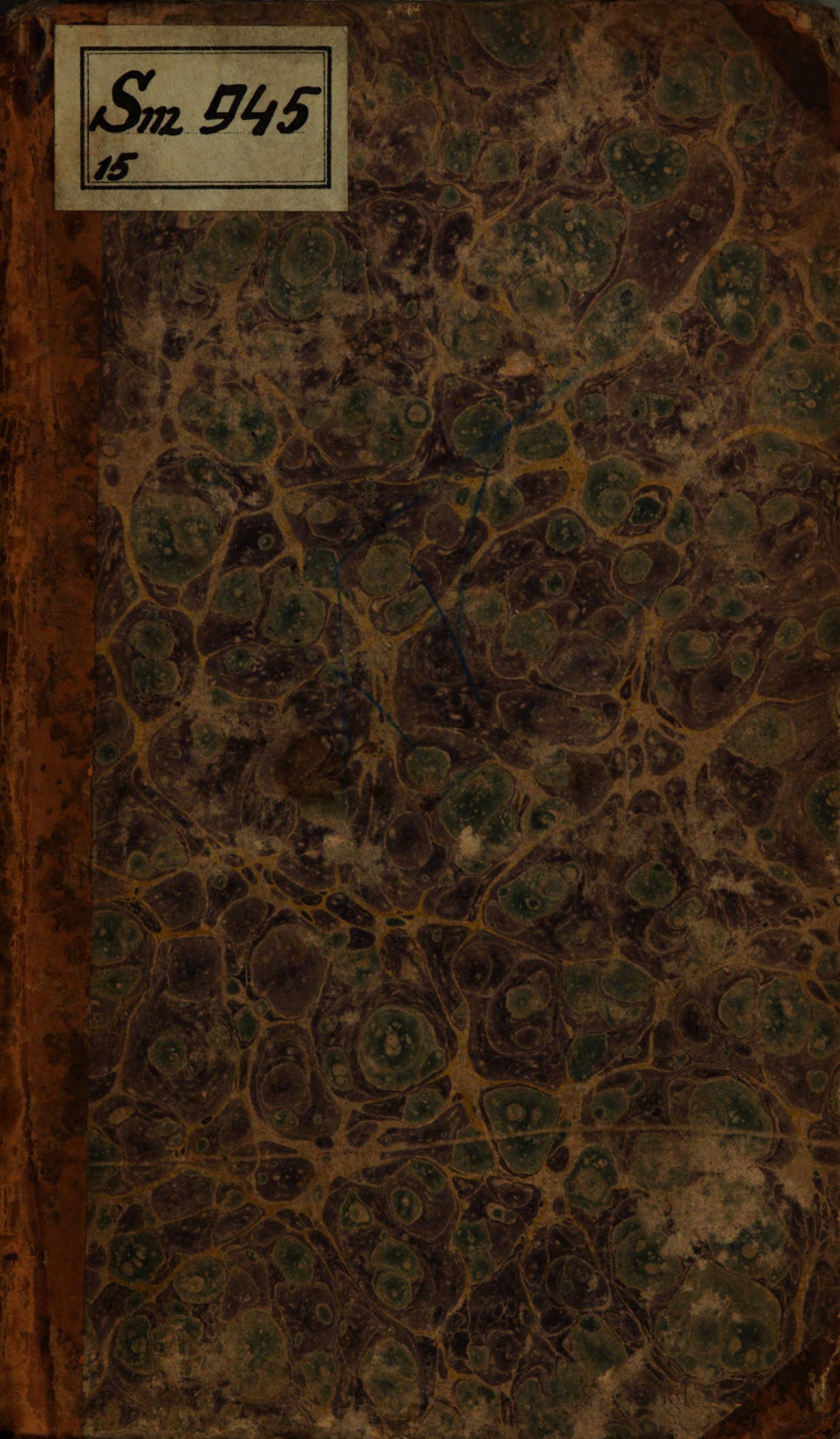
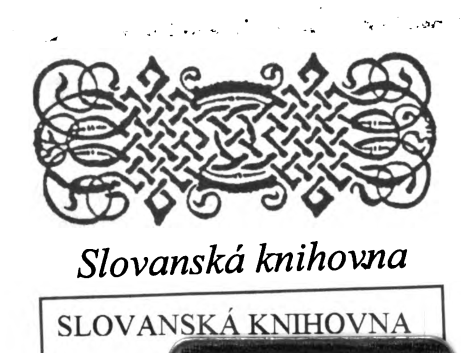

Sm 945
15

Slovanská knihovna
SLOVANSKÁ KNIHOVNA

ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИЗДАНІЕ

ПРИ

САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ

АКАДЕМІИ.

Назданн на основаніи Апостолъ и Пророкъ, сущу краеугольну самому Іисусу Христу. Ефес. 2, 20.

ЧАСТЬ ПЯТНАДЦАТАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

въ Типографіи Медицинскаго Департамента Минист. Внутр. Дѣлъ.

1824 года.

Отъ Цензурнаго Комитета, учрежденнаго при Санктпетербургской Духовной Академіи, печатать позволено съ тѣмъ, чтобы до выпуска изъ Типографіи представлены были въ Цензурный Комитетъ *семь* экземпляровъ сей книги, для препровожденія оныхъ, куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. С. Петербургъ, Іюня 12 дня 1824 года.

Семинаріи Ректоръ Архимандритъ Поликарпъ.

I.

ЖИЗНЬ И ДѢЛА
СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО ЕВѲИМІЯ.

1. Весьма трудно и неудобно совершать всякое дѣло, безъ руководства примѣра: тѣмъ паче подвизаться въ добродѣтели; потому что сей подвигъ тяжелъ и утомителенъ и требуетъ безпрестаннаго упражненія и всегдашняго занятія. По сему вознамѣрившіеся совершать сей болѣзненный подвигъ имѣютъ нужду во множествѣ примѣровъ и въ историческомъ описаніи жизни Святыхъ. Сіе уравниваетъ для нихъ путь и не даетъ впадать въ уныніе при видѣ трудностей и неудобностей сего пути. Ибо тутъ всякой можетъ найти не только наставленіе и способъ, какъ они совершили подвигъ свой, но и то, какое они получили и получатъ воздаяніе. И по сему хотя

*

бы кто былъ нерадивъ, безпеченъ и невнимателенъ къ самому себѣ, но захочетъ наконецъ воспрянуть и съ равною ревностію подражать имъ. Таковою я признаю жизнь великаго отца Евѳимія; ибо она и пріятна и занимательна и имѣетъ силу усладить читающихъ, увлечь ихъ и возбудить ревность къ подобнымъ подвигамъ: такъ что, естьли бы рѣшился кто подражать ей, то сей прославился бы и въ жизни и по смерти. По чему я долженъ начать съ самаго рожденія Евѳиміева, и, какъ могу, предать оное потомству.

2. Когда нечестивый Іуліанъ вмѣстѣ съ властію бѣдственно окончилъ жизнь, и спустя нѣсколько царство перешло въ руки Валента; тогда жестокіе раздоры со всѣхъ сторонъ раздирали Церковь, по причинѣ лютаго скопища Аріева; тогда какъ прекратилось язычество, Аріанская война чрезмѣрно усилилась, и Церковь много отъ ней страдала. Въ сіе время въ Мелитенѣ, городѣ Армянскомъ при Евфратѣ, былъ нѣкто, именемъ Павелъ, имѣвшій въ супружествѣ Діонисію; оба они были знамениты

по добродѣтели и по роду. Діонисія же, будучи неплодна и бездѣтна, не малымъ считала это несчастіемъ, и не мало о томъ думала; жестокія безпокойства раздирали душу ея, и печаль снѣдала ее, такъ что, по причинѣ неплодства ея, утроба и сердце горѣли какъ бы огнемъ, ибо она сильно желала плода чрева. Имѣть дѣтей многія женщины желаютъ весьма сильно, потому что весьма пріятно видѣть дѣтей, притомъ же это доставляетъ имъ и честь, и онѣ не съ потупленнымъ взоромъ, а смѣло могутъ тогда глядѣть на своихъ мужей. Находясь въ такомъ положеніи, и стеная подъ тяжестію сего несчастія, она отправилась къ ближайшему храму блаженнаго Мученика Поліевкта, вмѣстѣ съ супругомъ, дабы онъ былъ общникомъ молитвы, такъ какъ по необходимости участвовалъ и въ ея скорби: и долго въ ономъ пребывали, непрестанно молясь. Просили же они, чтобы разрѣшились узы неплодства, и въ молитвахъ своихъ изъявляли желаніе, увидѣть плодъ ихъ скорбей. Въ одну ночь, молящимся имъ въ уединеніи является Божественное нѣкое видѣніе и говоритъ: будьте спокойны,

будьте спокойны! Се Богъ даетъ вамъ сына, который получитъ имя Евѳимія отъ бодрости и спокойствія духа, и нравами своими будетъ соотвѣтствовать сему имени, притомъ же по рожденіи его Богъ даруетъ и церквамъ своимъ спокойствіе.

3. Послѣ чего они, по причинѣ чрезвычайности явленія, замѣтивъ время видѣнія, возвратились домой, и рожденное обѣщались посвятить Богу. Спустя нѣсколько, Діонисія зачала во чревѣ, отъ чего въ душѣ своей была преисполнена радости. Когда же родился имъ сынъ, въ четвертое Консульство Граціана, сообразно съ голосомъ въ видѣніи, нарекаютъ его Евѳиміемъ. И видѣніе оправдалось самымъ дѣломъ. Война противу правовѣрныхъ начала утихать, церкви уже чувствовали отраду послѣ жестокой бури, стала появляться весна благочестія и плачевное состояніе ихъ начинало обращаться въ спокойствіе. Отъ временъ Констанція Церковь великое терпѣла гоненіе, и въ правленіе Іуліана, какъ выше сказали, и въ царствованіе на Востокѣ Валента, въ теченіи 40 лѣтъ, Аріане сильно

вооружались прошиву благочестія: но какъ скоро родился Евѳимій, сообразно съ самою вещію шакъ названный, шучи, облежавшія шогда Церковь, разсѣялись. Еще и пяши мѣсяцевъ не прошло ошъ рожденія Евѳиміева, какъ Валеншъ, вступивъ въ войну съ варварами, которые смѣло безпокоили и опустошали Ѳракію, пошерялъ свое войско, наконецъ и самъ понесъ казнь, достойную прошивника Божія. Ибо, когда онъ убѣжалъ въ одно селеніе, близь Адріанополя находящееся, непріяшели, насшигши его, постыднымъ образомъ схвашываюшъ его и вмѣстѣ съ селеніемъ предаюшъ огню: и шакимъ образомъ онъ подвергся здѣшнему временному огню, какъ бы въ предвѣстіе будущаго огня.

4. Въ трешій послѣ сего годъ Павелъ, отецъ Евѳиміевъ, скончался; по сему одинокая машь съ сыномъ, оставшись вдовою, взяла дитя свое, и приходишъ съ нимъ къ брашу Евдоксію, коего Ошреій, управлявшій церквами въ Мелишенѣ, избралъ себѣ помощникомъ. Она, положивши сына къ ногамъ его, и испуская изъ глазъ слезы, (ибо счи-

шала сіе сильнѣйшимъ убѣжденіемъ) просила, дабы онъ сжалился надъ младенцемъ и надъ нею, и представилъ отрока къ Отреію, и отдалъ ему какъ отцу. Мать увидѣла, что прошеніе исполнилось по ея желанію; сынъ представленъ Отреію, а чрезъ него Богу: такъ какъ гораздо прежде Самуилъ представленъ былъ Анною.

5. Отреій же, увидѣвши его, не на одну наружность взиралъ, но проникалъ въ глубину души, и весьма проницательно угадывалъ о сокровеннѣйшихъ его движеніяхъ. Узнавши же о неплодствѣ матери и божественномъ явленіи, и о томъ, что слѣдствіемъ молитвы было зачатіе, и что родители еще прежде рожденія дали обѣщаніе посвятить сына Богу, содѣлался нееложнымъ пророкомъ: Духъ Божій, сказалъ онъ, почіетъ на семъ отрокѣ. Послѣ крестилъ его, и, какъ законъ повелѣваетъ о отрокахъ, постригши его, причисляетъ къ чину чтецовъ. Мать его Діонисію, которая непрерывно занималась дѣлами божественными, рукоположилъ въ Діакониссу къ церкви, находящейся подъ его смотрѣніемъ; отрока

усыновилъ, и былъ ему не только воспитателемъ и наставникомъ, но отцемъ и матерію по любви къ нему, и сіе дѣлалъ не столько изъ расположенія къ сему отроку, сколько изъ угожденія самому себѣ; ибо онъ сильно желалъ быть попечителемъ такого отрока. Какъ скоро Евѳимій, еще во младенчествѣ, посвященъ былъ Богу и по чину помѣщенъ въ спискѣ церковномъ, въ слѣдъ за симъ тотчасъ Ѳеодосій великій дѣлается державнымъ правителемъ царства. Такимъ образомъ въ одно и тоже время посылаетъ Богъ миръ гражданскимъ обществамъ и церквамъ, тѣмъ опредѣляя царемъ Ѳеодосія, а симъ даруя Евѳимія; такъ что обстоятельства точно соотвѣтствовали именамъ ихъ.

6. Въ послѣдствіи времени, когда Евѳимій вышелъ уже изъ младенчества, Епископъ отдаетъ его учиться грамотѣ. Тогда Акакій и Синодій, какъ по благородству, такъ по уму и трезвенной жизни, были извѣстнѣе прочихъ чтецовъ; ибо они, упражняясь въ Божественномъ Писаніи, не пренебрегали и внѣшняго просвѣщенія. Имъ, за многіе подвиги, совершенные за Христа, каждому

порознь, въ свое время поручено было начальство надъ церквами, находящимися въ Мелитенѣ. Въ городѣ Мелитенѣ и по нынѣ съ удовольствіемъ слышатъ многія повѣствованія о ихъ подвигахъ, которые соотвѣтствовали ихъ начальствованію надъ церквами, и показываютъ истинное ихъ попеченіе о душахъ. Порученный имъ Евѳимій, пріявъ въ нѣдра ума своего сѣмена ихъ ученія, въ короткое время принесъ великій плодъ, превышающій его возрастъ. Онъ упражнялся въ Божественномъ Писаніи, и весьма ревностно прилежалъ къ оному. И когда находилъ въ немъ повѣствованіе о комъ-либо изъ древнихъ божественныхъ мужей, сіявшихъ добродѣтелію; то для Евѳимія такой человѣкъ былъ драгоцѣнною находкою, и онъ воодушевлялся любовію къ нему, и воспламенялся, подобно ему, ревностію. Таково свойство доброй и изящной души, когда ей какой-либо поводъ открывается къ добродѣтели. Есть въ народѣ пословицы: бритва знакома съ оселкомъ, горящая головня съ огнемъ, а конь съ полемъ. Такъ для Евѳимія во всякое время самое пріятное занятіе было чтеніе книгъ Св. Писа-

нія, силу коего онъ напечатлѣвалъ въ своемъ умѣ,

7. Въ образѣ жизни подражалъ онъ учителю Акакію, и подражалъ съ такою ревностію, какую только можно имѣть: такъ что казался ученикомъ не только словъ его, но и дѣлъ; и какъ внимательно слушалъ все, что учитель говорилъ, съ равнымъ же раченіемъ наблюдалъ и то, что онъ дѣлалъ. Пищу употреблялъ не разнообразную, не сложную и не роскошную, но естественную, необходимую и простую. Единственною же пищею души его были изреченія Св. Духа. Священно-служеніе церковное, въ назначенное время, проводилъ онъ съ особеннымъ вниманіемъ и сердечнымъ умиленіемъ, не предаваясь смѣху или шепшанію, какъ многіе поступаютъ, но какъ предстоящій предъ лицемъ общаго Господа и Царя всѣхъ, и устно съ Нимъ бесѣдующій.

8. А въ промежутокъ времени занимался дома не пустословіемъ какимъ-либо или суетами мірскими, но день и ночь поучался въ законѣ Божіемъ. По сему, въ извѣстное

время, принесъ плодъ свой, какъ произращаютъ древа, посаженныя при водахъ, что сказано въ Псалмѣ. Пс. 1, 3. Хотя юношеской возрастъ есть время пылкихъ страстей и гнѣва; но Евѳимій ознаменовалъ оный кротостію и любовію. Въ то время, когда обыкновенно предаются мотовству и распутству, онъ велъ себя благородно и воздержно. Помышленія о суетной славѣ подавлялъ скромностію, а желаніе многихъ благъ произвольною бѣдностію: и такимъ образомъ каждою добродѣтелію подавлялъ противные ей пороки.

9. Такимъ образомъ воспитанный и образованный, и прошедшій по порядку всѣ степени, Евѳимій, по одобренію его самой добродѣтели, отъ тогдашняго Епископа Мелитенскаго противъ воли рукополагается въ Пресвитера, и ввѣряется ему смотрѣніе надъ монастырями того города и обителями. Поелику же Евѳимій съ самаго дѣтства весьма любилъ уединеніе; то часто посѣщалъ обитель блаженнаго Мученика Поліевкта, и также обитель 33-хъ Св. Мучениковъ, гдѣ и проживалъ весьма подолгу.

Послѣ великаго праздника Свѣтовъ одинъ разъ въ году выходилъ изъ города, и на ближней горѣ провождалъ священные дни поста. Гора сія тогда была пуста, и отъ ближнихъ къ ней жителей называлась горою Вознесенія; нынѣ же на ней находится значительный монастырь, построенный близъ города.

10. Въ такихъ обстоятельствахъ Евѳимій, весьма сильно полюбивъ уединеніе, что было признакомъ здраваго состоянія его души и внутренняго спокойствія, и думая, что начальство надъ монастырями служитъ ему препятствіемъ къ добродѣтели, предается бѣгству, и, тайно вышедши изъ города на 29-мъ году своей жизни, поспѣшно отправляется въ Іерусалимъ для поклоненія Св. мѣстамъ. Обращаясь же съ пустынными Отцами, и научась образу жизни каждаго, онъ дѣлается еще пламеннѣе въ своемъ стремленіи, и какъ бы на крыльяхъ несется: и, будучи подстрекаемъ сильнымъ побужденіемъ къ ревности подобной жизни, приходитъ оттуда въ Лавру Фаранъ, на шесть миль отъ города Іерусалима отстоящую; и

нашедши одну келью внѣ Лавры, весьма выгодную для уединенія, въ ней рѣшился проводить прочее время. Здѣсь занимался онъ плетеніемъ корзинъ изъ пальмовыхъ вѣтвей, и трудами рукъ своихъ доставлялъ нужное какъ самому себѣ такъ и бѣднымъ, и не только не былъ въ тягость другимъ, ожидая чего-либо изъ рукъ ихъ, но служа Богу, самъ былъ для другихъ рукою. Погасивъ совершенно въ душѣ своей помышленіе о благахъ земныхъ, предался чаянію благъ будущихъ.

11. Былъ же нѣкто изъ приближенныхъ къ нему, именемъ Ѳеоктистъ, который единообразную съ нимъ велъ жизнь, и одинакого съ нимъ держался правила въ поступкахъ. По сему любовь къ подобному и единство въ занятіяхъ столь тѣсно связала ихъ союзомъ взаимной любви; и такъ они соединились между собою въ самыхъ наклонностяхъ и расположеніи духа, что одинъ изъ нихъ обиталъ въ душѣ другаго, и о чемъ одинъ мыслилъ, тоже находилось въ мысли и у другаго. Такимъ образомъ они, имѣя однѣ мысли и однѣ желанія, въ осьмый день послѣ праздника Свѣтовъ, ежегодно уходили

въ пустыню Куттилу. Тамъ, не имѣя никакого сообщенія съ людьми, съ однимъ только Богомъ чрезъ свои молитвы бесѣдовали, и жили въ сей пустынѣ до праздника Ваій. Ибо тогда они возвращались въ свои кельи, стяжавъ богатое сокровище добродѣтели, которое хотѣли принести воскресшему Христу, гораздо драгоцѣннѣйшее того золота, которое принесли Волхвы рождшемуся Ему. Сердце великаго Евѳимія преисполнено было добротою, а нравъ простотою и особенною скромностію, чрезъ что на каждый день возрастала въ немъ любовь къ Богу, и привлекала обиліе благодати Св. Духа.

12. Проведши же пять лѣтъ въ пустынѣ Фаранъ, выходитъ онъ изъ нея вмѣстѣ съ Ѳеоктистомъ, въ обыкновенное для нихъ время выхода; и, пришедъ къ нѣкоторому глубокому потоку, протекающему чрезъ пустыню между крутыми и высокими берегами, какъ бы по водительству нѣкоей указующей руки, на сѣверномъ берегу онаго находятъ нѣкоторую большую пещеру, и почитая сіе Божіимъ опредѣленіемъ, они избираютъ оную себѣ въ жилище. И потому,

что прежде было прибѣжищемъ звѣрей, то послѣ сдѣлалось священнымъ храмомъ и жилищемъ Ангеловъ. Въ сей пещерѣ они долго скрывались, и никто не приходилъ къ нимъ, кто бы могъ снабжать ихъ нужнымъ; но питались, сколько можно было, однѣми травами, въ семъ мѣстѣ растущими. Впрочемъ, какъ я думаю, поелику Богъ не хотѣлъ, чтобы добродѣтель оставалась въ неизвѣстности; но лучше восхотѣлъ, чтобы они содѣлались причиною спасенія другихъ (ибо какъ сіе иначе можетъ статься, когда ни отъ сада запертаго, ни отъ колодезя запечатаннаго, нѣтъ никакой для другихъ пользы?): то нѣчто такое съ ними и устрояется.

13. Нѣкоторые изъ пастуховъ Лазарійскихъ въ одно время выводятъ овецъ къ сему потоку, и взглянувши на пещеру, усматриваютъ ихъ надъ головою; испугавшися же нечаянности и необычайности сего видѣнія, со всевозможною скоростію побѣжали отъ нея. А Евѳимій и Ѳеоктистъ, стараясь разсѣять ихъ страхъ, съ ласкою и кротостію говорили имъ: не бойтесь бра-

тія, не бойтесь! Мы такіе же человѣки, какъ и вы; но за свои грѣхи сіе мѣсто избрали себѣ жилищемъ. Тогда пастухи, не опасаясь болѣе подойти къ нимъ, вошли въ пещеру, въ которой они жили, и не нашедши въ ней ничего такого, что бы благопріятствовало тѣлу, съ крайнимъ удивленіемъ вышли изъ оной, и видѣнное подробно разсказали домашнимъ своимъ. Такимъ образомъ въ послѣдствіи времени пастухи Лазарійскіе начали доставлять имъ нужное, и это по премудрому и человѣколюбивому Божію устроенію, дабы они, терпя нужду по отношенію къ тѣлу, получили въ оной вспомоществованіе отъ другихъ, а вспомоществующихъ вознаграждали гораздо лучшимъ, то есть, душевнымъ спасеніемъ.

14. Да и Фаранскіе жители, развѣдавъ о нихъ, и узнавъ, гдѣ живутъ, часто ихъ посѣщали. Два брата, Маринъ и Лука, въ первый разъ къ нимъ пришедшіе, забыли о возвращеніи назадъ: но, плѣнившись ихъ словами и добродѣтелію, какъ бы пѣніемъ какихъ—либо необманчивыхъ Сиренъ, вручаютъ себя имъ, какъ отцамъ и попечителямъ о

душахъ. Великій Евѳимій, принявши ихъ съ распростертыми руками, воспитывая приготовлялъ къ отшельнической жизни: и такъ удачно, что и они сдѣлались извѣстными въ мѣстахъ, около селенія Метопы лежащихъ, и построили монастыри; и Ѳеодосія великаго, начальника надъ общежителями сей пустыни, приготовили къ совершенному монашеству. Поелику же таковая молва о Евѳиміѣ въ короткое время всюду разпространилась; то множество народа, какъ бы по невольному стремленію къ тому, что благоухаетъ, каждой день къ нему стекалось; и каждый изъ приходящихъ просилъ позволенія съ нимъ жить, и ввѣрялъ себя его руководству, дабы образовать душу и научиться духовному житію. А онъ, желая наслаждаться однимъ только истиннымъ и безмятежнымъ уединеніемъ, все попеченіе о приходящихъ препоручилъ блаженному Ѳеоктисту, который, будучи всегда готовъ повиноваться ему, охотно принимаетъ и исполняетъ повелѣнное, хотя всѣмъ разполагалъ по совѣту Евѳимія.

15. Послѣ сего они намѣревались было

завести на семъ мѣстѣ общежитіе, и построить при сей пещерѣ Лавру, по образцу Фаранской: но дикость и неприступность мѣста не позволили около нея построить Лавры. Впрочемъ при подошвѣ сей скалы выстроиваютъ келліи для братій, и пещеру перемѣняютъ себѣ въ церковь, гдѣ Великій Евѳимій, имѣя собесѣдникомъ безмятежную тишину, пекся о душахъ, и весьма искусно врачевалъ раны душевныя, порокомъ причиняемыя, отъ которыхъ оныя очень часто страждутъ. Каждому изъ приходящихъ къ нему всякой день братій, которые съ искренностію открывали ему свои помышленія, давалъ лѣкарство, приличное болѣзни каждаго; чему онъ научился собственнымъ опытомъ и благоразуміемъ и сужденіями многихъ другихъ: такъ что нѣкоторымъ образомъ исполнились и на немъ слова божественнаго Іереміи: *Искусителя дахъ тя въ людехъ моихъ, и увѣси внегда искусити ти путь ихъ.* Іер. 6, 27.

16. Евѳимій часто, то въ отеческихъ совѣтахъ, то въ дружескихъ разговорахъ научалъ, что разстающіеся съ міромъ и съ

*

вещами мірскими, должны всегда помышлять объ одномъ только послушаніи и смиреніи, а не жить по своей волѣ, притомъ всегда имѣть въ виду смерть, бояться мученій и стремиться къ царству небесному, во всякое время посвящать себя трудамъ, рукодѣлію, занятіямъ, а наипаче въ юношескихъ лѣтахъ, когда страсти сего возраста весьма обуреваютъ человѣка. Ибо тогда, для собственной безопасности, и тѣло надобно удручать трудами и болѣзнями, дабы плоть повиновалась разуму и юношеская пылкость охладѣвала, и дабы такимъ образомъ содѣлались подражателями Св. Павлу и исполнителями божественныхъ его законовъ; не для того только, чтобы избѣгать праздности, (такъ какъ онъ лѣниваго и небрежнаго почитаетъ недостойнымъ даже пищи; ибо, говоритъ онъ, *аще кто не хощетъ дѣлати, ниже да ястъ* 2 Сол. 3, 10.) но потому, что мы имѣемъ такія же руки, какъ и онъ. Ибо *сіи руки*, говоритъ, *служили мнѣ и тѣмъ, кои со мною были*. Дѣя. 20, 34. Ни съ чѣмъ несообразно будетъ, естьли живущіе въ мірѣ трудами рукъ своихъ кормятъ жену, дѣтей и все семейство, и о-

плачивающъ за себя каждогодную подать, но еще тѣхъ же трудовъ начатки приносятъ въ жертву Богу и по силѣ благотворятъ другимъ, а мы не будемъ дѣлиться съ другими плодами рукъ своихъ.

17. И еще слѣдующія его наставленія достойны того, чтобы предать ихъ памяти. Евѳимій совѣтовалъ сохранять пристойное молчаніе въ храмѣ Господнемъ, и не говорить ни съ кѣмъ изъ братій во время совершенія Святыхъ Таинъ: также не давать воли языку за трапезою, когда братья собираются къ обѣду; но хранить одинаковое молчаніе въ томъ и другомъ мѣстѣ. Не нравилось также ему и то, что нѣкоторые изъ братій, особливо молодые, явно и всенародно показываются постящимися съ особеннымъ предъ прочими товарищами сердечнымъ сокрушеніемъ, а чрезъ сіе, поступая сообразно съ собственною волею и закономъ, нарушаютъ общее правило братства. Ибо онъ хотѣлъ, чтобы добро не было разглашаемо, и дѣлаемо въ явь, но чтобы оно было, какъ можно, скрытнѣе. То воздержаніе особенно похвалялъ,

которое не доходить до сытости, и которое оставляетъ пищу тогда, когда еще остается нѣкоторый позывъ на оную. Такое принятіе пищи менѣе потребнаго, внутренно ведетъ къ сопротивленію страстямъ и крѣпко ограждаетъ отвсюду оружіемъ, сроднымъ монаху, каково есть: смиреніе, цѣломудріе, размышленіе, разсужденіе, повиновеніе для Бога и прямо божественная добродѣтель. Такое ученіе каждой день слушали братія изъ устъ сего краснорѣчиваго Витіи!

18. Но я теперь своею рѣчью хочу коснуться произшествій древняго Теребона, о коихъ единогласно сказывали мнѣ всѣ старики изъ Отцевъ, точнѣе же Теребонъ, потомокъ древняго Теребона, который начальствовалъ надъ однимъ племенемъ у Сарациновъ, и оставилъ у нихъ весьма славное по себѣ имя. Разсказать же надобно съ самаго начала, дабы повѣствованіе было понятнѣе. Былъ нѣкто между Персами Еллинъ, именемъ Аспеветъ, который начальствовалъ надъ племенемъ Сарацинскимъ. Во время гоненія, около конца царствованія

Издегердова воздвигнутаго на Христіанъ Волхвами, сіи, положивши твердое намѣреніе, переловить всѣхъ Христіанъ, всѣхъ начальниковъ надъ племенами, и въ числѣ ихъ Аспевета, разставляютъ по всѣмъ дорогамъ, строго стеречь, чтобъ никто изъ Христіанъ не могъ тайно убѣжать въ Римскія владѣнія. Аспеветъ, видя сіе столь сильное ожесточеніе противъ Христіанъ, изъ сожалѣнія о ихъ несчастіи, не только не препятствовалъ имъ убѣгать, но еще очень много къ тому способствовалъ. За сіе будучи обвиненъ предъ царемъ Издегердомъ, и опасаясь его жестокости, взявши имѣніе, сродниковъ и сына Теребона, перебѣгаетъ къ *Римлянамъ*. Анатолій, бывшій тогда военачальникъ на востокѣ, принявши ихъ, поселяетъ въ Аравіи, и надъ племенемъ Сарацинскимъ, которое платило тогда дань Римлянамъ, начальство вручаетъ Аспевету, показывая ему чрезъ сіе, что пріемъ его надеженъ, и что онъ не долженъ опасаться коварства,

19. Когда Аспеветъ перешелъ къ Римлянамъ, сынъ его Теребонъ, еще не пришед-

шій въ мужескій возрастъ, и по сему самому еще дѣйствительный отрокъ, былъ пораженъ демономъ такъ, что правая половина его тѣла изсохла, помертвѣла, и не имѣла никакого дѣйствія. Сіе омертвеніе простиралось отъ головы до ногъ, и, сколько отецъ ни тратилъ имѣнія на лѣкарей, Теребонъ никакой отъ искуства ихъ не получилъ пользы. Когда же они переселились въ землю Аравійскую, отрокъ сей видитъ нѣкое сновидѣніе, и, проснувшись, разсказываетъ оное отцу. Отецъ тотчасъ беретъ сына и многихъ изъ подвластныхъ себѣ варваровъ, и отправляется къ пещерѣ Евѳимія и Ѳеоктиста, куда явившееся во снѣ отроку видѣніе повелѣвало идти. Братія, когда увидѣли такое множество, пришли въ смятеніе и страхъ отъ того, что не знали, что будетъ съ ними. Но блаженный Ѳеоктистъ, разсѣявъ душевный ихъ страхъ, смѣло подходитъ къ варварамъ, и спрашиваетъ, какая нужда завела ихъ туда. Варвары отвѣчали, что мы идемъ увидѣть Евѳимія. Блаженный Ѳеоктистъ на сіе сказалъ, что Евѳимій нынѣ въ уединеніи и ни кому не покажется и ни съ кѣмъ не бу-

детъ говорить до самой Субботы. Тогда Аспеветъ, взявши за руку Θеоктиста, показываетъ ему сына своего, до половины сухаго, и правою частію своего тѣла какъ бы умершаго; потомъ подаетъ знакъ отроку, и онъ по порядку началъ разсказывать все, съ нимъ случившееся.

20. Я, говорилъ онъ, получивши сей ударъ въ Персіи, и будучи измученъ искусствомъ лѣкарей и волхвовъ, никакой пользы отъ сего не ощутилъ, а только узналъ, что не много должно надѣяться на нихъ. Послѣ, когда перешли въ сію Аравію, и здѣсь опять я страдалъ отъ прежняго несчастія, и тѣже переносилъ мученія. Въ одну ночь спрашивалъ я себя и размышлялъ, гдѣ бы найти хотя нѣкоторое освобожденіе отъ своего страданія. И поелику отъ своихъ никакого неполучалъ облегченія въ болѣзни; то сказалъ я самъ себѣ: Теребонъ, гдѣ теперь врачебное и Магическое искусство Грековъ и Персовъ; гдѣ самохвальство ихъ и всѣми выхваляемая польза? Гдѣ очарованія Астрологовъ и баснословные наши священные обряды и безполезныя призыванія? Все это

обманъ и очевидное шутовство, отъ котораго никакой, говорилъ я, не льзя получить пользы безъ воли Творца и Господа всѣхъ. Размысливъ и сказавъ сіе себѣ, я пламенно молился Богу, и у Него одного искалъ освобожденія отъ сего страданія; и за сіе далъ обѣщаніе, перемѣнить свой образъ жизни, и сдѣлаться Христіаниномъ.

21. Когда я такимъ образомъ молился Богу, нечувствительно заснулъ. Въ сіе время видѣлъ я нѣкотораго Монаха, съ длинною и густою бородою, старца, покрытаго сѣдиною, который спрашивалъ меня, какая болѣзнь и какое зло постигло насъ. Я показалъ ему свою болѣзнь, и онъ спросилъ: исполнишь ли то, въ чемъ обѣщался Богу? И когда я снова поклялся, что готовъ все исполнить, тогда онъ сказалъ: я Евѳимій, и живу въ восточной пустынѣ, при потокѣ, протекающемъ на южной сторонѣ дороги, ведущей въ Іерихонъ, въ десяти миляхъ отъ Іерусалима; и такъ, естьли желаешь освободиться отъ болѣзни, приди ко мнѣ, и Богъ чрезъ меня изцѣлитъ тебя. Увидѣвши такое сновидѣніе, и проснувшись, я тотчасъ

разсказалъ оное отцу. И вотъ мы, отложивши все прочее, какъ повелѣвало видѣніе, пришли теперь сюда, и тебя всеусердно и усильно просимъ, показать намъ того Божественнаго и по истинѣ чуднаго врача, который указанъ намъ въ видѣніи.

22. Выслушавъ сіе блаженный Ѳеоктистъ, и удивляясь, какимъ образомъ сіе видѣніе было явнымъ знакомъ Божіей благодати, прерываетъ Евѳиміево уединеніе, и пересказываетъ подробно все по порядку, болѣзнь отрока, безсиліе врачей, его обѣщанія общему всѣхъ Господу, оный сонъ и явившееся видѣніе. Евѳимій увѣрившись, что сіе дѣлается по Божію устроенію, тотчасъ выходитъ къ варварамъ, и усердно помолившись объ отрокѣ, и возложивъ на него изображеніе креста, не имѣлъ нужды во многомъ времени и въ продолжительной молитвѣ, но вдругъ дѣлаетъ его крѣпкимъ и здравымъ.

23. Сіе поражаетъ варваровъ, и скорѣе, нежели у больнаго тѣло, у нихъ исцѣляются души; всѣ они получаютъ душевное исцѣ-

деніе и тотчасъ дѣлаются вѣрующими. Почему, поверпшись на землю, съ умиленіемъ просятъ святаго мужа сего, чтобы запечатлѣть ихъ печатію Христовою, и удостоить жребія и имени Христіанъ.

24. Вовсе не сродно было бы Боголюбивому мужу медлить въ такомъ дѣлѣ. По сему и Евѳимій ни мало не медлилъ, но, видя, что они просятъ Святаго Крещенія болѣе сердцемъ, нежели устами, приказываетъ наскоро приготовить въ углу пещеры какую-либо небольшую купель (которая и по сіе время остается цѣла) и, произнося обыкновенныя молитвы, и совершивъ надъ ними законные обряды, напередъ погружаетъ Аспевета, переименовавъ Петромъ, потомъ Мариса, брата жены Аспеветовой. Оба сіи мужи славились по своему произхожденію, имѣли великія богатства, и благоразуміемъ и добродѣтелію еще болѣе украшали свое богатство, или лучше, самое богатство у нихъ было веществомъ добродѣтели. И наконецъ крещаетъ Теребона и послѣ него всѣхъ прочихъ. Евѳимій, продержавъ ихъ у себя 40 дней, совѣтами и наставленіями

научалъ благочестію, и напослѣдокъ, внушивъ имъ твердыя по всѣмъ отношеніямъ и надежныя правила для полученія спасенія, съ миромъ отпускаетъ уже не Агарянами и не Измаильтянами, но дѣтьми Сарры, и чрезъ Божественное Крещеніе, истинными наслѣдниками обѣтованія.

25. Марисъ, дядя Теребоновъ по матери, не хотѣлъ озираться вспять, и оставить сію обитель, положивъ въ нее все свое имѣніе, и почитая всѣ блага мірскія ничтожными, желаніе коихъ казалось ему недостойнымъ благородной и великой души, прилѣпляется къ одному Богу, и всю жизнь свою подчиняетъ Его воли, подъ руководствомъ великаго вождя.

26. Когда слухъ о семъ чудѣ разошелся по многимъ мѣстамъ сей пустыни, то многіе, одержимые различными недугами и болѣзнями, стекались къ Божественному Евѳимію; и получая изцѣленіе безмездно и скоро, съ радостію возвращались: такъ что въ короткое время онъ сдѣлался извѣстенъ во всей пустынѣ, и не только вся Пале-

стина знала имя его, но разнеслось оное и по другимъ окрестнымъ землямъ, и тамъ много было прославляемо. Для другаго это было бы пріятно; но Евѳимію это причиняло великое негодованіе и прискорбіе, не потому только, что онъ отвращался славы человѣческой, но потому, что онъ вспоминалъ о прежнемъ своемъ спокойствіи, когда ни чѣмъ не былъ развлекаемъ и не зналъ никакого безпокойства. Почему и хотѣлъ было тайно отселѣ перейти въ Руву.

27. Но блаженный Ѳеоктистъ, не знаю, какимъ-то образомъ узнавъ о его намѣреніи и объявивъ оное братіямъ, собираетъ всѣхъ ихъ, и съ общимъ и усерднымъ прошеніемъ обращается къ Евѳимію, чтобы онъ сжалился надъ ихъ сиротствомъ и не презрѣлъ того стада, которое самъ собралъ, и которое послѣ его отшествія жестоко будетъ мучимо общимъ всѣхъ врагомъ. Сими словами онъ убѣдилъ Евѳимія не уходить тогда отъ нихъ, и не оставлять ихъ.

28. Поелику же послѣ сего пламень любви къ уединенію въ немъ усугубляется; то

Евѳимій, не зная, что дѣлать, взявъ нѣкоего, именемъ Домиціана, родомъ Мелитянина, искренняго любителя добродѣтели, вмѣстѣ съ нимъ выходитъ отселѣ, никому не давши о томъ знать, и приходитъ въ южную пустыню Руву, лежащую близь мертваго моря. Потомъ восходитъ на одну гору, называемую Марда, которая отдѣльно отъ другихъ горъ стояла; и переходя съ горы на гору, какъ *птичка*, Пс. 10, 1. 2. по словамъ Божественнаго Давида, дабы избѣжать стрѣлъ грѣшниковъ, находитъ здѣсь колодезь и обрушившіяся зданія, воздвигаетъ храмъ, и поставляетъ тамъ жертвенникъ (что и понынѣ существуетъ) и проживаетъ тутъ нѣсколько времени. Нужную для тѣла пищу коекакъ составлялъ изъ травъ, тутъ растущихъ, и довольствовался оною, какъ богатымъ столомъ.

29. Послѣ пришла ему мысль пойти въ пустыню Зифъ, близъ селенія Аристовуліады, дабы увидѣть тѣ пещеры, въ которыхъ прежде укрывался Давидъ отъ гоненій Саула. Онъ повинуется сей мысли, и пришедши, и плѣнившись красотою мѣста, воз-

двигнулъ тамъ монастырь. Естьли бы я умолчалъ о причинѣ, побудившей построить сей монастырь, то это было бы потерею для Боголюбивыхъ.

30. У одного изъ жителей селенія Аристовуліады сынъ тяжко страдалъ отъ того, что былъ одержимъ злымъ духомъ. Страждущій и одержимый злымъ духомъ непрестанно яснымъ голосомъ возглашалъ имя Евѳимія, или лучше, въ немъ возглашалъ злый демонъ, не столько мучившій, сколько мучимый. Родители и родственники, видя, что онъ непрестанно произносилъ имя Евѳимія, и что нечистый духъ сильнѣе тогда мучилъ его, начали развѣдывать, кто такой Евѳимій, и весьма заботились какъ бы узнать о немъ. Впрочемъ не много трудясь въ семъ разысканіи (ибо вся вселенная оглашалась слухомъ и именемъ Св. Евѳимія), они узнаютъ, что онъ живетъ между Абарисами и селеніемъ Аристовуліадою. По сему взявши отрока, тотчасъ пошли къ Евѳимію. Хотя далеко еще отъ его пещеры они находились, но поелику Евѳимій отроку сдѣлался весьма извѣстенъ, то живущій въ немъ

духъ, предчувствуя силу благаго Духа, живущаго въ Евѳиміи, помыслилъ о своемъ бѣгствѣ, подобно робкимъ, малодушнымъ непріятелямъ, которые, не дожидаясь прихода воиновъ, до сраженія уступаютъ мѣсто; и потому вдругъ, помучивъ юношу, изчезъ. Ибо злому сродно и дѣлать зло, и даже самое изшествіе свое ознаменовать бѣшенствомъ и мученіемъ. Какъ скоро онъ отступилъ, юноша получилъ прежнее здоровье и умъ; и симъ самымъ оказалось, что бывшее въ немъ помѣшательство и страшное волненіе не отъ него происходило, а отъ другаго.

31. Поелику же слухъ о семъ чудѣ въ короткое время разнесся по всей пустынѣ: то многіе какъ изъ самаго селенія Аристовуліады, такъ и изъ окрестностей онаго, стекаются къ Евѳимію, и строятъ ему монастырь, въ которомъ многіе благочестивые мужи и рѣшились остаться жить, надѣясь, что Богъ свыше будетъ низпосылать нужное для тѣла.

32. Впрочемъ не одни мысленные звѣри,

духи злобы, покарялись Евѳимію: но онъ, непрестанно находясь въ пустыняхъ и всегда встрѣчаясь съ видимыми звѣрями, сколько они ни были свирѣпы и люты, никакой не подвергался отъ нихъ опасности, и никакого не терпѣлъ вреда. Сему всякой долженъ вѣрить, зная, сколь непреодолима сила благаго Духа, удобно могущая творить всякія чудеса. Свидѣтельствуютъ о семъ море, жезломъ разсѣченное, солнце по одному велѣнію остановившееся и удержанное отъ дальнѣйшаго теченія, огонь въ росу превращенный, и другія многія удивительныя чудеса.

33. Въ сей же пустынѣ Зифъ случилось и другое нѣчто, достойное ума и благочестія чудодѣйствующаго Евѳимія. Нашедши въ оной нѣкоторыхъ зараженныхъ безумнымъ ученіемъ Манеса, онъ рѣшился посѣщать сихъ больныхъ, поелику болѣзнь сія безпрестанно увеличивалась отъ того, что никто не находился такой, который бы умѣлъ излѣчить оную; и, сдѣлавшись для нихъ искуснѣйшимъ врачемъ, столь исправно исполнилъ свое дѣло, что болѣзнь (или, что

тоже, ересь) отъ нихъ отстала. Они отъ виновика ереси Манеса явно отреклись, открыто предали его проклятію, и сами сдѣлались членами Апостольскія и православныя Вѣры.

34. Но и здѣсь видя великое стеченіе народа (ибо сія пустыня со всѣхъ сторонъ окружена была селеніями, и находящееся у него сокровище сзывало къ нему любителей духовнаго и небеснаго богатства), Евѳимій, вмѣстѣ съ ученикомъ своимъ Домиціаномъ, возвращается къ братіямъ и блаженному Ѳеоктисту: что для сихъ столь пріятно было, какъ пріятна вода томимымъ жаждою во время зноя. Пришедши же въ одно мѣсто, на три мили отъ общежитія отстоящее, коего какъ самое мѣстоположеніе, такъ и хорошій, чистый и пріятный, со всѣхъ сторонъ спокойно дышущій воздухъ, ему очень понравились, онъ вмѣстѣ съ ученикомъ вошелъ тамъ въ маленькую пещеру, и въ ней проводилъ время.

35. Блаженный Ѳеоктистъ, узнавши о его прибытіи, ни мало не медля идетъ къ нему,

влекомый пламеннымъ желаніемъ видѣться. Увидѣвшись же, съ великимъ удовольствіемъ, и духовнѣ привѣтствовавъ его, не хотѣлъ болѣе разлучиться съ нимъ; поелику соединенъ былъ неразрывными узами любви, и глубоко напечатлѣлись въ сердцѣ его сладостныя наставленія Евѳиміевы. По сему просилъ Евѳимія перейти въ общежитіе къ братіи, и вмѣстѣ съ ними провождать отшельническую жизнь. Впрочемъ Евѳимій, по сильной любви къ уединенію, не согласился на сіе прошеніе Ѳеоктиста, а обѣщался только въ каждый воскресный день приходить, и присутствовать въ ихъ собраніи.

36. Когда же узналъ, не знаю, какимъ образомъ, о его прибытіи и Аспеветъ, получившій послѣ имя Петра; то великое множество Агарянъ собралось видѣть Евѳимія. Ибо Петръ, желая раздѣлить съ другими сладость того блага, которое самъ прежде вкусилъ, собираетъ многихъ Агарянъ всякаго рода и возраста, и приводитъ къ Евѳимію. Что для Евѳимія было пріятно; и онъ, съ веселіемъ посмотрѣвъ на приведенныхъ, и прочитавъ по обыкновенію извѣст-

ныя молитвы, отводитъ ихъ къ братіи въ монастырь. Послѣ освятилъ ихъ Святымъ Крещеніемъ, и наставилъ, пробылъ съ ними семь дней, не терпѣлъ болѣе обращенія со многими, но, какъ прежде сказали, по чрезмѣрной любви къ уединенію, опять удалился въ свою пустыню.

37. Петръ, увидѣвъ тогда, что онъ въ пустынѣ никакого не имѣетъ крова и пристанища, въ знакъ небольшей благодарности за великія его благодѣянія, то есть, за Крещеніе и спасеніе, нанявши художниковъ, выкопалъ въ саду великую пещеру, имѣющую двѣ двери (которую и нынѣ еще видѣть можно); сдѣлалъ въ ней печку для печенія хлѣбовъ, и для Евѳимія приготовилъ три кельи, между которыми устроилъ домъ молитвенный, такъ что Евѳимій ни въ чемъ нужномъ не могъ уже терпѣть никакого недостатка

38. Агаряне же, о которыхъ я выше упомянулъ, имъ крещенные, желая всегда почерпать питіе изъ пріятнѣйшаго источника, каковъ былъ языкъ Евѳиміевъ, ни на-

сколько не хотѣли отстать отъ него, но усильно просили позволенія жить съ нимъ, и слова его имѣть вмѣсто пищи и питія жизни. Но Евѳимій, дабы самому не лишиться того блага, которымъ наслаждается въ уединеніи, не позволяетъ имъ здѣсь остаться: а отведши въ другое мѣсто, лежащее между тѣми двумя монастырями, и очертивши мѣсто для храма и вокругъ его для келлій, повелѣваетъ имъ, сообразно съ планомъ строиться, и въ оныхъ кельяхъ жить. Когда же они построили себѣ домики, и утвердили въ нихъ свое жилище, то великій Евѳимій часто посѣщалъ ихъ, и всегда наблюдалъ, какъ они вели себя. Ибо онъ зналъ, какая изъ того проистекаетъ и для него самаго польза. По сему не прежде оставилъ сіе дѣло, какъ когда совершенно очистилъ и научилъ Христіанству души ихъ, и когда избралъ имъ, для управленія, Пресвитера и Діаконовъ. И сіе мѣсто сдѣлалось постояннымъ и мирнымъ жилищемъ не только для тѣхъ, которые прежде крещены, но и для другихъ многихъ, на каждый день приходящихъ къ Евѳимію и отъ него крещаемыхъ.

39. Почему Божественный Евөимій, видя, что весьма многіе изъ сыновъ Агари, содѣлываясь истинными чадами обѣтованія, разсѣлялись въ различныхъ мѣстахъ, посылаетъ къ Ювеналію, Патріарху Іерусалимскому, съ прошеніемъ, дабы онъ кого-нибудь рукоположилъ имъ въ Епископа. Сей посылаетъ къ нему Петра, отца Теребонова, какъ способнаго бдѣть о душахъ и руководить ихъ ко спасенію. Такимъ образомъ Петръ первый рукополагается въ Епископа надъ Христіанами, живущими въ Палестинѣ. Сарацины же, подобно рѣчному стремленію водъ, толпами стекались сюда; приходящіе присоединялись къ прежнимъ; и всѣ, будучи ознаменованы печатію крещенія, причислялись къ стаду Христіанъ. Но о семъ довольно, и время возвратить рѣчь къ тому, съ чего начали.

40. Великій Евөимій совсѣмъ не имѣлъ намѣренія, завести на томъ мѣстѣ общежитіе, или построить Лавру. По сему, хотя нѣкоторые, или отрекшись отъ міра, или для вспомоществованія тѣлеснымъ нуждамъ его, приходили къ нему; но въ тоже

время опять отсылаемы были къ блаженному Ѳеоктисту. Поелику же Провидѣніе въ премудромъ совѣтѣ своемъ опредѣлило, чтобы сія пустыня была населена, такъ какъ оно знало, что это многимъ послужитъ въ основаніе спасенія: то приходятъ къ Евѳимію нѣкоторые три брата по плоти, которые хотя родились въ Каппадокіи, но воспитывались въ Сиріи, тамъ получили образованіе какъ въ добродѣтели, такъ и въ наукахъ, Косма, Хрисиппъ и Гавріилъ. Но Евѳимій, по обыкновенію своему, и ихъ не принималъ, поставляя причиною молодость и взаимную ихъ естественную связь любви, которая весьма много можетъ препятствовать ревностнымъ пустыннымъ подвигамъ. Особенно былъ молодъ Гавріилъ, который и волосовъ на бородѣ еще не имѣлъ. По сему-то совсѣмъ не хотѣлось Евѳимію принять ихъ къ себѣ. Но въ ту же ночь видитъ онъ сонъ, который повелѣваетъ ему какъ сихъ братьевъ принять, такъ какъ посланныхъ къ нему самимъ Богомъ, такъ и впредь быть готовымъ къ принятію всякаго приходящаго, или желающаго придти. И Евѳимій тотчасъ, по повелѣнію сновидѣнія, принявши тѣхъ

родныхъ брашьевъ, говоришъ Космѣ, кошорый былъ сшаршій изъ нихъ: поелику я принялъ и поселилъ васъ здѣсь по повелѣнію Божію; шо самыя лѣша швои налагаюшъ на шебя должносшь, хранишь младшаго браша своего Гавріила, и никакъ не позволяшь Ему выходишь изъ кельи. Ибо для глазъ другихъ весьма опасно и соблазнишельно лице женоподобное, гладкое и безволосое. Послѣ предсказывалъ ему нѣчшо шакое, чшо впредь съ нимъ случишся; и наконецъ сказалъ, чшо я не думаю, чшобы шы здѣсь долго жилъ. Ибо спусшя немного поручашъ шебѣ начальсшво надъ церковію Скиѳопольскою. Вошъ чшо происходило при приняшіи сихъ мужей.

41. Послѣ нихъ Евѳимій всякому желающему позволилъ приходишь къ себѣ, и всегда былъ гошовъ къ приняшію. Принялъ же онъ Домна, родомъ изъ Аншіохіи, племянника Іоанна, начальника шамошней церкви, шакже другихъ шрехъ родныхъ брашьевъ, родомъ изъ Мелишена, двоюродныхъ брашьевъ Синодія, кошорый вмѣсшѣ съ Акакіемъ воспишывалъ Евѳимія; имена же имъ: Сшефанъ, Андрей и Гаіянъ. Послѣ сихъ принимаешъ

еще Іоанна, Пресвитера Раиѳскаго, Анатолія и Ѳалассія, и наконецъ Киріона Тиверіадскаго, Пресвитера Скиѳопольскаго храма, который былъ посвященъ Мученику Василію. Принявъ ихъ, убѣждаетъ Епископа Петра, построить имъ небольшія кельи, и какъ можно лучше украсить храмъ. И такимъ образомъ воздвигаетъ здѣсь Лавру, ничѣмъ не хуже той, которая находится въ пустынѣ Фаранъ.

42. Послѣ сего и самъ Патріархъ Ювеналій, взявъ Святаго Пассаріона, который былъ тогда Хорепископомъ, и Исихія Пресвитера, приходитъ въ Лавру къ Евѳимію, и храмъ, въ ней находящійся, освящаетъ, на 52-мъ году отъ рожденія Евѳиміева. Поставивши Пресвитерами Іоанна и Киріона, онъ рукополагаетъ во Діаконы Домиціана и Домна. Великій Евѳимій радовался сему, и наипаче душа его была исполнена веселія отъ того, что онъ видѣлъ присутствующими въ своей Лаврѣ вмѣстѣ съ Патріархомъ Пассаріона и Божественнаго Исихія, которые тогда особенно были славны изъ подвижниковъ. Святый Пассаріонъ, менѣе нежели

чрезъ мѣсяцъ послѣ сего, скончался въ глубокой старости.

43. Поелику же великій и чудный Евѳимій съ братіями своими въ новой своей Лаврѣ во многомъ терпѣлъ нужду: то Божественное провидѣніе не оставило ихъ безъ своей помощи, и отверзающаяся рука, которая исполняетъ всякое животное благоволенія, Пс. 144, 16. чуднымъ образомъ отверзлась и для нихъ. Ибо караванъ Армянъ, не менѣе какъ изъ 400 человѣкъ состоявшій, идя отъ Св. Града къ Іордану, нечаянно уклонился съ дороги на правую сторону, какъ будто по чьему-либо руководству, и зашелъ въ сію Лавру: и это, я думаю, случилось по премудрому устроенію Промысла, дабы великая добродѣтель сего Отца сдѣлалась еще болѣе извѣстною. Великій Евѳимій, видя ихъ идущихъ, и думая, что они уклонились сюда, дабы утомившись нѣсколько отдохнуть, призываетъ Домиціана, коему поручено было разпоряженіе въ Лаврѣ, и повелѣваетъ ему изготовить для путешественниковъ обѣдъ. Когда же сей отговаривался ему недостаткомъ и отвѣчалъ, что

и для братіи на день мало пищи; то Евѳимій, твердо надѣясь на Того, который по богатству благости своея и вдовицѣ даровалъ обильную пищу, 3. Цар. 17. послалъ Домиціана туда, гдѣ обыкновенно хранился у нихъ хлѣбъ. Ты увидишь, сказалъ онъ, что значатъ человѣческія помышленія, и что Божественная Благодать неожиданно можетъ сдѣлать.

44. Домиціанъ тотчасъ пошелъ, и пришедъ, (о неизрѣченныя чудеса Твои, Христе!) находитъ тамъ, по Божественному и премудрому промыслу, столько хлѣбовъ, что и дверей не льзя было отворить, по причинѣ множества хлѣбовъ, внутри находящихся. Почему онъ призываетъ другихъ нѣкоторыхъ изъ братій, и съ помощію ихъ разломавъ двери, видитъ тамъ безчисленное множество хлѣба; также большое количество вина и масла, и все, что нужно было для щедрости Евѳимія.

45. Увидѣвъ сіе Домиціанъ, и познавъ силу Божественныя Благодати, падаетъ къ ногамъ великаго Евѳимія, прося прощенія и

искреннее принося раскаяніе въ прежней безрассудной бережливости. И сей, въ знакъ благосклоннаго прощенія, простеръ свои руки къ Домиціану, и поднявъ его, сказалъ: Сынъ мой, *сѣяй о благословеніи, о благословеніи и пожнетъ.* 2 Кор. 9, 6. Кто приходящимъ предлагаетъ свой кровъ и соль, тотъ непримѣтнымъ образомъ собираетъ себѣ обиліе даровъ, и не столько раздаетъ, сколько получаетъ. Сіе вамъ, братія, должно наблюдать, естьли желаете угодить Богу и всегда довольное въ своихъ нуждахъ получать вспоможеніе. Съ сего времени, какъ говорятъ, въ первый разъ показалось изобиліе благъ въ сей Лаврѣ, и послѣ оныя видимо начали очень умножаться; число братій возрасло до 50, и каждому изъ нихъ была построена келья, и каждый день совершалось священное тайно-дѣйствіе.

46. Распорядитель имѣнія, видя, что, по причинѣ такого множества братій, и услуга не малая нужна ему, въ Лаврѣ завелъ и лошаковъ. Тамъ былъ нѣкто изъ Азіи, именемъ Авксентій, способный къ тому, чтобы ходить за лошаками. Экономъ просилъ

его вступить въ оную должность, но онъ отказался и не послушался. А поелику это было нужно; то Экономъ взявъ съ собою Пресвитеровъ, Іоанна и Киріона, вмѣстѣ съ ними опять просилъ о томъ же Авксентія. Поелику же сей и тогда не послушался; то, когда наступила суббота и по обыкновенію пришелъ великій Евѳимій, Экономъ сказываетъ ему все касательно Авксентія. Евѳимій въ тоже время призываетъ брата, и убѣждаетъ его послушаться и не быть такъ упрямымъ и непреклоннымъ, чтобъ изъ повиновенія собственной волѣ не принять общественной должности, полезной для всѣхъ братій. Но Авксентій не постыдился и самаго Евѳимія и не уважилъ его, но явно все презрѣлъ, и всякія выставлялъ отговорки, чтобы только сдѣлать по своему. Отговаривался тѣмъ, что онъ иноземецъ, и не совершенно знаетъ языкъ той земли, или представлялъ въ причину опасныя внушенія своея плоти и различныя ухищренія лукаваго; я боюсь, говорилъ онъ, чтобъ лукавый не уловилъ меня, когда я буду не на глазахъ вашихъ, и не показалъ бы на мнѣ своей злобы,

притомъ же, по непривычкѣ къ заботамъ и шуму, я разстрою себя и сдѣлаюсь неспособнымъ къ тишинѣ и душевному спокойствію.

47. Такъ отговаривался Авксентій, и выставлялъ вредъ для своей души; но великій Евѳимій опять сказалъ ему: Сынъ мой, мы будемъ молиться Богу, чтобы ты за свое послушаніе никакому не подвергся вреду. Ибо самъ Христосъ говоритъ: *Я не для того пришелъ, чтобы служили мнѣ, но чтобы служить.* Мѳ. 20, 28. И еще: *Не творю волю свою, но волю пославшаго Меня Отца.* Іо. 5, 30. Поелику же послѣ сего Авксентій болѣе ожесточился и ни на что не соглашался, то Божественный Евѳимій съ угрозою сказалъ ему: Сынъ мой, мы тебѣ совѣтовали, что для тебя полезно; а ты, оставаясь непокорнымъ, тотчасъ узнаешь, какой плодъ упрямства. Еще не кончилъ словъ своихъ Евѳимій, Авксентій, не знаю отъ чего, затрясся всѣмъ тѣломъ и упалъ несчастный на землю, достойный оплакиванія только по причинѣ несчастія. Находившіеся тутъ братія, тронутые столь

бѣдственнымъ его положеніемъ, просятъ Евѳимія, умоляютъ и даже заклинаютъ помочь поверженному и жестоко наказанному за свое непослушаніе. Онъ готовъ былъ послушать ихъ прозьбы за сего столь непослушнаго и упрямаго. И взявъ его за руки, поднимаетъ Авксентія, еще трепещущаго отъ страха, и во всѣхъ почти членахъ терпящаго наказаніе. Потомъ возложивъ на него знаменія креста, какъ нѣкоторое лѣкарство, освобождаетъ его отъ болѣзни, и тотчасъ содѣлываетъ здравымъ.

48. Возставленный Авксентій, когда вспомнилъ о своемъ непослушаніи, и сознался, что оное было единственною причиною сего столь сильнаго удара, еще большее терпѣлъ наказаніе отъ угрызенія совѣсти; ибо раскаяніе ужасно мучило его. По сему онъ припадаетъ къ ногамъ Евѳимія, и проситъ какъ прощенія въ своей винѣ, такъ и безопасности на будущее время. Какъ же скоро сей простилъ его, (ибо душа, съ прискорбіемъ доведенная до гнѣва, не могла не придти въ сожалѣніе), и молитвою оградилъ его и на будущее время, то Авксентій съ удоволь-

стіемъ и охотою беретъ на себя обязанность, ходитъ за лошаками. Такимъ образомъ *наказаніе Господне*, по словамъ Св. Писанія, *отверзаетъ уши* Иса. 50, 5. и прибавляетъ ума. И тотъ, кто, не бывъ наказанъ, явно выказывалъ свое упорство, будучи усмиренъ наказаніемъ, являетъ себя готовымъ къ послушанію. Сіе разсказалъ мнѣ пустынникъ Киріакъ, который, еще въ младенчествѣ будучи постриженъ въ общежитіи великаго Евѳимія, довольно много времени обращался съ его преемниками, и, тщательно развѣдавъ отъ нихъ занятія и образъ жизни сего мужа, послѣ почти 70 лѣтъ прожилъ въ Лаврѣ древняго Сука, преуспѣвая во всѣхъ родахъ добродѣтели, и славясь непорочною жизнію.

49. И вотъ еще что онъ же мнѣ разсказалъ. Двое изъ братій, Маронъ и Климатій, наскучивши строгостію жизни Лаврской, условились между собою тайно, во время ночи, уйти изъ нея. О семъ они разговаривали вмѣстѣ и разсуждали. Но Тотъ, кто испытуетъ глубины, и чрезъ Исаію говоритъ преданнымъ своимъ: *Не будетъ те-*

бѣ ктому солнце во свѣтъ дне, ниже восходъ луны просвѣтитъ тебѣ нощь: но будетъ тебѣ Господь свѣтъ вѣчный, Иса. 60, 19. Тотъ самъ открываетъ и сіе рабу своему. Это было такимъ образомъ: когда сей великій и дивный Евѳимій находился въ безмолвіи, видится ему, что злый духъ налагаетъ узду на Марона и Климатія въ то время, когда они предстояли предъ Святымъ, и влечетъ ихъ въ тяжкія сѣти.

50. Евѳимій, тотчасъ догадавшись о зломъ умыслѣ, призываетъ къ себѣ Марона и Климатія, совѣтуетъ имъ, убѣждаетъ, проситъ, научаетъ, уговариваетъ ихъ и продолжительное даетъ имъ наставленіе о терпѣніи, и что вездѣ нужно великое опасеніе и осторожность. Потомъ привелъ онъ имъ въ примѣръ Адама и Іова, того какъ преступника заповѣди Господней въ раю, а сего какъ прославившагося всѣми видами добродѣтели на гноищи. Онъ не умолчалъ и о томъ, что Монаху не должно допускать, чтобы овладѣвали имъ помышленія, злымъ духомъ вдыхаемыя, естьли сей внушаетъ или печаль, или ненависть, или скучливость, или под-

стрекаетъ перейти въ иное мѣсто: но въ самомъ началѣ совѣтовалъ отклонять оныя, и всѣми силами отражать отъ себя врага, дабы онъ не подкрался къ намъ съ коварнымъ обольщеніемъ, и не ввелъ насъ въ согрѣшеніе, достойное оплакиванія. Естьли же кто, можетъ быть, здѣсь не въ состояніи совершить подвигъ добродѣтели; то тотъ не долженъ думать, что, перешедши въ другое мѣсто, удобнѣе исправитъ предположенное. Ибо добрыя дѣла ни мало не зависятъ отъ мѣста, гдѣ кто находится, но отъ нашего произволенія. Напротивъ того это опасно для Монаховъ, они могутъ отъ сего ослабѣть на поприщѣ добродѣтели и остаться безплодными: такъ какъ всякое растѣніе, часто пересаживаемое, не приноситъ плодовъ.

51. Для большаго подтвержденія сказаннаго, Евѳимій присоединилъ къ тому слѣдующую повѣсть нѣкоторыхъ Египетскихъ Старцевъ. Былъ въ Египтѣ одинъ братъ, жившій въ нѣкоторомъ общежитіи, который, будучи склоненъ ко гнѣву, часто воспламенялся и возмущался; досада и гнѣвъ

наполняли уста его. Когда же онъ пришелъ въ раскаяніе о томъ, что чрезъ гнѣвъ и сильную вспыльчивость ведетъ вражду съ самимъ собою, и что, естьли прежде и стяжалъ какое—либо добро, то и сіе теперь теряетъ; то дошелъ наконецъ до того, что рѣшился уйти изъ сего общежитія, и жить въ уединеніи самъ по себѣ, считая, что пустыня можетъ расположить его къ тишинѣ и спокойствію. Ибо онъ думалъ, что, естьли не на кого будетъ сердиться или досадовать, то мало по малу ужасный оный и весьма скоро возгарающійся пламень гнѣва совершенно погаснетъ, и что потому онъ будетъ кротокъ, миренъ и спокоенъ. Въ такихъ мысляхъ онъ оставилъ общежитіе, и жилъ въ уединеніи. Здѣсь однажды для какой-то нужды наливъ чашу воды, хотѣлъ поставить ее на землю, но она по какому-то коварству лукаваго опрокинулась; и поелику сіе произходило не однажды, но дважды или трижды: то братъ разсердился на сіе, и въ обыкновенномъ своемъ жару кинулъ на землю чашу, и разбилъ ее; и такимъ образомъ гораздо большему и сильнѣйшему подвергнулся посмѣянію врага.

52. Климатій разсмѣялся при семъ, восхитившись въ душѣ своей пріятностію разсказа; но божественный Евѳимій, примѣтя его смѣхъ, сказалъ: Братъ, не по искушенію ли же злаго демона и ты столь безстыдно и нагло смѣешься? Надлежитъ плакать и сѣтовать тому, кто хочетъ утѣшенія, естьли справедливъ будущій нашъ Судія, который блаженными называетъ *плачущихъ нынѣ*, Матѳ. 5, 5. Лук. 6, 25. поелику, говоритъ Онъ, сіи *утѣшатся*; несчастными же называетъ Онъ тѣхъ, кои смѣются и не внимаютъ себѣ самимъ. Явное нарушеніе благочинія, когда Монахъ чрезъ мѣру говоритъ, или трогается чѣмъ нибудь, или даже выказываетъ смѣлость. Ибо Отцы смѣлость называютъ матерію всѣхъ вообще пороковъ.

53. Сдѣлавъ такой выговоръ Климатію, Евѳимій пошелъ въ келью, и тотчасъ постигло его наказаніе. Вдругъ онъ упалъ на землю, дрожалъ и бился. Домиціанъ, увидѣвши его поверженнаго, и удивляясь вмѣстѣ кротости и строгости, прекрасно соединенныхъ въ Евѳиміѣ, и вмѣстѣ сжалившись

надъ страждущимъ брашомъ, созываешъ нѣкошорыхъ ошцевъ, для ходашайсшвованія за него, и вмѣсшѣ съ Марономъ вводишъ ихъ къ Евѳимію. Сей, самъ по себѣ уже умилосшивившись, и шакже во уваженіе ихъ ходашайсшва, вмѣсшѣ съ ними подходишъ къ лежащему Климашію, дрожаніе прогоняешъ знаменіемъ креста, прекращаешъ шрепешаніе и совершенно освобождаешъ его ошъ болѣзни. Впрочемъ, будь внимашеленъ самъ къ себѣ, сказалъ онъ, и не презирай ученія и насшавленій Ошцевъ, но *весь будь глазъ*, Езек. 10, 12. какъ мы знаемъ о Херувимахъ, осмашривай себя со всѣхъ сшоронъ, шакъ какъ всегда ходящій посреди сѣшей. Сіе онъ совѣшуя и внушая Климашію, его примѣромъ и прочихъ научалъ осшерегашься, и наконецъ съ миромъ ошпускаешъ его. И сіе было шакъ. Впрочемъ и слѣдующее происшесшвіе не менѣе, есшьли не болѣе еще, важно и поучишельно.

54. Когда собираемъ былъ въ Ефесѣ въ первый разъ великій и вселенскій Соборъ, Синодій, бывшій вмѣсшѣ съ Акакіемъ учишель великаго Евѳимія, во время его дѣш-

ства, идучи въ Палестину для поклоненія Св. мѣстамъ, приходитъ въ сію Лавру на 54 году жизни Евѳиміевой, какъ для того, чтобы увидѣть самаго Евѳимія, такъ и для того, дабы облобызать двоюродныхъ своихъ братьевъ, Стефана, Андрея и Гаіяна. Увидѣвши же Евѳимія, онъ разсказывалъ ему о злочестивой ереси Несторія, который (къ наказанію и стыду священниковъ) нѣсколько времени предсѣдательствовалъ въ Константинополѣ, и нечестивымъ и поврежденнымъ своимъ ученіемъ заразилъ почти всю вселенную. Разсказывалъ также о Кириллѣ Александрійскомъ и Акакіѣ Мелитенскомъ, какъ они ревностно защищали Православную Вѣру, и что скоро соберется въ Ефесѣ противу того нечестивца вселенскій Соборъ. Какъ скоро Синодій сказалъ сіе, Евѳимій возрадовался въ душѣ своей, узнавъ сіе объ Акакіѣ, къ коему онъ, будучи отрокомъ, ходилъ, и отъ котораго учился наукамъ. Послѣ, простившись съ нимъ, Синодій выходитъ изъ Лавры, и взявши своего двоюроднаго брата Стефана, приходитъ во Св. градъ, и проситъ начальника церкви, здѣсь находящейся, включить Стефана въ

число Діаконовъ. Сей вмѣстѣ со Стефаномъ рукополагаетъ Косму Каппадокіянина, и обоихъ причисляетъ къ лику Діаконовъ.

55. Когда же отвсюду собирались Епископы на Соборъ, и Епископы Палестинскіе скоро хотѣли туда идти, въ сіе время великій Евѳимій повелѣваетъ Петру, Епископу Сарацинскому, присовокупиться къ Кириллу Александрійскому и Акакію Мелитенскому, и на тоже соглашаться, что они одобрятъ. Петръ, какъ скоро кончился Соборъ, возвратившись къ Евѳимію, все подробно разсказалъ ему, что и съ какимъ успѣхомъ происходило на ономъ. Евѳимій, получивъ о восточныхъ Епископахъ и другія нѣкоторыя свѣдѣнія, и то, что Іоаннъ, начальникъ Антіохійской церкви, бывшій правовѣрнымъ, мыслилъ согласно съ послѣдователями Несторія, весьма опечалился.

56. Опечалился также и Домнъ, племянникъ Іоанновъ. Почему онъ просилъ у Евѳимія позволенія, пойти въ Антіохію, дабы вывесть изъ заблужденія дядю своего, и возставить падшаго. Евѳимій, предвидя, что

отходъ его туда для него будетъ не только небезопасенъ, но безполезенъ и даже несчастенъ, говоритъ ему: Сынъ мой, не должно тебѣ выходить изъ Лавры. Ибо дядя твой не имѣетъ нужды въ твоемъ присутствіи; а хотя онъ и уклонился нѣсколько отъ здравой Вѣры, но Богъ, зная доброту его сердца, самъ обратитъ и возведетъ его на путь спасенія. А ты, сынъ мой, естьли, куда призванъ, тамъ и пребудешь до конца; то получишь успѣхъ и прославишься славою истинною и Богоугодною, которая никогда не исчезнетъ. Естьли же, презрѣвъ сіе, забудешь свое обѣщаніе и покусишься оставить Лавру: то, хотя получишь достоинство и санъ своего дяди, но злые и коварные опять отнимутъ у тебя оное, завлекши тебя по невѣдѣнію. Сіе говорилъ ему Св. Евѳимій.

57. Но Домнъ мало смотрѣлъ на наставленіе, и уходитъ въ Антіохію, не простясь со Св. Евѳиміемъ, и не давши знать ему о своемъ отшествіи. Во время его пребыванія въ Антіохіи, что ни предсказалъ Евѳимій, все сбылось. Почему онъ, раскаявшись

о своемъ непослушаніи, возвращается къ Евѳимію, снѣдаемый внутреннею скорбію, и проливая горкія слезы. Въ сіе время Ювеналій Стефана Мелитенскаго рукополагаетъ въ Епископа въ Ямну, а Косму Каппадокійскаго включаетъ въ число Пресвитеровъ и вручаетъ ему храненіе Крестовъ.

58. И еще слѣдующее ученики и преемники Евѳимія пересказывали Монаху Киріаку, а Киріакъ все расказалъ мнѣ: что, кромѣ Субботы или Воскресенья, никогда никто не видалъ, чтобы онъ ѣлъ, или разговаривалъ съ кѣмъ, или вступалъ съ кѣмъ въ какое сношеніе, развѣ только когда крайняя нужда требовала того; что никогда не спалъ лежа, но сидя, и обѣими руками держась за веревку, повешенную въ одномъ углѣ его кельи, мало смыкалъ глаза; и такимъ образомъ вкушалъ самый умѣренный сонъ, будучи, можетъ быть, оглашаемъ сими словами великаго Арсенія: Поди сюда, злый рабъ! Ибо утверждаютъ, что онъ во всемъ подражалъ Арсенію, тому самому, который, какъ нѣкоторый отецъ, воспиталъ и образовалъ Императоровъ, Аркадія и Гонорія, и который

по сему справедливо Св. Отцами назван Отцемъ; и который послѣ въ пустынѣ Египетской прославился подвигами добродѣтели.

59. Сему мужу весьма тщательно подражалъ Евѳимій; и по сему съ великимъ удовольствіемъ слушалъ тѣхъ Монаховъ, кои приходили изъ Египта и разсказывали что нибудь о его жизни, и какъ бы на скрижали души своея старался переписывать добрыя его дѣла. Евѳимій подражалъ его уединенію, смиренію и молчанію, умѣренности какъ въ одѣяніи такъ и въ пищѣ, его рачительности и бдительности, по словамъ его: Арсеній, для чего ты вышелъ? По слову же, какимъ образомъ? подражалъ сердечному его сокрушенію. Подобно ему, всѣ ночи проводилъ въ слезахъ и бдѣніи, горѣлъ любовію къ пустынничеству и уединенію, подражая его любви ко всему сему, его разсудительности, пламенности и силѣ въ молитвахъ, и отличному его терпѣнію. И такъ не ужели столь ревностный подражатель жизни Св. Арсенія не былъ достоинъ даровъ его? и притомъ равныхъ ли достоинъ? нѣтъ; ибо есть многое, чѣмъ Евѳимій и его превзошелъ. Но мы

теперь, опустивши все прочее, со всею точностію покажемъ только то, какъ онъ предъузнавалъ и предсказывалъ будущее.

60. Анастасій, коему ввѣрено было храненіе священныхъ сосудовъ у храма Св. Воскресенія, Хорепископъ и вмѣстѣ ученикъ и ревностный подражатель Святаго Пассаріона, весьма желалъ увидѣть Евѳимія. Питая въ душѣ своей таковое влеченіе, увидѣть сего мужа, Анастасій открываетъ доброе свое желаніе Фиду, Епископу Іоппійскому, и Космѣ Кресто-хранителю: почему, взявъ сихъ и еще внука того Епископа Фида, другаго Фида, (который былъ еще въ молодыхъ лѣтахъ и считался въ ликѣ чтецовъ, и который предалъ и разсказалъ сіе Монаху Киріаку) отправляется съ ними къ великому Евѳимію. Какъ скоро они приблизились къ Лаврѣ; то, хотя другіе, такъ какъ они еще не совсѣмъ подошли къ оной, и не видѣли ихъ, но Евѳимій втайнѣ духомъ своимъ провидѣлъ ихъ, и тотчасъ, призвавъ эконома Лавры, Хрисиппа, велѣлъ ему изготовить все, что нужно для принятія. Ибо сказалъ онъ, съ братомъ твоимъ и Патріархъ идетъ къ намъ.

61. Когда же они пришли, великій Евѳимій, находясь въ какой-то божественной прозорливости, обращался и разговаривалъ съ Анастасіемъ, какъ съ Патріархомъ Іерусалимскимъ. Присутсвовавшіе всѣ удивлялись тому; и Хрисиппъ, также изумленный, наклонясь къ его уху, говорилъ Евѳимію: почтенный Отецъ, у насъ нѣтъ Патріарха, но только хранитель священныхъ сосудовъ Анастасій. И указывая на его одежду, говоритъ: видишь, какъ онъ одѣтъ? Одежда его свѣтлая и шелковая, каковую Патріарху Іерусалимскому не можно надѣвать. Старецъ, остановившись на нѣсколько времени, и какъ бы пришедши въ самаго себя, сказалъ: но повѣрь мнѣ, сынъ мой, что я видѣлъ на немъ въ сіе время бѣлую одежду, каковая прилична Патріарху, и думаю, что я въ томъ не обманутъ; но, что Богъ предвидитъ, то и къ концу приведетъ. Ибо *дары Его непреложны*. Рим. 11, 29. Онъ сказалъ сіе въ слухъ многихъ, и сбылось на самомъ дѣлѣ.

62. Того Теребона, который родомъ былъ Сарацинъ, жена была неплодная, и онъ не

имѣлъ дѣтей. Сіе жизнь его содѣлывало для него нежизнію, и причиняло несносную печаль. Почему онъ вмѣстѣ съ женою приходитъ къ дивному Евѳимію, проситъ его и умоляетъ всѣмъ тѣмъ, что могло возбудить въ немъ сожалѣніе, чтобы освободить ихъ отъ естественнаго неплодства и разрѣшить чрево для дѣто-рожденія. Евѳимій, трижды возложивъ на нихъ знаменіе Креста, и потомъ коснувшись окаменѣлаго онаго чрева, подите, сказалъ имъ, радуясь о Господѣ. По Его благодати, вы будете родителями трехъ дѣтей. И они, съ твердою увѣренностію, что слова сіи истинны, возвратились домой, будучи исполнены душевною радостію. Уже наступило и время рожденія; раждается во первыхъ Петръ, отецъ Теребона, который ученикамъ Евѳимія точно и ясно сіе разсказалъ. Черезъ немалое время, по неложному обѣщанію Евѳиміеву, родились и другіе два брата Теребона.

63. Былъ въ Лаврѣ одинъ братъ, родомъ Римлянинъ, именемъ Эмиліанъ, который съ самаго младенчества велъ жизнь весьма честную и цѣломудренную. Въ одну Воскресную

ночь, врагъ жестокую воздвигнулъ на его чрезъ плоть войну. Братъ, не могши болѣе защищаться противу него, предался наконецъ въ его руки и преклонился на его сторону. Находясь такимъ образомъ въ оковахъ страсти, онъ рано попадается на встрѣчу Св. Евѳимію, когда сей шелъ въ собраніе: и какое-то зловоніе, выходившее изъ него, обнаруживало предъ Великимъ его страсть. Божественный Евѳимій, какъ скоро обонялъ оное и узналъ коварство, произнесъ угрозу на безпокойнаго злаго демона. Братъ тотчасъ повергся на землю, рвалъ и билъ самаго себя, и изо рта испускалъ пѣну.

64. Многіе изъ Монаховъ сошлись къ нему. Великій Евѳимій велѣлъ засвѣтить огня, поелику мѣсто сіе было мрачно и лишено свѣта; и, смотрите, сказалъ имъ, на своего брата, который съ младенчества подвизался въ добродѣтели и сохранялъ цѣломудріе; смотрите, какъ онъ за то, что нѣсколько предался плотскимъ помышленіямъ, лежитъ поверженный, и всѣмъ вамъ представляетъ теперь зрѣлище, достойное слезъ. По сему каждый со всякимъ бдѣніемъ долженъ

охранять умъ свой, дабы врагъ не подкрался къ намъ въ мечтахъ воображенія съ своимъ обольщеніемъ, и не вовлекъ насъ въ пропасть погибели. Ибо, естьли входитъ въ нашъ умъ какое-либо непристойное помышленіе, подстрекающее къ непозволенному пожеланію, и мы не поспѣшимъ въ тоже время изгладить оное въ умѣ своемъ, но какъ бы еще съ расположеніемъ примемъ оное: то никогда не будемъ свободны отъ грѣха. Но, хотя не сдѣлаемъ соитія тѣлесно, будемъ осуждены, какъ блудодѣйствующіе мысленно.

65. Къ сему наставленію прибавилъ Евѳимій одну повѣсть, которую, говорилъ онъ, разсказали мнѣ нѣкоторые Египетскіе Старцы. Былъ нѣкто въ городѣ, по мнѣнію всѣхъ, удивительной жизни, который, по видимому, близокъ былъ къ Богу; но который на самомъ дѣлѣ, чрезъ скорое соглашеніе на злыя помышленія, часто привлекалъ на себя гнѣвъ Его, такъ что, естьли не самымъ дѣломъ, то мыслями согрѣшалъ. За что онъ будучи пораженъ жестокою болѣзнію, находился уже при послѣднемъ издыханіи, и близокъ былъ

къ смерти. Городъ сѣтовалъ, всѣ рыдали и желали, естьли только возможно, прежде сами умереть; поелику лучше казалось имъ самимъ погибнуть, нежели увидѣть смерть такого мужа, который прославляемъ былъ всѣми. Нѣкто изъ прозорливцевъ, пришедъ въ сей городъ, и увидѣвши великій и общественный сей плачь, а послѣ услышавши, что весь народъ отъ сильной печали такъ восклицалъ: о Святый! о Отецъ! о Спаситель нашъ! твоимъ ходатайствомъ всѣ мы спасались, и послѣ сего какая намъ надежда спастися? Какая намъ будетъ защита? Все сіе увидѣвши и выслушавши оный прозорливецъ, съ поспѣшностію идетъ къ нему въ тѣхъ мысляхъ, чтобы испросить молитвъ его и получить благословеніе. Какъ скоро приближился, видитъ знатнѣйшихъ гражданъ, ликъ Іереевъ и самаго Епископа, которые держали въ рукахъ свѣчи, и готовы были провожать тѣло умершаго. Онъ сквозь народъ проходитъ наконецъ къ самому лежащему, примѣчаетъ еще въ немъ нѣкоторое дыханіе, и внутренними очами усматриваетъ такое зрѣлище, которое страшно видѣть, и слышать нельзя безъ слезъ. Ибо казалось

ему, что кто-то какъ будто огненной трезубецъ вонзилъ въ его сердце, и увы! насильственнымъ и безчеловѣчнымъ образомъ исторгалъ изъ него душу; и что послѣ слышитъ небесный голосъ, такъ говорящій: какъ душа сія ни одинъ день не давала мнѣ покоя, такъ и ты не преставай терзать ея, раздирать и мучить.

66. Разсказавъ сіе Евѳимій бывшимъ тутъ братіямъ, опять началъ увѣщевать ихъ, чтобы они были внимательны къ самимъ себѣ и всегда готовы къ смерти, говоря: сей Эмиліанъ да будетъ вамъ примѣромъ. Для того Богъ попустилъ наглому демону сладострастія наказать его столь постыдно и жестоко предъ лицемъ всѣхъ васъ, дабы вы сдѣлались лучшими, и изъ его наказанія взяли для себя урокъ. Но будемъ просить Бога, дабы мужъ сей избавился отъ таковыхъ сѣтей. Тогда, какъ молились за брата, все мѣсто исполнилось зловоніемъ, какъ будто бы горѣла сѣра; и за симъ зловоніемъ послѣдовали слова: я духъ блудодѣянія. Потомъ братъ всталъ здравъ и въ полномъ умѣ, и сдѣлался, по словамъ Бо-

жественнаго Апостола, *сосудомъ избранія*. Дѣя. 9, 15.

67. Въ тоже самое время земля страдала отъ бездождія, такъ что *небо надъ головою*, какъ сказано въ Писаніи, *было мѣднымъ, и земля подъ ногами желѣзною*, водоемы, находящіеся около Лавры, высохли, такъ что одна только пыль на днѣ оныхъ оставалась: отъ чего братія весьма опечалились, и, съ блаженнымъ Ѳеоктистомъ пришедши къ великому Евѳимію, просили его (ибо знали, какой доступъ имѣетъ онъ къ Богу), дабы онъ силою своея молитвы разверзъ небеса и низвелъ оттолѣ воду истаевающимъ отъ жажды. Впрочемъ Евѳимій не соглашался, называя оное наученіемъ и огненнымъ искушеніемъ Божіимъ, за грѣхи наведеннымъ. 1 Петр. 4, 12. Ибо *пути твоя*, говоритъ Божественный Іеремія, *и начинанія твоя сотвориша тебѣ сія*. Іер. 4, 18. И по сему Богъ не услышитъ, можетъ быть, моей молитвы, когда я буду просить отъ Него милости. Ибо *не молися*, говоритъ опять тотъ же Пророкъ, *о людехъ сихъ и не проси о нихъ*,

яко не услышу тя. Іер. 7, 16. Такимъ образомъ Божественный Евѳимій не соглашался просить Бога, по чрезмѣрной своей скромности.

68. Поелику же наказаніе сіе продолжалось, и бездождіе превышало уже мѣру терпѣнія, и селенія около находящіяся были доведены до крайности: то, когда наступилъ осьмый день Богоявленій, въ который Св. Евѳимій обыкновенно выходилъ въ пустыню, стекается къ нему безчисленное множество народа, который, держа въ рукахъ кресты, не только устами, но и сердцемъ восклицалъ: Господи помилуй! Евѳимій, будучи убѣжденъ ихъ просьбою, выходитъ и говоритъ: *я* совсѣмъ не имѣю свободнаго къ Богу доступа, но, какъ грѣшникъ, болѣе каждаго человѣка имѣю нужду въ Его человѣколюбіи; и наипаче нынѣ, въ день Его на насъ гнѣва, дерзко поступлю, естьли буду просить Бога, который по словамъ Божественнаго Исаіи, *даетъ хлѣбъ печали и воду тѣсную,* который *отверзетъ, и не будетъ затворяющаго, и затворитъ и не будетъ отверзающаго.* Иса. 22, 22.

Ибо грѣхи наши раздѣляютъ насъ съ Нимъ. Мы осквернили Его образъ, обезобразили храмъ, работаемъ похотямъ и различнымъ страстямъ, преданы злобѣ и зависти, имъ ненавидимы, ненавидимъ другъ друга. Тит. 3, 3. Впрочемъ, поелику Господь милосердъ къ намъ; и при всякомъ случаѣ тотчасъ обильно изливаетъ все свое милосердіе; припадемъ къ Нему и будемъ усердно просить: и я знаю, что Онъ проститъ, сотворитъ волю свою, ниспошлетъ дождь и отечески будетъ промышлять о насъ. Ибо *близокъ Господь ко всѣмъ, призывающимъ Его во истинѣ*, Пс. 144, 18. 19. сказалъ Божественный Давидъ. Прервавши рѣчь сію, всѣ какъ бы однимъ языкомъ и однимъ голосомъ сказали ему: Почтенный Отецъ, ты самъ помолись за насъ. Ибо Господь исполняетъ желаніе боящихся Его.

69. Божественный Евѳимій, не могши уже все сіе презрѣть, и повелѣвши народу также молиться усерднѣе, самъ, взявши находящихся тутъ Монаховъ, входитъ съ ними въ домъ молитвенный, и, повергшись на землю, со слезами проситъ Бога. Богъ

внялъ его прошенію; и вдругъ слышится шумъ сильнаго вѣтра, воздухъ наполнился облаками, пролился великій дождь, и земля напоевалась обильными водами.

70. Послѣ чего Божественный Евѳимій, вставши съ земли и вышедши къ народу, сказалъ: Се Господь услышалъ ваши молитвы, и *посѣтилъ землю* посѣщеніемъ своимъ, *упоилъ бразды ея, и умножилъ ея богатства: и благословитъ вѣнецъ лѣта сего,* паче другихъ; *и поля исполнятся тука, разботѣютъ красная пустыни, удолія умножатъ пшеницу и радостію холми препояшутся.* Пс. 124, 10. 11. 12. 13. 14. Сказавъ сіе, распустилъ народъ; а за симъ тотчасъ послѣдовало совершенное исполненіе пророчества: и возрадовалась земля прозябающая отъ каплей своихъ. Такой сильный шелъ дождь, что Евѳимія не выпускалъ изъ сея пустыни. Что же? Довольно ли сего изъ благихъ дѣлъ Евѳимія? Не будетъ ли потери для благочестивыхъ душъ, естьли умолчимъ о прочихъ славныхъ его дѣлахъ? По сему должно повѣствовать и о томъ, что касательно его предали мнѣ Іоаннъ, пустын-

никъ и Епископъ, и Ѳалелей, пресвитеръ, которые провождаютъ отшельническую жизнь въ Лаврѣ блаженнаго Саввы.

71. Они разсказывали, что сей дивный мужъ какъ во многихъ другихъ, такъ и въ самомъ Божественномъ Отцѣ Саввѣ всегда возбуждалъ къ себѣ удивленіе. Ибо онъ съ смиреніемъ и кротостію, но такую оказывалъ ревность по православнымъ догматамъ Церкви, что по всей справедливости должно почесть его кроткимъ и вмѣстѣ сильнымъ поборникомъ оныхъ. Евѳимій много и ревностно вооружался противу всѣхъ неправомыслящихъ, особенно же противу Манихеянъ и защитниковъ бредней Оригеновыхъ, коихъ много было въ мѣстахъ, около Кесаріи лежащихъ, и кои подъ видомъ благочестія часто приходили къ нему. И онъ поступалъ съ ними такъ, какъ левъ съ лисицами, былъ непобѣдимъ въ словахъ, такъ что не льзя было не согласиться на нихъ: ибо доказательства его, приводимыя изъ Св. Писанія, были весьма сильны и разительны, и производили то, что оные противники Вѣры сами, по словамъ Іереміи, *по-*

стыждались отъ похваленія своего. Iер. 12, 12. Онъ также со всею силою опровергалъ и разрушалъ баснословное ихъ ученіе о преждебытіи и возстановленіи. Наипаче Евѳимій вооружался противъ тѣхъ, которые заражены были безумною ересію Арія и Савеллія, такъ что, по словамъ Пророка, *полнотою ненависти ненавидѣлъ ихъ.* Псал. 138, 22.

72. На 75 году жизни великаго Евѳимія въ Халкидонѣ собрался Соборъ, на который сошлись Архіереи со всѣхъ почти сторонъ вселенной, по причинѣ вновь открывшагося въ Ефесѣ ученія Діоскора Александрійскаго, и на которомъ сего Діоскора вмѣстѣ съ его послѣдователями исключили изъ священныхъ списковъ, и точнѣе изложили ученіе Вѣры. Пришли на сей Соборъ и ученики Евѳимія, Стефанъ Ямнійскій и Іоаннъ, Епископъ Сарацинскій; а Петръ уже умеръ, а на его мѣсто поступилъ Авксолай, который, приставши къ Діоскору, во всю жизнь послѣ сего питалъ ненависть къ великому Евѳимію. Сіи, т. е. Стефанъ и Іоаннъ, присутствовавшіе на ономъ Соборѣ,

какъ скоро правила Вѣры были написаны, взявши оныя съ собою, со всевозможною скоростію приходятъ къ Евѳимію. Для чего? дабы узнать, одобритъ ли онъ написанное. Ибо ихъ не мало устрашало то, что случилось съ Авксолаемъ; и они не знали, соглашаться съ симъ или отвергать, доколѣ не услышали на что-нибудь согласія Евѳиміева. Когда же сей, прочитавъ оныя правила, нашелъ, что все написанное хорошо и сообразно съ общими правилами истины: то скоро разнесся слухъ по всей пустынѣ, что и великій Евѳимій согласно мыслитъ съ Халкидонскимъ Соборомъ.

73. Сіе всѣхъ почти Монаховъ расположило къ онымъ постановленіямъ; впрочемъ нѣкто Ѳеодосій, по одеждѣ Монахъ, а по нравамъ весьма пагубный хитрецъ и развратный по мыслямъ, нечаянно пришелъ въ Палестину, и сталъ разнымъ образомъ злословить оный Соборъ, будто бы онъ испровергаетъ правовѣріе, а вводитъ и возстановляетъ ученіе Несторія. Онъ успѣлъ завлечь въ свои сѣти Августу Евдокію, которая тогда находилась въ Палестинѣ, а

вмѣстѣ съ нею преклонилъ на свою сторону все монашеское сословіе. Потомъ наглымъ и постыднымъ образомъ восходитъ на Іерусалимскій престолъ, и, посредствомъ сей власти получивъ большую къ тому удобность, явно вооружается противу Божественныхъ правилъ и законовъ. И съ сего времени людей честныхъ и здравомыслящихъ начали лишать мѣстъ и священнаго сана. Нѣкоторые были имъ убиты, и, что еще ужаснѣе, нечистивецъ обагрилъ руки свои кровію Архіереевъ. Злодѣи же, обманщики и зараженнные, болѣе достойные темницъ, нежели священныхъ каѳедръ, поставляемы были въ Первосвященники и Священники, и у злочестиваго сего развратителя пользовались великою довѣренностію.

74. Въ то время, когда Ѳеодосій, преклонивши на свою сторону всѣхъ Монаховъ, управлялъ ими, какъ хотѣлъ, одни только послѣдователи великаго Евѳимія отвращались его общества, какъ оскверненнаго злодѣйствомъ. Поелику же нечестивый Ѳеодосій и его хотѣлъ ввести въ искушеніе, и звалъ къ себѣ, а Евѳимій и слышать его не хо-

тѣлъ; то посылаетъ къ Евѳимію Елпидія и Геронтія, изъ коихъ одинъ былъ преемникомъ Великаго Пассаріона, а другій блаженныя Меланіи, съ прошеніемъ, чтобы, естьли онъ не хочетъ придти къ нему, въ какомъ нибудь мѣстѣ сойтись обоимъ, и, о чемъ кто имѣетъ нужду, между собою поговорить. Евѳимій съ прискорбіемъ и гнѣвомъ на сіе сказалъ: не дай Боже! чтобы я сдѣлался участникомъ Ѳеодосія въ неправедномъ пролитіи крови Священниковъ или въ его ереси. Посланные отвѣчали: и такъ мы въ согласіи съ послѣдователями Несторія; поелику сей допускаетъ два естества, чего впрочемъ мы и донынѣ ни отъ кого не слыхали; поелику согласно съ ними утвердилъ и Соборъ Халкидонскій.

75. Великій Евѳимій сказалъ на сіе: всего, что постановлено Соборомъ, по частямъ я еще не пересмотрѣлъ, а во взятомъ въ цѣлости его уложеніи я не нашелъ никакихъ догматовъ, кои бы были достойны порицанія. Ибо онъ постановляетъ уважать опредѣленія 318 Св. Отецъ, въ Никеѣ собравшихся; убѣждаетъ принимать ученіе Кон-

спантинопольскаго Собора 150 Св. Отецъ и повелѣваетъ согласоваться съ тѣми, которые собрались въ Ефесѣ противъ злочестиваго Несторія. Кирилла же Александрійскаго почитаетъ единовѣрнымъ соучастникомъ, и признаетъ его учителемъ православныя Вѣры. Богоматерь ясно именуетъ Св. Дѣвою, и исповѣдуетъ, что Единородный Сынъ Божій отъ нея рожденъ; безвременно и безплотно отъ Отца, а во времени и по плоти отъ Матери; что единъ есть Христосъ, неслитно, непреложно, нераздѣльно, въ двухъ естествахъ, вопреки тѣмъ, которые дерзаютъ допускать нѣкоторое раздѣленіе въ неизреченномъ и непостижимомъ соединеніи, которое по ѵпостаси сдѣлалось во чревѣ, и противъ тѣхъ, которые говорятъ, что Слово Божіе сдѣлалось плотію чрезъ премѣненіе, и утверждаютъ, что плоть Единороднаго есть единосущна Божеству; также вопреки тѣмъ, которые не признаютъ Ѵпостаснаго соединенія Слова съ плотію, но смѣшеніе и сліяніе, и странное допускаютъ единосущіе, говоря, что одно сдѣлалось естество Божества и плоти, такъ что, по безразсуднымъ ихъ словамъ, не мо-

жетъ оставаться во Христѣ ни страстное по причинѣ безстрастія Божества, ни безстрастное по причинѣ страстности человѣчества. Съ сею цѣлію правомыслія Соборомъ прибавляются слова: въ двухъ естествахъ; впрочемъ такъ, что онъ не признаетъ во Христѣ сихъ двухъ естествъ раздѣльно и по частямъ, но исповѣдуетъ Его въ томъ и другомъ, и то и другое въ Немъ.

76. Въ продолженіи сей рѣчи Евѳимія, Елпидій одобрялъ и сознавался, что все сказанное имъ справедливо; почему, хотя не отсталъ отъ общества Ѳеодосія, но въ мысляхъ тотчасъ перемѣнился. Геронтій же остался въ прежнихъ мысляхъ. Такимъ образомъ они, будучи несогласны между собою, возвращаются и разсказываютъ Ѳеодосію отвѣтъ Евѳимія. Ѳеодосій, будучи начальникомъ всея Палестины, какъ скоро выслушалъ оный, съ большимъ усиліемъ началъ стараться завлечь Евѳимія въ свою сѣть, и тайнымъ образомъ повсюду ставилъ ковы сему великому мужу. Онъ на каждый день подсылалъ къ нему нѣкоторыхъ мужей, кои

совѣтовали ему доброе и полезное, т. е. оставивъ то, что кажется ему хорошимъ и какъ бы любезнымъ для Бога, присоединиться къ Ѳеодосію и вступить въ его общество. Но что Евѳимій, отъ горести и досады на сіи ежедневныя ихъ прихожденія, рѣшился сдѣлать? Онъ, собравши всю свою братію, въ предосторожность убѣждаетъ ихъ никакъ не уступать и не соглашаться на злое ученіе Ѳеодосія, но возбранять тѣмъ, кои такъ мыслятъ, и стараться выводить ихъ на путь истины; и отходитъ отселѣ въ глубокую пустыню, а въ слѣдъ за нимъ многіе пошли въ уединеніе.

77. Поселился тамъ не задолго предъ тѣмъ нѣкто, славный отшельникъ, недавно пришедшій изъ Ликіи, именемъ Герасимъ, который еще въ отечествѣ прославился всѣми добродѣтелями, сродными Монахамъ, и великія совершилъ подвиги противу духовъ злобы. Сей, мужественно подвизаясь въ пустынѣ Іорданской, и много поражая демоновъ, и самъ попадается, или лучше, уловляется въ ихъ сѣти, и впадаетъ въ ересь. Поелику же онъ отъ каждаго почти от-

шельника слышалъ о Евѳиміѣ, и слухъ его безпрестанно оглашался славою его: то въ одно время приходитъ къ нему въ пустыню Руву, и долго пробывши съ нимъ, послѣ какъ испилъ отъ чистѣйшаго источника его ученія, отвергаетъ отъ себя ересь, какъ нѣкую болѣзнь, и обращается къ исповѣданію истинной Вѣры, принесши искреннее раскаяніе въ заблужденіи, и развращенное суетнымъ ученіемъ сердце, въ наказаніе за сіе, предаетъ пронзительной печали. Ему же послѣдовали и другіе отшельники, Петръ, по прозванію Гирнитъ, Маркъ, Іулонъ и Силуанъ, и отложились отъ пагубнаго общества Ѳеодосіева.

78. По прошествіи двухъ лѣтъ послѣ сего Ѳеодосій отходитъ отъ людей, а великій Евѳимій изъ Рувы возвращается въ Лавру. Нѣкогда въ одну субботу служилъ онъ Богу и приносилъ Ему безкровную жертву; а Домиціанъ стоялъ по правую сторону съ таинственною рипидою. Когда уже наступило время трисвятаго пѣснословія, находившіеся тутъ, Теребонъ Сарацинскій и Гавріилъ, братъ Хризиппа, изъ которыхъ

одинъ стоялъ близъ олтаря, другой внутри онаго, (какъ велика, о Христе! Твоя милость къ Евѳимію!) вдругъ видятъ огнь, съ небеси нисходящій, какъ бы на нѣкоемъ полотнѣ разлитый, который окружилъ и великаго Евѳимія и вмѣстѣ съ нимъ Домиціана; и такимъ образомъ пребывалъ съ ними отъ начала трисвятаго до окончанія священной литургіи. Теребонъ, объятый страхомъ, въ смятеніи и ужасѣ отступилъ отъ олтаря, и послѣ того никогда не осмѣливался, какъ прежде, вступать во святилище смѣло и дерзновенно; но во время служенія съ великимъ благоговѣніемъ стоялъ въ преддверіяхъ храма, какъ послѣ разсказывалъ мнѣ Киріакъ, отшельникъ, который слышалъ это отъ самовидцевъ, Теребона и Гавріила.

79. Кромѣ сего онъ сказалъ мнѣ о Гавріилѣ, что онъ отъ рожденія былъ евнухъ, но что уже чрезъ 25 лѣтъ вступилъ въ сообщество Братій. Еще и то я отъ Отцевъ узналъ, что Богъ ниспослалъ Евѳимію даръ, распознавать внутреннія движенія души посредствомъ внѣшняго взора, какъ бы посредствомъ какого нибудь зеркала, и въ точ-

мости знать, съ какими именно помыслами борется каждый, какіе кто преодолѣваетъ, и какими кто побѣждается отъ лукаваго.

80. Они говорили также, что когда-то онъ сказывалъ нѣкоторымъ изъ братій, находившимся съ нимъ на единѣ, будто онъ часто видѣлъ страшное видѣніе Ангеловъ, которые вмѣстѣ съ нимъ служили и священнодѣйствовали; видѣлъ также, что во время принятія тѣла Господня нѣкоторые изъ приступающихъ осіявались свѣтомъ, а нѣкоторые какъ бы помрачались и мертвѣли, тѣ, т. е. которые недостойны были сего свѣта и сіянія. По сему и братіямъ не переставалъ съ силою напоминать ту мысль Апостола, чтобы каждый вникалъ въ себя, испытывалъ себя, и такимъ образомъ со страхомъ принималъ хлѣбъ и чашу; чтобы приступающій твердо помнилъ, что *судъ себѣ ястъ и піетъ недостойно причащающійся.* 1 Кор. 11, 28. 29. Почему и Іерей, принося жертву, съ самаго начала какъ бы ограждаетъ людей, возглашая къ нимъ: *горѣ имѣемъ сердца.* И получивъ отъ нихъ объ-

щаніе, послѣ того съ дерзновеніемъ приступаетъ къ жертвоприношенію.

81. Совершивъ жертву, онъ снова воздвигаетъ руки къ небу, и, какъ бы показывая имъ совершаемое для нашего спасенія таинство, взываетъ громогласно: *святая святымъ*, и какъ бы такъ говоритъ: поелику я, будучи человѣкъ подобострастный вамъ, не знаю жизни каждаго, почему ясно предвозвѣщаю, и совѣсти вашей предлагаю сіе общее испытаніе. Естьли кто одержимъ злопамятствомъ, или ненавистію, или завистію, или гнѣвомъ, или гордостію; естьли кто преданъ злословію, или сквернословію, или гнусной похоти, или другой какой-нибудь страсти, тотъ долженъ приступать не прежде, какъ очистившись отъ преступленія покаяніемъ: ибо *святое сіе* предлагается не для оскверненныхъ, но для святыхъ. И такъ вы, которые спокойны въ совѣсти своей *приступите къ нему и просвѣтитеся, и лица ваша не постыдятся.* Но не знаю, какимъ образомъ сладость ученія Евѳиміева невольно увлекла меня, нарушила порядокъ предъидущей рѣчи и едва

не произвела смѣшенія. Потому нужно вамъ опять обратиться къ повѣствованію.

82. Блаженная Евдокія, какъ мы прежде сказали, прельстившись ученіемъ беззаконнаго Ѳеодосія, разрушила единеніе съ Каѳолическою Церковію, и послѣ со всею силою вооружалась на православныхъ. Она привлекла на свою сторону и всѣхъ Монаховъ, жившихъ въ пустынѣ и во святомъ градѣ, и склонила ихъ на свои мнѣнія. Но когда правосудіе постигло Ѳеодосія, и онъ былъ низверженъ, а Ювеналій заступилъ свое мѣсто и скорби церквей миновались; тогда Валерій, братъ царицы и зять ея Оливрій неоднократно писали къ ней, чтобы она оставила общество Евтихіанское и приняла догматы Каѳолической Церкви. Но сначала она не заботилась о перемѣнѣ, и откладывала со дня на день, и не знала, какимъ образомъ отстать отъ мнѣнія, прежде принятаго ею.

83. Но когда услышала, что зять ея умерщвленъ во Ѳракіи, а дочь съ дѣтьми находятся въ рукахъ непріятелей, и плѣн-

ные отведены въ Карѳагенъ; тогда сильно уязвилась сердцемъ, и потерю драгоцѣннѣйшихъ почитая возмездіемъ за свои дѣла, посредствомъ сего несчастія возвращается на путь истины. Такъ какъ сказано: *И наказаніе Твое, то мя научитъ.* Псал. 17, 36. Будучи приведена онымъ къ познанію православной и истинной Вѣры, напослѣдокъ рѣшилась провождать жизнь въ уединеніи, по наставленію Св. Отцевъ и руководствоваться ими, какъ путеводителями ко спасенію. Почему посылаетъ въ Антіохію къ Симеону Столпнику (стоявшему на степени добродѣтели, несравненно превосходящей высоту столпа его, чуду вселенныя) Хорепископа Анастасія съ нѣкоторыми чиновниками своими и другими, изъяснивъ ему чрезъ письмо стремленіе сердца своего и желаніе, получить отъ него совѣтъ. И такъ какой же его совѣтъ? Какой отвѣтъ? „Знай, говорилъ онъ, что лукавый, видя обиліе твоихъ добродѣтелей, искалъ развѣять тебя на подобіе пшеницы, и ученіемъ беззаконнаго Ѳеодосія много повредилъ твоей Боголюбивой душѣ. Но дерзай. Вѣра твоя не оскудѣла. Но для меня

то удивительно, что ты, имѣя у себя вблизи источникъ, презираешь его, а ищешь вдалекѣ почерпнуть той же воды. Ты имѣешь Богоноснаго Еѳимія. Слѣдуй его ученію, и не совратишься съ пути спасенія."

84. Евдокія была внимательна къ совѣту, и ревностно искала добра. Ни мало не медля, много распрашивала о семъ мужѣ, и узнавъ, что онъ положилъ себѣ за правило, не ходить ни въ какій городъ, построила въ восточной пустынѣ на высокомъ холмѣ столпъ, въ разстояніи отъ Лавры не болѣе 30 стадій, и восходитъ на оный съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы никто не препятствовалъ, сколько ей хочется, наслаждаться ученіемъ Еѳимія. Тогда посылаетъ Косму крестоблюстителя и упомянутаго прежде Хорепископа Анастасія искать его; а они, усильному наказу показывая равное послушаніе, скоро достигнули Лавры. Но услышавъ, что его нѣтъ тамъ, и что онъ давно уже отшелъ въ Руву, не погасили и тогда ревнія. Но взявъ съ собою блаженнаго Ѳеоктиста, пошли къ нему, и пришедъ всѣ въ одинъ голосъ сильно и убѣдительно

просять, заклинають и наконецъ убѣждають идти къ столпу, гдѣ нынѣ построенъ монастырь Схоларія.

85. Увидѣвъ его царица Евдокія смотрѣла на него не простыми глазами, но какъ во время зноя жаждущій смотритъ на воду. Вся въ умиленіи повергшись къ ногамъ его, сказала: „Нынѣ познала я, что Господь посѣтилъ меня.“ А онъ благословивъ ее сказалъ: „Чадо! теперь ты должна быть внимательна къ самой себѣ, и впредь строго блюсти себя. Поелику ты хотя и нѣсколько увлеклась Ѳеодосіемъ, за то самое приключились и несчастія любезнѣйшимъ твоимъ;—сіе для того, дабы ты навсегда оставила безразсудную ревность свою. Должно тебѣ кромѣ прочихъ трехъ Святыхъ и Вселенскихъ Соборовъ, т. е. Никейскаго противу Арія, Константинопольскаго противъ Македонія, и 1 Ефесскаго противъ Несторія, принять постановленіе новаго Халкидонскаго Собора, и, разрушивъ союзъ съ Діоскоромъ, совершенно войти въ общеніе съ Архіепископомъ Іерусалимскимъ, Ювеналіемъ, и во всемъ согласиться съ нимъ.

86. Сказавъ сіе и помолившись о Царицѣ, простился съ нею, и ушелъ; а она тотчасъ исполнила его приказанія. Прибывъ во святый градъ, вступила въ общеніе съ Ювеналіемъ и съ Каѳолическою Церковію. И вдругъ множество Монаховъ и мірскихъ привлекаетъ на путь истины и подобно какъ прежде служила имъ примѣромъ отступленія, такъ нынѣ примѣромъ соединенія. Изъ числа сихъ былъ и Архимандритъ Елпидій. Напротивъ Геронтій, захотѣвшій лучше состарѣться во злѣ, содѣлался причиною погибели, не только своей, но и многихъ другихъ. Вмѣстѣ съ нимъ двое изъ сопутниковъ Елпидія, Маркіанъ и Романъ, пошли тѣмъ же путемъ, ведущимъ къ погибели. Оба они построили по монастырю; одинъ подлѣ Святаго Виѳлеема, другой въ веси Ѳекойской.

87. Блаженная Евдокія призываетъ изъ Лавры двухъ братьевъ Крестоблюстителя, Хризиппа и Гавріила, и дѣлаетъ ихъ пресвитерами. Хризиппъ, пресвитеръ достойнѣйшій, оставилъ по себѣ писанія, достойныя памяти; а Гавріилу поручаетъ началь-

ство надъ монастыремъ Первомученика Стефана. Также Васса Боголюбивая жена, вызвавъ изъ Лавры Андрея, брата Стефана Ямнійскаго, дѣлаетъ его начальникомъ монастыря, построеннаго ею во имя Мученика Мины.

88. На 82 году жизни Евѳимія приходитъ къ нему Блаженный Савва, еще юный, еще не имѣвшій на молодомъ лицѣ своемъ и перваго знака бороды—приходитъ и изъявляетъ сильное желаніе свое остаться при немъ, и подъ его надзоромъ упражняться въ добродѣтели. Онъ съ перваго раза принимаетъ его, и препоручаетъ ученику своему Домиціану. Послѣ призвавъ его, сказалъ: „Чадо! не должно тебѣ столько юному и еще безбородому жить въ Лаврѣ. Для такихъ полезнѣе жить въ монастырѣ.“ Сказавъ сіе, отсылаетъ его съ нѣкоторымъ изъ своихъ учениковъ къ Блаженному Ѳеоктисту съ такими словами: „Прими сего юношу; подъ твоимъ смотрѣніемъ пусть ревностно учится и подвизается. Онъ, мнѣ кажется, много успѣетъ въ монашеской жизни и добродѣтели.“ Сіе онъ предсказалъ о Саввѣ; а

согласно съ симъ предсказаніемъ послѣдовало и исполненіе. Дѣйствительно, нѣтъ теперь ни города, ни села, ни пустыни, гдѣ бы не прославляли дѣлъ сего Святаго мужа, и которыя бы не приносили удовольствія какъ говорящему, такъ и слушающему. Въ повѣствованіи о Евѳиміѣ мы не будемъ упоминать о сихъ дѣлахъ кое-какъ; но, естьли угодно Богу, опишемъ ихъ въ полномъ видѣ. Поелику непристойно и неблагочестиво, дѣла добродѣтели, столько славныя, преходить молчаніемъ и осуждать ихъ на вѣчное забвеніе, тогда какъ дѣла язычниковъ прославлены памятниками и Исторіями.

89. Должно также упомянуть и о великомъ Герасимѣ, и о томъ, какія онъ издалъ правила и уставы для своихъ подвижниковъ, и сію повѣсть, съ пріятностію соединяющую въ себѣ и великую пользу, присоединить къ настоящей Исторіи. — Сей великій Герасимъ, житель и вмѣстѣ покровитель Іорданской пустыни, построившій тамъ великую Лавру, вмѣщающую въ себѣ не менѣе 70 отшельниковъ, кромѣ того

устроилъ среди оной монастырь, и сдѣлалъ такое учрежденіе, чтобы вступившіе въ монашество жили въ монастырѣ и въ немъ исполняли обязанности монашескія; а тѣхъ, которые приобучили себя къ частымъ и продолжительнымъ трудамъ, и уже достигли степеней совершенства, помѣщая въ такъ называемыхъ келліяхъ, такое далъ имъ правило, чтобы пять дней седмицы каждый изъ нихъ пребывалъ въ келліи, ничего другаго не вкушая, кромѣ хлѣба, воды и финиковъ. Въ субботу же и Воскресный день положилъ собираться въ церковь, и, по причащеніи Святыхъ Таинъ, вкушать вареную пищу и принимать немного вина. А въ келліи никому не дозволялось разводить огонь и вкушать вареное. Самопроизвольная нищета всего болѣе ими была наблюдаема, но украшались много также и смиреніемъ.

90. Каждый работу свою, которою занимался въ продолженіе седмицы, въ субботу приносилъ въ монастырь, и около вечера Воскреснаго дня, взявъ еще на недѣлю запаса, т. е. хлѣба, финиковъ, воды въ какомъ нибудь сосудцѣ и нѣсколько сучьевъ

пальмоваго дерева, опять уходилъ въ свою келлію. Они такъ мало заботились о мірскихъ вещахъ, что не имѣли ничего, кромѣ одежды, не имѣли даже и другой одежды. А постель была не что другое, какъ рогожа, и то, что обыкновенно называется κεντώνιον καὶ ἐμβεύμιον. — Тамъ стоялъ сосудецъ глиняный для воды, которая служила и для питья, и для смачиванія пальмовыхъ прутьевъ.

91. Но прекрасный законъ, учрежденный Герасимомъ, былъ тотъ, чтобы выходящіе не затворяли келлій, дабы, кто пожелаетъ, безъ всякаго препятствія могъ войти и взять, что ему угодно изъ сихъ маловажныхъ и нужныхъ вещей. Они, кажется, жили подобно Апостоламъ, и у живущихъ съ ними въ пустынѣ *было одно сердце и одна душа.* Никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все у нихъ было равно общее. Говорятъ о сихъ пустынникахъ, что, когда нѣкоторые изъ нихъ пришли просить позволенія, грѣть воду, ѣсть вареное и читать при свѣтильникѣ, то великій Герасимъ сказалъ имъ въ отвѣтъ: „Естьли вы хотите такъ жить, то вамъ гораздо вы-

годнѣе быть въ монастырѣ. Но я въ продолженіи всей жизни моей никакъ не позволю, чтобы это было у пустынниковъ.“

92. Жители Іерихона, услышавъ, что жизнь Монаховъ Аввы Герасима такъ строга и безотрадна, и соединена со всякою скорбію и жестокостію, поставили себѣ за правило, въ субботу и въ Воскресный день приходить къ нимъ и приносить имъ нѣсколько утѣшенія. Хотя это дѣлаетъ честь жителямъ Іерихона, и показываетъ ихъ добрую душу; но когда многіе изъ подвижниковъ сего великаго Герасима узнали, что міряне приходятъ къ нимъ съ такимъ намѣреніемъ, то приходъ ихъ не только не почитали пріятнымъ и благодѣтельнымъ, но не могли даже терпѣть пребыванія ихъ у себя, и опасаясь, чтобы не получить великаго вреда, бѣгали и уклонялись отъ нихъ. Ибо они твердо знали, что мать цѣломудрія есть воздержаніе, которое можетъ прогнать нечистые помыслы и облегчить тяжесть сна, чему училъ ихъ Отецъ не на словахъ только, но самымъ дѣломъ.

93. По ихъ разсказу, Герасимъ столько былъ воздерженъ, что весь великій постъ пребывалъ безъ пищи, довольствуясь однимъ только принятіемъ Св. Таинъ. Герасимъ, провождая такую жизнь, и подначальнымъ своимъ служа образцемъ добродѣтели, и руководствуя ихъ ко спасенію, скончался въ 5 день мѣсяца Марта третьяго надесять индикта во второе консульство Зенона Августа.

94. Когда благочестивый и Христолюбивый Левъ наслѣдовалъ престолъ послѣ Маркіана, тогда нѣкто Тимоѳей, по прозванію Елуръ, колебалъ и возмущалъ всю Александрію. Потомъ, когда и самаго Патріарха того города, (о беззаконныя и злодѣйскія руки!) умертвилъ въ крещальнѣ, тогда нагло и дерзновенно вступилъ на Патріаршескій престолъ. И такъ въ то время, какъ весь Египетъ исполненъ былъ мятежа и раздора, пришли къ великому Евѳимію изъ горы Нитрійской два пустынника: имена ихъ Мартирій и Илія, — одинъ Каппадокіянинъ, а другой Аравитянинъ. Оба они въ особенныхъ келліяхъ долго жили у него. Святый мужъ

любилъ ихъ, часто призывалъ къ себѣ для бесѣды, вмѣстѣ съ ними удалялся въ пустыни, Кутику и Руву, и также вмѣстѣ возвращался. Вмѣстѣ съ ними, и со святымъ Герасимомъ и другими пустынниками въ каждый Воскресный день принималъ онъ святыми руками пречистыя и безсмертныя Христовы Тайны.

95. Великій Евѳимій прозорливымъ и чистымъ окомъ души своей предвидѣлъ будущую судьбу Мартирія и Иліи, и что на Епископскій престолъ Іакова, славнѣйшаго изъ учениковъ Господа, каждый изъ нихъ вступитъ въ свое время. Послѣ того Илія пошелъ въ Іерихонъ, и поставилъ себѣ предъ городомъ келлію, которую пристройками мало по малу увеличилъ и преобратилъ въ тѣ монастыри, которые мы нынѣ видимъ. А Мартирій ушелъ въ какую-то пещеру, на западъ, отстоящую отъ Лавры на 15 стадій, и пребывъ въ ней довольное время, построилъ тамъ великій и славный монастырь.

96. На другой годъ скончался Патріархъ Ювеналій на 44 году правленія своего. По

общему избранію возводится на сей престолъ Анастасій — тотъ самый Анастасій, о которомъ Евѳимій предсказывалъ; что онъ тотчасъ припомнилъ, и Фида, который вмѣстѣ съ нимъ приходилъ въ Лавру, и слышалъ сіи предсказанія, посвящаетъ въ Діакона, и посылаетъ его опять къ великому Евѳимію вмѣстѣ съ Крестоблюстителемъ для того, чтобы сказать ему о исполненіи предсказанія его, и испросить позволеніе придти къ нему. А великій мужъ такой далъ отвѣтъ: „Для меня всегда пріятно видѣть ваше совершенство, и получать отъ сего духовную пользу; но поелику прежній вашъ приходъ не таковъ былъ — немноголюденъ и весьма скроменъ, а нынѣ высокій санъ вашъ другаго, по волѣ Божіей, требуетъ, такъ что ваше присутствіе много превосходить будетъ мою немощь. И такъ прошу не трудиться приходить сюда. Естьли не такъ, то я приму съ радостію, но по сему уже должно и другихъ всѣхъ не отвергнуть, и наконецъ я не въ состояніи буду жить здѣсь, по причинѣ множества посѣтителей.“ Вотъ что сказалъ Евѳимій

Патріарху. Послѣ сего нужно обратиться еще къ Теребону.

. . . .

97. Сей Теребонъ, начальникъ племени Сарациновъ, пришедъ по нѣкоторой нуждѣ въ Востру, и бывъ оклеветанъ отъ нѣкоего начальника, товарища своего, предъ правителемъ той страны, былъ взятъ и осужденъ сидѣть въ темницѣ долгое время. Великій Евѳимій, узнавъ сіе дѣло клеветы, писалъ къ Антипатру, который управлялъ тогда церковію Востровъ, и вмѣстѣ съ письмомъ послалъ Гаіана, брата Стефана Ямнійскаго съ тѣмъ, чтобы онъ употребилъ все стараніе для избавленія Теребона изъ заключенія. Антипатръ получилъ письмо и принялъ Гаіана, и Теребона освободилъ, и, снабдивъ его нужнымъ для пути, отсылаетъ къ великому Евѳимію. А Гаіана, какъ нѣкоторую искру ученія Евѳиміева, рѣшился оставить у себя, и поставилъ Епископомъ города Медавы.

98. Блаженная Евдокія, воздвигнувъ много храмовъ во славу Божію и изъ любви къ Богу построивъ множество домовъ для стра-

рыхъ и бѣдныхъ, и множество монастырей, при нѣкоторомъ изъ построенныхъ ею храмовъ, который былъ воздвигнутъ въ честь первоверховнаго Апостола Петра, и стоялъ противъ самой Лавры Евѳимія, въ разстояніи не болѣе 20 стадій, приказала ископать водоемъ глубокій и широкій по нѣкоторой необходимой нуждѣ. Въ одно время она пришла посмотрѣть его, и видя, что Лавра Евѳимія находится среди пустыни, и что келліи Братьевъ были отдѣлены одна отъ другой, и приведши на память оныя слова Писанія: *Коль добри доми твои, Іакове, и кущи твоя, Израилю,* Числ. 24, 5. и сильно тронувшись душею, тотчасъ посылаетъ къ нему Гавріила съ такою просьбою, чтобы онъ позволилъ ей придти къ нему, дабы насладиться словами и ученіемъ его, имѣя вмѣстѣ намѣреніе назначить для Лавры и для него доходы для того, чтобы Братія не имѣли нужды въ необходимыхъ вещахъ.

99. А онъ предварилъ ее такими словами: „Будучи при дверяхъ смерти, чадо! что заботишься и развлекаешься многимъ? Дол-

жно тебѣ приготовлять то только, что нужно къ отшествію отъ сей жизни. А насъ вспомни не доходами, не деньгами, но предъ общимъ Владыкою. Тамъ лучше вспомни насъ, о семъ мы просимъ тебя." Слышавъ сіе, она была въ удивленіи и печали; въ удивленіи: отъ того что Великій прежде уразумѣлъ мысли ея касательно его; въ печали: потому что лишилась надежды, исполнить свое намѣреніе. Она хотѣла, какъ мы сказали, назначить доходы для вспоможенія. Отсюда прибывши во святый градъ, и призвавши Патріарха Анастасія, расказала ему то, что слышала отъ Евѳимія, и поступила сообразно съ своимъ прежнимъ намѣреніемъ. Во первыхъ, храмъ первомученика Стефана, еще несовершенно отстроенный, освящаетъ 15 дня Генваря. Потомъ, опредѣливъ для него большіе доходы и поручивъ смотрѣніе за нимъ Гавріилу, не оставила и прочія ею построенныя церкви; но и тѣ обошла съ великимъ тщаніемъ, освящая ихъ, и назначая каждой изъ нихъ достаточные доходы. И по прошествіи 4 мѣсяцевъ послѣ освященія, оставила земную жизнь, и отошла ко Господу.

100. Спустя долгое время послѣ сего, на 90 году жизни Евѳимія, Св. Ѳеоктистъ впадаетъ въ жестокую болѣзнь, которая столь близко привела его къ смерти, что явно показывала слѣды оной; притомъ же онъ уже достигнулъ глубокой старости и былъ исполненъ дней человѣческихъ. Великій Евѳимій пришелъ навѣстить его, и видя его въ толикой опасности, захотѣлъ пробыть у него остальные дни, дабы, по отшествіи святой души его ко Господу, совершить обрядъ надъ тѣломъ его, и сдѣлать все то, чего требовалъ обычай. Между тѣмъ Патріархъ, узнавъ, что Евѳимій пребываетъ у Ѳеоктиста, и почитая сей случай удобнымъ для того, чтобы видѣть его, приходитъ къ нему, тогда какъ блаженный Ѳеоктистъ уже отшелъ ко Господу, въ 3 день мѣсяца Сентября, и они вмѣстѣ погребли святое тѣло его.

101. Послѣ того Патріархъ дѣлалъ то, чего требовала сильная любовь къ Евѳимію. Съ горячностію взявъ его священныя руки, и обнимая ихъ, пламенно цѣловалъ и къ лобзанію присоединилъ сіи, любви исполненныя,

слова: „Давно я желалъ цѣловать сіи священныя руки, и вотъ исполнилъ Богъ желаніе мое. Но прошу тебя, почтенный Отецъ, и прошу усердно, во первыхъ, молить Бога, дабы до конца исполнились твои о мнѣ предсказанія; во вторыхъ, писать ко мнѣ всегда, о чемъ будетъ нужно, и что предписываетъ законъ сыновній." О семъ онъ бесѣдовалъ съ Евѳиміемъ очень благосклонно, говорилъ и о другомъ, что приходилось къ случаю, и что попадалось на память во время продолжительной бесѣды съ симъ мужемъ. А онъ съ обыкновенною своею кротостію отвѣчалъ: „Я болѣе прошу твое блаженство, памятовать о насъ въ молитвахъ своихъ къ Богу." Но сей прервалъ: „Нѣтъ, Отецъ, никакъ я не соглашусь на прошеніе твое. Я хочу сначала отъ тебя получить сіе, поелику я дознал уже опытомъ дѣйствіе и силу Божественныхъ даровъ, живущихъ въ тебѣ." А онъ съ великою тихостію и кротостію отвѣчалъ: „Позволь, почтенный Отецъ, для меня и для тебя и для самыхъ братьевъ прошу не оставлять сего монастыря и стараться о немъ, какъ должно." На сіе Патріархъ ска-

залъ: „Еще при жизни Св. Өеоктиста ты начальствовалъ надъ сею пустынею, и сдѣлалъ изъ ней городъ, славный по множеству и добродѣтели жителей, и представилъ Христу другой Іерусалимъ; и нынѣ, когда онъ отшелъ отъ сей жизни, твое при тебѣ остается.“ Сказавъ сіе, простился со Святымъ, и возвратился въ домъ свой.

102. А Великій Евөимій поставилъ Игуменомъ монастыря Мариса, дядю Теребонова, мужа благочестивой жизни, человѣка уже пожилаго, а самъ возвратился въ Лавру. Марисъ управлялъ монастыремъ 2 года. Потомъ, когда и онъ преставился отъ сей жизни, то великій Евөимій опять пришелъ, и благочестно положилъ священное тѣло его во гробѣ великаго Өеоктиста; а управленіе монастыремъ поручилъ нѣкоему Лонгину, мужу, достойному по своей жизни.

103. Вскорѣ за смертію великаго Өеоктиста Олимпій, Скиөопольскій Епископъ, кончилъ жизнь; а Косма крестоблюститель поставляется на его мѣсто Епископомъ. Хризиппъ же пріемлетъ званіе крестоблю-

стителя. И тутъ исполнилось пророчество Евѳимія. Блаженный Косма, управляя Церковію 30 лѣтъ, прославился великими дѣлами и въ Палестинской Епархіи. А Хризиппъ, братъ его, скончался, отправлявъ званіе крестоблюстителя 12 лѣтъ, и оставивъ по себѣ многія сочиненія, по содержанію своему заслуживающія вниманіе. Братъ же ихъ Гавріилъ, Пресвитеръ, какъ недавно сказали, управляя 24 года монастыремъ, построилъ себѣ небольшой монастырь къ востоку, на долинѣ, гдѣ стоитъ храмъ Св. Вознесенія, куда, подражая Евѳимію, удалялся съ осмаго дня послѣ святаго Богоявленія, и оставался тамъ даже до праздника Вайй. Любилъ упражняться въ наукахъ и имѣлъ для сего достаточныя способности. Почему занимался Греческимъ, Римскимъ и Сирскимъ языкомъ. Скончался на 80 году отъ рожденія въ своемъ монастырѣ. Тамъ находится и гробъ сего мужа, прославившагося великими чудесами. Вотъ что сказать надобно было о ученикахъ Евѳимія. И вотъ какою смертію скончался каждый.

104. Но я обращаюсь къ прочимъ слав-

нымъ дѣламъ сего мужа, о которыхъ разсказывали мнѣ Іоаннъ пустынникъ и Епископъ, и Ѳалелей Пресвитеръ. Они говорили, что, когда они находились нѣкогда въ пустынѣ, случился вмѣстѣ съ ними блаженный Савва, и, бесѣдуя съ ними, говорилъ: „Еще живя въ монастырѣ, пошелъ я, по смерти Ѳеоктиста, вмѣстѣ съ Игуменомъ Лонгиномъ къ великому Евѳимію. Пробыли мы нѣсколько дней въ Рувѣ вмѣстѣ съ Марторіемъ и Иліею;—былъ также съ нами и Герасимъ. Поелику Евѳимій увидѣлъ во мнѣ и въ Домиціанѣ ревность, то, взявъ насъ обоихъ, повелъ въ самую глубину пустыни. Пищу нашу составляли коренья растѣнія, называемаго Мелеагръ. Когда мы вступили на какую-то дикую, чрезвычайно сухую и совершенно безводную землю, я, говорилъ онъ, совершенно непривыкшій къ пустынной жизни, мучась сильнѣйшею жаждою, ослабѣлъ въ душѣ своей, и самыя ноги мои отказывались служить мнѣ. Великій Евѳимій оглянувшись, и увидѣвъ, что я такъ ослабѣлъ и изнемогъ, сжалился надо мною, и отступивъ отъ насъ на малое разстояніе и повергшись на землю, молился такъ: Господи! покажи

воду на сей сухой земле и утоли жажду Брата. Возставъ отъ молитвы, взялъ онъ лопатку, которою вырывали мы корни травъ для приготовленія пищи, ископалъ немного земли, и въ туже минуту вода вытекаетъ изъ ней. Потомъ призываетъ меня, указываетъ на воду и говоритъ, чтобы я пилъ. И такъ я, напившись и утоливши мучительную жажду, возблагодарилъ Бога, творящаго такія чудеса ради угодниковъ своихъ."

105. Поелику Евѳимій имѣлъ такое дерзновеніе къ Богу, и такую свыше привлекъ на себя благодать Духа; то не было отъ него сокрыто и время кончины его, и то, что должно случиться съ его Лаврою, какъ о семъ сказывали мнѣ оные Святые Отцы. Они говорили, что въ 8 день послѣ праздника свѣтовъ, когда обыкновенно Евѳимій удалялся въ безмолвную пустыню, собрались къ нему какъ тѣ, которые хотѣли проводить его, такъ и тѣ, которые хотѣли быть съ нимъ во время всего путешествія, въ числѣ коихъ былъ Мартирій и Илія. Но увидѣвъ, что ничего еще не было

въ готовности и не было ничего нужнаго для пути, а нашли его совершенно неготоваго, спрашивали его: пойдетъ ли онъ завтра? Я, сказалъ онъ, пребуду съ вами въ Лаврѣ всю сію седмицу, и отойду отъ васъ въ субботу, среди ночи. Сіе онъ сказалъ, назнаменуя время кончины своей.

106. На третій день послѣ сего, когда наступилъ праздникъ Св. Антонія, заповѣдалъ имъ, чтобы чрезъ всю ночь бодрствовали во храмѣ. Послѣ того, какъ окончились нощныя пѣснословія, онъ взялъ Пресвитеровъ въ такъ называемое Діаконское отдѣленіе, и сказалъ: Братія! не буду уже я болѣе съ вами совершать бдѣнія. Ибо Богъ зоветъ меня отъ сей жизни. Подите теперь и призовите ко мнѣ Домиціана. А утромъ пусть придетъ ко мнѣ весь соборъ Отцевъ. И такъ поутру всѣ рано стеклись къ нему, и онъ, помолчавъ немного, такъ началъ имъ говорить.

107. „Возлюбленные мои о Господѣ отцы и братія и дѣти! я уже иду въ послѣдній путь отцевъ моихъ. Вы же покажите

любовь свою ко мнѣ исполненіемъ заповѣдей, изъ коихъ первая есть любовь, *союзъ совершенства* добродѣтелей. Кол. 3, 14. Что соль для хлѣба, то любовь для добродѣтелей. Безъ ней невозможно быть добродѣтельнымъ, какъ должно. Потому что всякая добродѣтель тверда любовію и смиреніемъ. Смиреніе возводитъ смиреннаго на высоту добродѣтелей, а любовь держитъ его крѣпко и не позволяетъ ему ниспасть съ сей высоты. Но любовь выше смиренія, что видно изъ примѣра Господа и Творца, который, по своей къ намъ любви, произвольно смирилъ Себя и сдѣлался подобенъ намъ. И такъ должно прославлять Его во всякое время, и возсылать хвалы. Должно и всѣмъ людямъ строго соблюдать сіе, но всего болѣе намъ: ибо мы дали Ему обѣщаніе, мы свободны отъ всякаго смятенія и дѣлъ житейскихъ, живемъ уединенно и одни на единѣ стараемся только о самихъ себѣ. Да будутъ всегда чисты и души и тѣла ваши, Братія! Обыкновенныя церковныя славословія и уставъ, прежде намъ данный, храните со всею точностію. О тѣхъ, которые изнемогаютъ, старайтесь, сколько есть силъ,

Брата, сражающагося съ нечистыми помыслами, всегда оберегайте, непрестанно утѣшайте, учите и увѣщевайте, дабы онъ по незнанію не прешкнулся, и, къ порадованію діавола, не палъ жестоко. Вотъ и еще послѣднее мое вамъ завѣщаніе: никогда не затворяйте вратъ для приходящихъ. Онѣ должны быть отверсты всякому прохожему. Самое ваше жилище да будетъ общимъ для всѣхъ странниковъ и пришельцевъ, и съ неимущими раздѣляйте все то, что имѣете. За сіе вы удостоитесь съ небесъ щедрыхъ даровъ.“

108. Такое онъ далъ имъ завѣщаніе. Потомъ спросилъ: кого они хотятъ избрать своимъ начальникомъ? А они всѣ, какъ бы согласившись, отвѣчали: Домиціана. Но онъ сказалъ: сіе невозможно. Домиціанъ немного здѣсь будетъ жить послѣ меня, но, проживъ семь дней, на слѣдующій день послѣдуетъ за мною. Слыша столь ясныя и рѣшительныя слова, всѣ предстоящіе пришли въ изумленіе. И такъ, отчаявшись въ Домиціанѣ, просятъ нѣкоего Илію, эконома нижняго монастыря, родомъ изъ Іерихона. Великій Евѳимій тот-

часъ обращается къ нему и говоритъ: Вотъ всѣ Отцы избираютъ тебя Пастыремъ и начальникомъ своимъ. Ты же старайся какъ о себѣ самомъ, такъ и о всемъ стадѣ твоемъ. Но тебѣ должно напередъ знать и то, что Богу угодно, спустя недолго, обратить сію Лавру въ общежительный монастырь. Потомъ заповѣдалъ Иліи, гдѣ строить монастырь и какъ строить, говорилъ также о страннопріимствѣ, Псалмопѣніи и храненіи устава, о смотрѣніи за братіями особенно тѣми, которые увлекаются нечистыми помыслами. Наконецъ, обратившись ко всѣмъ, сказалъ: Естьли я обрѣту какое дерзновеніе предъ Богомъ, то буду просить у Него сей особенной милости, дабы мнѣ всегда пребывать духомъ моимъ съ вами и съ вашими преемниками, даже до конца.

109. Сказавъ сіе отпустилъ всѣхъ, кромѣ Домиціана. И пробывъ въ Діаконскомъ отдѣленіи три дня, въ субботу ночью, почилъ въ мирѣ и перешелъ къ будущему блаженству, будучи старъ и исполненъ дней, Генваря 20 дня, въ лѣто отъ сотворенія міра, по изчисленію древняго онаго Ипполита, из-

вѣстнаго самымъ Апостоламъ, также Епифанія Кипрскаго и Ирона Философа и исповѣдника, 5965; отъ воплощенія Господа нашего Іисуса Христа 465. Должно также и то знать объ Евѳиміѣ, что по нраву своему онъ былъ весьма простъ и кротокъ, круглолицъ и бѣлъ, весьма веселъ и благообразенъ, весь сѣдый, росту небольшаго, имѣлъ большую бороду, простирающуюся даже до пояса и чрева. Члены у него были цѣлы и здоровы, такъ что у него не недоставало ни пальца, ни ногтя, ни зуба, ни малой, ни большой части тѣла. Онъ родился, какъ прежде уже сказано, по откровенію. На третьемъ году посвященъ Богу, т. е. въ началѣ царствованія великаго Ѳеодосія. Прошедши всѣ церковные степени, на 29 году пошелъ во Іерусалимъ. Пробывъ 60 лѣтъ въ пустынѣ, на 99 году жизни своей, въ 26 годъ царствованія Льва, окончилъ жизнь.

110. Слухъ тотчасъ распространился по всей окрестной странѣ, и собралось безчисленное множество Монаховъ и мірскихъ. Пришелъ также и Анастасій, Іерусалимскій Па-

тріархъ, взявши съ собою множество клира и войска; еще Хризиппъ, а съ нимъ и Гавріилъ. Также Діаконъ Фидъ, и отшельники, живущіе въ пустыняхъ, стеклись со всѣхъ сторонъ. Въ числѣ ихъ былъ и Святый Герасимъ. Всѣ удивлялись чудесамъ, послѣдовавшимъ одно за другимъ. Безчисленное множество стекшагося народа препятствовало погребсти святое тѣло, а уже былъ девятый часъ. Наконецъ воины, по приказанію Патріарха, разогнали народъ, и тогда только божественные Отцы могли подойти и совершить должные обряды надъ тѣломъ, которое столько подвизалось и столько страдало, и съ подобающими пѣснями положить оное въ богатоустроенной могилѣ. Печаль о лишеніи Евѳимія у всѣхъ извлекала слезы; но въ Мартиріи и Иліи она дѣйствовала сильнѣе: они горько плакали. Но Патріархъ, утѣшая ихъ чрезъ Хризиппа крестоблюстителя, и увѣщевая приличнымъ образомъ, просилъ чаще приходить къ себѣ; а Фида Діакона, оставивъ въ Лаврѣ, препоручилъ ему смотрѣніе за строеніемъ, и возвратившись во святый градъ, послалъ работниковъ и матеріалы для того, чтобы

блаженныя мощи Евѳимія положены были въ пристойномъ и удобномъ мѣстѣ.

111. Домиціанъ, будучи великимъ и истиннымъ ученикомъ великаго Евѳимія и ревностнѣйшимъ подражателемъ жизни его, служившій ему болѣе 50 лѣтъ, не отходилъ отъ гроба, но пребывалъ при немъ даже до 6 дня послѣ погребенія, разсуждая, что ему не жить болѣе, и совершенно не должно смотрѣть на сей свѣтъ. Когда насталъ 7 день, явился ему ночью Евѳимій, имѣя свѣтлое лице, и сказалъ: „Иди насладиться уготованною тебѣ славою. Вотъ, продолжалъ онъ, Богъ благоволилъ, чтобы мы и здѣсь вмѣстѣ жили.“ Домиціанъ, пришедъ въ церковь, разсказалъ это Братіямъ. Такимъ образомъ и онъ окончилъ жизнь въ радости и надеждѣ на будущія блага.

112. А Діаконъ Фидъ, имѣя много работниковъ и употребивъ много старанія, обратилъ въ прекрасный и великолѣпный храмъ ту пещеру, въ которой прежде жилъ Св. Евѳимій, средину онаго назначилъ для гроба великаго Отца. Съ обѣихъ же сторонъ при-

готовляетъ мѣста для Пресвитеровъ, Игуменовъ и прочихъ Святыхъ Отцевъ. Послѣ того, какъ все было совершено, Патріархъ немедленно присылаетъ изъ Іерусалима доску, которая должна лежать надъ гробомъ, золотую урну и решетку и все то, что нужно для украшенія храма. Потомъ и самъ приходитъ въ Лавру, и собственными руками переноситъ святое тѣло Блаженнаго въ новопостроенный храмъ съ лампадами и пѣснями, и сохранно полагаетъ его въ священномъ гробѣ, такъ чтобы онъ никогда не могъ открываться, дабы ни малѣйшая часть не могла быть отдѣлена отъ мощей сего Св. мужа, и наложивъ доску, на средину оной, какъ бы на грудь, поставляетъ урну, которая съ того времени даже до нынѣ съ вѣрою притекающимъ дается для различныхъ пользъ. Переложивъ съ такою славою мощи Св. Евѳимія 7 дня Маія возвратился во Святый градъ, взявъ съ собою Мартирія и Илію, и рукоположивъ ихъ во Пресвитеровъ, причислилъ кь клиру Св. Воскресенія. Сіе происходило такимъ обрззомъ.

113. Наконецъ нужно намъ изъяснить то,

почему и какъ Лавра Евѳиміева обратилась въ общежительный монастырь. Для ясности повѣствованія нужно нѣчто сказать прежде. По прошествіи года послѣ смерти Евѳимія скончался Левъ, великій и Христолюбивый Царь, оставивъ по себѣ наслѣдникомъ внука своего Льва, который былъ еще очень молодъ. Престолъ, на которомъ Левъ не долго сидѣлъ, наслѣдовалъ отецъ его Зенонъ. Но когда нѣкто Василискъ коварствомъ вторгся на престолъ, онъ убѣжалъ въ Исаврію. Василискъ, принявъ правленіе, выдалъ противъ святаго Халкидонскаго Собора окружное объявленіе. Оставшаяся во святомъ градѣ часть отщепенцовъ, утверждаясь на ономъ, и избравъ себѣ въ вожди нѣкоего Архимандрита Геронтія, дѣлаетъ многія перемѣны въ Церкви, не меньше того, что прежде сдѣлалъ Ѳеодосій. Спустя 5 лѣтъ послѣ сего, въ началѣ Генваря мѣсяца умеръ Патріархъ Анастасій. А Зенонъ возвратившись побѣдилъ Василиска, который еще управлялъ царствомъ, и опять возвратилъ себѣ отнятую власть. Іерусалимскій Патріаршескій престолъ занимаетъ Мартирій, о которомъ прежде часто гово-

рено было. Онъ пишетъ какъ къ самому Императору Зенону, такъ и Акакію Константинопольскому объ отщепенцахъ, ихъ злоречіи и ереси, достойной проклятія, и вручивъ письма діакону Фиду, поручаетъ ему многое сказать и на словахъ.

114. Фидъ, достигнувъ Іоппіи, сѣлъ на корабль, отправлявшійся въ Корикію, и когда онъ уже былъ на Парѳенійскомъ морѣ, поднялась сильная буря и волненіе, и онъ среди ночи претерпѣваетъ кораблекрушеніе. Утопая и не въ силахъ будучи бороться съ волнами, но погибая среди моря и въ темнотѣ ночи, по нечаянности, или лучше сказать, по милости Божіей, попалъ онъ на какое-то бревно. Плывя съ нимъ и не много оживившись послѣ такого несчастія, вспоминаетъ о великомъ Евѳиміи, и тотчасъ призываетъ его на помощь, простираетъ къ нему руки, многократно повторяя имя его. Когда онъ находился въ такомъ трудномъ положеніи, является откуда-то великій Евѳимій, идущій по морю и смѣло ступающій по волнамъ. И когда Фидъ, увидѣвъ его нечаянно, пришелъ въ изумле-

ніе, но онъ, желая избавить его отъ страха и ужаса, и сказавъ обыкновенное свое привѣтствіе: „Не бойся, я рабъ Божій Евѳимій, говорилъ: знай, что путь твой неугоденъ Богу: ибо онъ не принесетъ никакой пользы матери церквей. Посему ты возвратись къ пославшему тебя и скажи ему моимъ именемъ, чтобы онъ не заботился объ отдѣлившихся отщепенцахъ. Ибо не много спустя въ твое правленіе послѣдуетъ соединеніе, и всѣ, живущіе во Іерусалимѣ, содѣлаются единымъ стадомъ и у нихъ будетъ одинъ пастырь. А ты поди въ мою Лавру и келліи братьевъ разрушь до основанія, и построй общежительный монастырь тамъ, гдѣ ты построилъ мнѣ гробницу. Богу угодно, чтобы мѣсто сіе было общежительнымъ монастыремъ, а не Лаврою.

Сіе заповѣдавъ Фиду, надѣлъ на него свою мантію. И онъ не во снѣ, а на самомъ дѣлѣ, внезапно восхищенъ, подобно Аввакуму, также быстро и мгновенно является на берегу, и какъ бы воспрянувъ отъ сна (о чудное устроеніе Божіе!) находитъ себя во

святомъ градѣ. Такимъ чудеснымъ образомъ возвратившись домой, снимаетъ съ себя сію священную мантію Евѳимія, которая чрезъ такое море перенесла его съ большею скоростію и безопасностію, нежели крылья; и надѣваетъ на себя обыкновенную одежду. А мантія (слушайте, ибо за чудомъ послѣдовало другое подобное чудо) изчезла, какъ будто бы была похищена какою нибудь рукою. Фидъ, пришедши въ самаго себя, когда разсмотрѣлъ всѣ случившіяся съ нимъ несчастія, бурю, волны, ночь, отчаяніе и другія всѣ опасности во время такой бури; и когда представилъ себѣ скорое избавленіе отъ сей великой напасти,—великаго Евѳимія и то, какимъ образомъ онъ является ему, уже ослабѣвшему и совершенно изнемогшему, шествуя по волнамъ и какъ бы простирая руку, когда представилъ себѣ его веселое лице и пріятный голосъ, его приказанія, и наконецъ какъ онъ самъ, покрытый мантіею, подобно птицѣ, перелетѣлъ такое море, и нечувствительно явился дома—все сіе представивъ себѣ Фидъ отъ великаго удивленія воскликнулъ: „Теперь я знаю, что вѣрный слуга Божій, ве-

ликій Евѳимій, посланный отъ Бога, избавилъ меня отъ сего несчастія."

116. Послѣ того онъ разсказываетъ это матери своей; а она съ пріятностію слушала его, любя не только сына, но и Бога, и получивши великое удовольствіе отъ разсказа какъ о спасшемъ, такъ и о спасшемся, и, проливая изъ очей своихъ слезы, совѣтовала сыну своему все привести въ исполненіе. Потомъ Фидъ, пришедши къ самому Патріарху, разсказалъ и ему все. А онъ, пришедъ въ великое изумленіе отъ сей чрезвычайной повѣсти, сказалъ: „Дѣйствительно, великій Евѳимій Пророкъ Божій, и велико и неизреченно его дерзновеніе у Бога. Что касается до Лавры, то онъ предсказалъ о ней тогда еще, какъ приготовлялся къ смерти, чему всѣ мы были свидѣтели." Сказавъ сіе, и самъ препоручаетъ Фиду строеніе монастыря, и отпускаетъ его туда, обѣщаясь притомъ и самъ всѣми силами содѣйствовать ему.

117. И такъ Фидъ, взявши съ собою множество слугъ и плотниковъ и одного

художника, пошелъ въ Лавру, и построивъ монастырь, окружилъ его отвсюду стѣною, Старый храмъ назначилъ для трапезы Братіямъ; и создалъ новый. Внутри монастыря воздвигнулъ высокую башню, какъ бы нѣкоторую защиту цѣлой пустыни, и среди ея помѣщаетъ кладбище. Положеніе мѣста, на которомъ поставленъ сей монастырь, прекрасное по причинѣ большой равнины, и наипаче по причинѣ умѣреннаго воздуха удобное для монашескаго подвижничества, опишу, сколько могу.

118. Тамъ находился небольшой холмъ между двумя долинами, которыя съ восточной и западной стороны мало по малу сближаются между собою, а съ южной стороны сходятся одна съ другою. Къ сѣверу открыта прекраснѣйшая равнина, простирающаяся на три стадіи, и какъ бы нарочно сдѣланная для удовольствія. Среди ея бѣжитъ ручей, который течетъ съ пригорка лежащаго къ восточной сторонѣ, и служитъ сему мѣсту вмѣсто пояса. На самомъ скатѣ холма, гдѣ онъ съ долиною сближается, возвышается башня, какъ крѣпость

на вершинѣ горы. За башнею къ долинѣ слѣдуютъ ворота; выходящіе изъ нихъ чувствуютъ удовольствіе, усматривая какъ бы съ какой нибудь башни сіи прелестные виды равнины. Но какъ описать качество сего мѣста? Оно благорастворенно и плодоносно, воздухъ умѣренъ такъ, что и не слишкомъ жарко и не слишкомъ холодно, но не имѣя непріятностей съ той и другой стороны, занимаетъ средину, т. е. жарчае чрезмѣрно холоднаго, и холоднѣе чрезмѣрно жаркаго, и слѣдовательно гораздо суше слишкомъ мокраго, и мокрѣе слишкомъ сухаго, въ надлежащей соразмѣрности того и другаго.

119. Поелику строеніе всего монастыря и вмѣстѣ украшеніе требовало не болѣе трехъ лѣтъ, по причинѣ множества рукъ и усердія строителей, то преподобные Отцы, украсивъ церковь, намѣревались и освятить ее: но они имѣли нужду въ водѣ. Ибо въ пустынѣ дождь идетъ только зимою, которая, поелику большею частію бываетъ безводна и суха, то у нихъ недоставало воды, особенно около весенняго поворота солнца,—развѣ сколько нибудь оставалось

дождевой воды въ водоемахъ. Будучи стѣсняемы недостаткомъ необходимыхъ естественныхъ потребностей, они не знали, что дѣлать. Почему Игуменъ Илія и Діаконъ Фидъ извѣщаютъ Лонгина, начальника нижняго монастыря, и Павла управляющаго монастыремъ Мартирія, чтобы они помогли на скотахъ привести воды изъ Фарана.

120. Между тѣмъ какъ на разсвѣтѣ слѣдующей ночи они намѣревались отправиться въ путь, и когда уже собраны были животныя, является въ сію ночь блаженному Иліи великій Евѳимій и спрашиваетъ: Для какой нужды вы нынѣ собираете животныхъ? Илія отвѣчалъ: Для того, чтобы привести воды изъ Фарана, ибо теперь у насъ вовсе ея нѣтъ. А онъ сказалъ съ укоризною: „Маловѣры! Для чего вы не просили Бога? Тотъ, который напоилъ изъ скалы непокорный народъ, и нѣкогда Сампсону изъ ослиной челюсти источилъ воду, неужели бы не могъ удовлетворить и вашей нуждѣ, естьли бы вы только попросили Его съ вѣрою? Послѣ того запретилъ имъ идти въ Фаранъ, считая это ненужнымъ. Не

пройдетъ и трехъ часовъ, сказалъ онъ, какъ величайшіе водоемы ваши наполнятся водою.

121. Вставъ отъ сна блаженный Илія тотчасъ разсказалъ это Фиду и прочимъ, и отпустили скотъ отъ предполагаемой работы. Какъ только прошла ночь и солнце своими лучами освѣтило землю, вдругъ появилось облако надъ монастыремъ, и полился дождь. Хотя подобный бичь бездождія поражалъ и всю окрестную землю, но только одни жители монастыря получили сію чудесную воду, какъ будтобы кто нибудь ограничилъ дождь и не позволилъ ему идти далѣе. Когда водоемы наполнились водою, и когда уже не было болѣе нужды въ дождѣ, облако тотчасъ разсѣялось, и послѣ сильнаго дождя опять настало ведро.

122. Въ короткое время вся пустыня узнала о семъ чудѣ, и когда слухъ дошелъ до самаго Архіепископа Мартирія, тогда онъ, съ великимъ множествомъ людей пришедъ въ монастырь, совершилъ тамъ торжественно литургію и бдѣніе со многими свѣщами и ѳиміамомъ, и освятилъ храмъ

великолѣпнымъ и блистательнымъ образомъ, въ 7 день мѣсяца Маія въ 12 лѣто послѣ смерти Евѳимія, положивъ подъ жертвенникъ нѣкоторыя части мучениковъ, Тараха, Прова и Андроника. По прошествіи нѣкотораго времени Діаконъ Фидъ дѣлается Епископомъ города Дора.

123. Но когда я дошелъ до сего мѣста, то мнѣ приходитъ на мысль дѣло, относящееся до отщепенцевъ, которое, какъ мнѣ кажется, достойно того, чтобы помѣщено было здѣсь, дабы оттуда яснѣе видно было пророчество божественнаго Евѳимія. Когда Патріархъ Мартирій повѣрилъ чудесному видѣнію Фида, и тому, что предсказалъ Великій на морѣ, то пересталъ думать и заботиться объ отщепенцахъ. Спустя немного, какъ будто по нѣкоторому смотрѣнію Божію, Маркіанъ, о которомъ недавно упомянули, возмутившись душею, собралъ всѣхъ ихъ въ монастырѣ, который онъ построилъ около Св. Виѳлеема, и началъ говорить: „Доколѣ, Братія и Отцы, мы станемъ раздирать на части тѣло Церкви, мы, незнающіе, что есть воля Божія, но довѣ-

ряющіе своимъ мыслямъ? И такъ намъ должно смотрѣть, чтобы тогда, какъ мы думаемъ идти истиннымъ путемъ, не попасть въ непроходимыя мѣста. *Помышленія человѣковъ боязлива,* Прем. 9, 14. говоритъ Священное Писаніе. И естьли угодно, то, подражая примѣру Апостоловъ, бросимъ жребій отъ имени Епископовъ и Монаховъ. Естьли жребій падетъ на Монаховъ, то мы совершенно останемся при томъ, въ чемъ и теперь пребываемъ, и чего теперь держимся; а естьли падетъ на сторону Епископовъ, то пріобщимся къ нимъ. Когда Маркіанъ произнесъ такую мысль, то не было ни одного изъ предстоящихъ, который бы не одобрилъ ея. И такъ кинули жребій, и онъ палъ на Епископовъ. По сему немедленно всѣ пріобщились къ нимъ, думая, что это есть дѣло Божіе, кромѣ Геронтія и Романа. Всѣ они присоединились къ единству Церкви, и послѣ нелицемѣрнымъ и искреннимъ образомъ сообщились съ нею.

124. Патріархъ принялъ ихъ съ распростертыми руками и съ сердечною любовію, и сдѣлалъ свѣтлый и всенародный праздникъ.

Ибо во градѣ мирнымъ образомъ воцарился миръ. На улицахъ видна была радость, и всѣ славили Бога. Геронтій же и Романъ, изъ коихъ одинъ 45 лѣтъ управлялъ монастырями блаженныя Меланіи; а другой, какъ мы прежде сказали, построилъ монастырь въ Ѳекойской веси, напослѣдокъ безчестнымъ образомъ были изгнаны изъ оныхъ, за нечестивые догматы свои, и шатаясь туда и сюда, погибли несчастнымъ образомъ. Сіе случилось во время царствованія Зенона.

125. А въ слѣдующіе годы, когда воцарился вмѣсто его Анастасій, варвары сдѣлавъ набѣгъ, и плѣнивъ и опустошивъ большую часть пустыни, истребили самые Агарянскіе шатры, которые не такъ давно поставилъ имъ великій Евѳимій. Послѣ того славнѣйшіе изъ нихъ поставили себѣ другіе около обители Монаха Мартирія, и воздвигли храмы. Но варвары въ другой разъ учинили, нападеніе и иныхъ умертвили, иныхъ взяли въ плѣнъ, иныхъ разогнали по другимъ селеніямъ, т. е. тѣхъ, которые нечаянным образомъ спаслись, во время сего сильнаго и ужаснаго нападенія варваровъ.

126. Блаженный Илія ревностно пасъ овецъ Евѳимія, послѣ тридцати—осмилѣтняго начальства, учинивъ великія и славныя дѣла, отошелъ ко Господу, и во всѣхъ Братіяхъ оставилъ великую къ себѣ любовь, которая еще и понынѣ живетъ въ нихъ. Послѣ него принялъ начальство нѣкто Симеонъ Апамейскій, который прожилъ въ ней только 3 года; а ему наслѣдовалъ Стефанъ, Аравитянинъ, который, по смерти брата своего Прокопія, пожертвовалъ монастырю 600 златницъ изъ отцовскаго наслѣдства.

127. Около сего времени нѣкто Кесарій, Антіохіянинъ, часто заслуживавшій добрую славу въ гражданскихъ должностяхъ, прибылъ во святый градъ, и тамъ пробывъ долгое время, впалъ въ тѣлесную болѣзнь, весьма жестокую. Поелику врачи не имѣли успѣха, и болѣзнь превышала всякое терпѣніе и утѣшеніе друзей; то, не зная наконецъ, чѣмъ себѣ помочь, притекаетъ къ гробу славнаго Евѳимія, и елей, при гробѣ находящійся, при одномъ помазаніи исцѣляетъ болѣзнь сего человѣка. И онъ въ благодарность за благодѣяніе отъ всей души пожертвовалъ нѣсколь-

ко денегъ монастырю и отдалъ тогда же, и еще обѣщался доставлять ежегодно.

128. Возвращаясь домой, пришелъ онъ къ Стефану, Епископу Трипольскому, и, поелику душѣ въ такомъ случаѣ пріятно вспоминать о прошедшихъ несчастіяхъ, разсказалъ ему все подробно, т. е. какъ пришла къ нему болѣзнь, и какъ врачи лѣкарствами, а друзья утѣшеніемъ нисколько не помогали, какимъ образомъ, отвергнувъ всѣхъ, прибѣгнулъ ко гробу Евѳимія, и какъ, помазавшись только елеемъ, исцѣлился, чего онъ не только никогда не надѣялся, но о чѣмъ даже не смѣлъ и думать.

129. Все это подробно разсказывалъ онъ Епископу. Леонтій же нѣкто, двоюродный его братъ, который былъ еще очень молодъ, нечаянно случившись при семъ разговорѣ, и слушая воспламенился душею и возъимѣлъ на мысли большее нѣчто и важнѣйшее, нежели сколько требовалъ возрастъ; и оставивъ всѣ мірскія вещи, которыми юность удобно прельщается, немедленно приходитъ въ монастырь великаго Евѳимія, и дѣлается

Монахомъ. Когда онъ прославился добродѣтелію, Епископъ Стефанъ поручилъ ему управленіе монастыря, созданнаго во имя великаго Мученика Леонтія; а немного спустя оставивъ ему и престолъ свой, скончался 22 дня Генваря, послѣ того, какъ управлялъ монастыремъ 21 годъ слишкомъ. А Леонтій, двоюродный его братъ, нѣкоего Нила, Пресвитера монастыря, когда сей шелъ въ Антіохію, принявъ въ свой домъ, угостилъ, и достаточное получивъ о немъ свѣдѣніе, дѣлаетъ его Епископомъ Орѳосіады. Это происходило такъ.

130. Но должно опять обратиться къ монастырю великаго Евѳимія, и то, что до него касается, присоединить къ повѣствованію. По смерти Епископа Стефана, Ѳома, родомъ изъ Апамеи, когда принялъ начальство надъ монастыремъ, очень пространнымъ и многолюднымъ, то уменьшилъ и сократилъ его. Во время его начальства прибылъ опять въ оный Кесарій Антіохійскій, и былъ принятъ Ѳомою благосклонно и дружелюбно; и когда вмѣстѣ съ нимъ сѣлъ за общую трапезу и потомъ, какъ обык-

новенно случается, пошли между ними разговоры, тогда услышалъ отъ него, что въ ризницѣ ихъ находятся нѣкоторыя части того древа, на которомъ, по неизреченному смотрѣнію, распятъ былъ за насъ Господь, и просилъ у него позволенія поклониться симъ драгоцѣннымъ древамъ, и взять хотя малую часть ихъ. Настоятель согласился, и въ тотъ же часъ отпираетъ обѣ двери ризницы и открываетъ сокровищницы, дѣлая все сіе скоро и усердно, и Кесарій входитъ со своими. Поклонившись и приложившись къ спасительному и священному древу, взяли отъ него нѣкоторую часть. Послѣ того, побывъ и во внутренней части ризницы, возвратились опять къ столу.

131. Ѳеодотъ же нѣкто Галатянинъ, служившій имъ, часто проходя чрезъ ризницу и входя къ нимъ, похитилъ изъ отверстыхъ сокровищницъ, прежде упомянутыхъ, шесть сотъ златницъ, которыя лежали въ трехъ кошелькахъ. Между тѣмъ настоятель, занимаясь Кесаріемъ и бывшими съ нимъ людьми, не замѣтилъ сего. Утромъ Ѳео-

доть притворяется разгнѣваннымъ, и показываетъ видъ сильнаго неудовольствія, будто бы онъ не можетъ имѣть покоя. Почему и выходитъ изъ монастыря, подъ тѣмъ предлогомъ, будто бы онъ желаетъ поселиться въ безмолвномъ мѣстѣ, а въ самомъ дѣлѣ, стараясь укрыть себя и унесть золото. Рѣшившись идти во святый градъ, и направивъ къ нему путь, тогда какъ монастырь Монаха Марширія былъ въ виду, сѣлъ въ скрытномъ мѣстѣ, кошельки положилъ на колѣна, и изъ одного изъ нихъ отсчитавъ пятдесятъ златницъ, прочія скрылъ подъ нѣкоторымъ большимъ камнемъ. Означивъ мѣсто, и замѣтивъ его, какъ можно, лучше, пошелъ прямо къ Іерусалиму, а оттуда въ Іоппію.

132. Нанявъ лошадей и давши задатокъ, возвращается къ камню, подъ которымъ скрылъ золото. Когда уже приближился къ нему, (о всевидящее око! о праведнѣйшіе суды!) видитъ величайшаго и страшнаго змія, который выползъ изъ-подъ камня, какъ будто бы онъ приставленъ былъ къ охраненію золота, и силился прогнать его отъ

непринадлежащаго ему богатства. Испуганный Θеодотъ ушелъ тогда съ пустыми руками. На другой день приходитъ опять, и опять находитъ страшнаго охранителя золота, который тщательно бодрствовалъ, и какъ бы на стражѣ стоялъ у денегъ, такъ что вовсе невозможно было даже приближиться къ камню; а естьли и подходилъ, то змій съ великою злостію и далеко гнался за нимъ, и онъ радъ еще былъ, что могъ убѣжать цѣлъ. На слѣдующій день опять приходитъ къ тому мѣсту. Вдругъ воздушная нѣкая сила, какъ бы нѣкоторою палицею давъ Θеодоту сильный ударъ, повергаетъ его, и онъ замертво падаетъ на землю. Лазарійцы же нѣкоторые, проходя мимо, подошли, и увидѣвъ человѣка, въ такомъ жалкомъ положеніи лежащаго на землѣ, взяли его и отнесли въ больницу, находящуюся во святомъ градѣ.

133. Долго лежалъ онъ тамъ, и наконецъ видитъ во снѣ нѣкоего старца, который съ гнѣвомъ говорилъ, что ты не прежде встанешь, пока не возвратишь похищенныя деньги монастырю Евθимія. Почему, призвавъ

начальника больницы, признается въ похищеніи, открываетъ обманъ свой и обнаруживаетъ тайную причину удаленія своего изъ монастыря, и то, какъ онъ скрылъ золото подъ нѣкоторымъ камнемъ, и какъ неоднократно приходилъ туда, и покушался унесть его, но, къ удивленію, сначала змій, страшный по величинѣ и виду, выползшій изъ-подъ камня, прогонялъ его, а послѣ какая-то невидимая сила привела его въ такое состояніе.

134. Узнавши сіе, настоятель Ѳома и Леонтій немедленно прибыли во святый градъ, и положили Ѳеодота на носилки, дабы онъ показалъ имъ мѣсто, гдѣ скрыто золото. Они нашли золото, лежащее подъ камнемъ, а страшный тотъ стражъ (о чудо!) не являлся, какъ бы истиннымъ владѣльцамъ предоставляя золото. И такъ тотчасъ они взяли злашницы, не много заботясь о тѣхъ, которыя истратилъ Ѳеодотъ. А онъ уже не чувствовалъ болѣзни, и былъ здравъ тѣломъ.

135. На осмомъ году управленія мона-

стыремъ Евѳиміевымъ, въ 25 день мѣсяца Марта, на 70 году по смерти Евѳимія, человѣколюбивый Господь воззвалъ Ѳому отъ сей жизни. Послѣ него принялъ начальство надъ монастыремъ Леонтій, которымъ и я, писатель сего, причисленъ къ числу овецъ сего стада. И такъ, что мнѣ сказывали Отцы о семъ святомъ и славномъ Евѳиміѣ, того я, скажу словами Св. Давида, *не утаилъ отъ чадъ ихъ въ родъ инъ*. Но не должно оставлять и того, что случилось при мнѣ, когда еще живы облагодѣтельствованные, и бывшіе при сихъ дѣлахъ, и видѣвшіе собственными своими очами. Но поелику чудеса и понынѣ еще совершаются, то симъ подтверждаются вышеупомянутыя, и твердо доказывается ихъ несомнѣнность.

136. Въ 16 лѣто царствованія Зенонова, я принялъ Монашескій чинъ, и любя чрезвычайно спокойствіе, и имѣя желаніе жить въ пустынѣ, искалъ благопріятнаго случая привести его въ исполненіе. Не имѣя другаго случая, показывалъ желаніе идти на освященіе Іерусалимской церкви, и про-

силъ на то позволенія. Будучи уволенъ настоятелемъ, когда я намѣревался уже выходить изъ главнаго города Скиѳополя, мать моя такую дала мнѣ заповѣдь, чтобы я ничего, что касается до души, не предпринималъ безъ позволенія и совѣта Іоанна отшельника, дабы, какъ говорила она, тотчасъ при самомъ началѣ ты не впалъ по незнанію въ заблужденіе Оригенистовъ. Пришедши во святый градъ, я поклонился святымъ мѣстамъ, гдѣ ради нашего спасенія пребывалъ Господь, поклонился также древу Святаго Креста; а послѣ того иду и къ оному мужу. А онъ между совѣтами и увѣщаніями наконецъ далъ мнѣ и то завѣщаніе: естьли ты хочешь, говорилъ онъ, спастись, иди въ монастырь великаго Евѳимія и живи тамъ. Услышавъ сіе, иду весьма скоро чрезъ пустыню къ Іордану, и пребывъ довольное время съ Отцами, живущими тамъ, пришелъ въ монастырь великаго Евѳимія около Іюля мѣсяца, и былъ принятъ. Въ то время принялъ меня, и правилъ монастыремъ Леонтій.

137. Живя тамъ, въ тоже самое лѣто

вижу, что кто-то, родомъ Киликіецъ, чиномъ Монахъ, именемъ Павелъ, прибылъ изъ монастыря Мартиріева, одержимый злымъ духомъ, котораго родственники привели ко гробу Евѳимія. Когда положили сего Монаха у раки мощей, то спустя немного явился ему Евѳимій, и среди ночи прогоняетъ демона. Сіе свидѣтельство о изцѣленіи неложно. Ибо въ туже ночь Павелъ пришелъ на ночное псалмопѣніе, былъ въ числѣ поющихъ, и предъ всѣми нами сказывалъ, что изцѣлилъ его Богъ. Узнали о семъ въ монастырѣ Мартирія, и нѣкоторые пришли, дабы отвести Павла обратно въ монастырь свой. Но онъ, желая показать себя благодарнымъ, и чтобъ сохранить напечатлѣнную на себѣ благодать, остался на всегда въ монастырѣ Евѳимія, и сталъ участвовать во всѣхъ трудахъ, и служить вмѣстѣ съ Братіею съ великою ревностію.

138. Нѣкогда мы собирали въ пустынѣ пищу, которая обыкновенно называется Мануѳія, и спросили Павла, бывшаго вмѣстѣ съ нами, что ему приключилось, и какъ пришелъ въ монастырь, и какъ изцѣлился

у раки мощей. А онъ, обходясь уже съ нами по дружески, и не имѣя причины скрывать что нибудь отъ насъ, разсказалъ все подробно. Мнѣ ввѣрена была, говорилъ онъ, ризница въ монастырѣ Мартирія, и не знаю, какимъ образомъ я впалъ въ страсть любостяжанія. Поелику я былъ бѣденъ и не могъ достать ни откуда ни одной драхмы; то пришла мнѣ мысль, похитить нѣкоторые священные сосуды и ихъ разпродать, а такимъ образомъ нажить себѣ какое—нибудь имѣніе. И такъ когда овладѣли мною сіи нечистые помыслы, и я изгналъ изъ себя страхъ Божій; то, взявъ тихонько ключи изъ олтаря, и открывъ то мѣсто, гдѣ хранились священные сосуды, нѣкоторые изъ нихъ беззаконно присвоилъ себѣ, а нѣкоторые за ничто отдалъ другимъ. Послѣ такого поступка ключи опять снесъ въ олтарь. Когда же я пошелъ съ нѣкоторыми изъ Братьевъ къ ужину, то, довольно напившись вина, легъ спать въ самомъ жалкомъ положеніи. И тотчасъ всякія нечистыя мысли разлились въ душѣ моей, какъ будто бы тогда все способствовало къ тому, и я, имѣя умъ, омраченный пьянствомъ,

охотно предалъ себя симъ помысламъ. Они до того довели меня, что я чувствовалъ, будто со мною женщина, и мнѣ казалось, что она лежала со мною.

139. Внезапно окружило меня мрачное и темное облако, а это былъ нечистый демонъ, вселявшійся въ меня. Будучи имъ побѣжденъ, какъ непріятельскій плѣнникъ, долгое время былъ мучимъ отъ него, и терпѣлъ всякія мученія. Ибо перестанетъ ли сей врагъ дѣлать зло, когда ему однажды удастся сдѣлать оное? Наконецъ Братія, изъ сожалѣнія ко мнѣ, взяли меня и привели къ ракѣ Святаго. Когда меня положили возлѣ ней, вдругъ какъ бы оживившись и пришедши въ себя, я просилъ Великаго съ горячайшими слезами, чтобы онъ немного умилосердился надо мною и избавилъ меня отъ нечистаго демона. И пролежалъ отъ того вечера въ молитвѣ, и не переставалъ просить. Уже среди ночи казалось мнѣ, что я нахожусь въ нѣкоемъ Божественномъ и чудномъ мѣстѣ. Положеніе его, красоту, пріятность хотя и пожелали бы кто нибудь знать, но на словахъ никакъ не льзя

выразить. Мнѣ казалось, что какой-то черный наглавникъ, весь космашый, покрывалъ мою голову; а сія шерстянка, (о! цѣлитель, рабъ Божій Евѳимій!) да не будетъ и на другихъ возложена. Ибо внутри на мѣсто шерсти она усѣяна была колючими тернами, не такими, которые были бы сносны и средственны, но величиною и длиною они подобны были писчей трости. Они сильно кололи голову мою, и не позволяли ни отворить рта, ни перевесть духа.

140. Когда я находился въ такомъ мучительномъ положеніи, казалось, что у меня было на языкѣ имя Евѳимія, и что я просилъ его. И онъ тотчасъ является мнѣ, окруженный великимъ свѣтомъ, съ сѣдыми волосами, круглолицый, съ веселымъ взоромъ, росту малаго, съ длинною бородою, въ черной мантіи, держащій въ рукахъ своихъ палку, и говоритъ: что нужно? Чего ты хочешь отъ меня? Когда же я робко и боязливо отвѣчалъ: умилосердись надъ моимъ страданіемъ, и избавь меня отъ сего лютаго демона, онъ съ сердцемъ прервалъ: Вѣришь ли ты теперь, что отъ Бога ничего

скрыть невозможно. Мученіе твое научило тебя, что значитъ шутить вещами церковными, или лучше, Божіими, и расточать ихъ, какъ ни попало. Какъ усердное посвященіе вещей для церкви есть нѣкоторымъ образомъ служеніе Богу, и Онъ за сіе свыше посылаетъ возмездіе, такъ и употребляющіе оныя во зло не другому кому, но самому Богу ругаются, и подвергають себя праведному суду Его. Ибо естьли древле Ананія съ своею женою, похитивъ часть изъ своего приношенія, подверглись такому наказанію, что оба вмѣстѣ умерли въ самое время похищенія; то какое прощеніе получитъ тотъ, кто не щадитъ приношенія другихъ. Но естьли, говорилъ онъ, ты дашь обѣщаніе въ томъ, что болѣе не наложишь неправедныхъ рукъ на священныя вещи, и не будешь предаваться гнуснымъ помысламъ; то Богъ утѣшитъ и изцѣлитъ тебя. Онъ Человѣколюбивъ. Не хочетъ смерти грѣшника, какъ учитъ Св. Писаніе, но чтобъ онъ обратился и жилъ. Потому-то тебѣ и приключилось сіе, что ты, имѣя на рукахъ своихъ священныя утвари, не пребылъ вѣрнымъ Богу, но обратился

на лукавство и кражу, пожиная, гдѣ не сѣялъ, и собирая, гдѣ не расточилъ. По сему-то Богъ и оставилъ тебя. Отсюда нападеніе плоти и невоздержаніе, и отъ сего-то та сильная демонская буря, говорилъ онъ, которая поглотила тебя.

141. Услышавъ сіе, я далъ ему обѣщаніе, остерегаться впредь. Тогда онъ запретилъ нечистому демону, и взявъ рукою мой наглавникъ, съ трудомъ и усиліемъ снялъ его съ головы; а сей тотчасъ перемѣнилъ видъ свой, и въ рукѣ Святаго мнѣ показался маленькой Еѳіопъ, котораго глаза подобны были огню. Предъ ногами его явилась преглубоко вырытая яма, въ которую бросилъ Еѳіопа, а ко мнѣ обратившись, сказалъ тоже, что сказалъ Христосъ къ разслабленному: *Се здравъ еси: ктому не согрѣшай, но блюди себе, да не горше ти что будетъ.* Іоан. 5, 14. Освободившись отъ мученія, и усердно возблагодаривъ Бога, съ того времени даже до сего дня, я цѣлъ отъ всякаго зла. Это говорилъ мнѣ Павелъ, и изъ словъ его я составилъ общую для всѣхъ повѣсть.

142. Но слово увлекаетъ меня еще къ другимъ предметамъ, для услажденія слуха вашего. Непрерывная цѣпь чудесъ не позволяетъ остановиться, но всегда болѣе возбуждаетъ слово, стремясь къ дальнѣйшему, къ описанію дѣлъ превосходнѣйшихъ и пріятнѣйшихъ, которая какъ бы споритъ сама съ собою, желая предъидущее превысить послѣдующимъ. Два водоема, выкопанные сначала, какъ говоритъ преданіе, Аморреями и отстоящіе отъ монастыря на двѣ стадіи, великій Евѳимій еще при жизни своей возобновилъ, какъ мы прежде сказали, и заградивъ устье одного изъ нихъ, назначилъ оный Лаврѣ для запаса воды, а другой въ извѣстное время уступилъ Агарянамъ, крестившимся отъ него. Когда сіи водоемы были такъ разпредѣлены, т. е. одинъ назначенъ для Лавры, а другой отданъ Агарянамъ, тогда въ сей сухой и почти безводной пустынѣ, было бездождіе. Жившіе въ Лаврѣ, опасаясь недостатка въ водѣ, укрѣпили дверь, находившуюся у водоема, замками и запорами.

143. Когда начальники племенъ, подъ Рим-

скимъ правленіемъ находящіеся, Ареѳа и Асвадей, подняли одинъ противу другаго оружіе, тогда варвары, разсѣясь по всей пустынѣ, похищали имѣнія, разоряли домы, и дѣлали все то, что въ такихъ случаяхъ бываетъ лютаго и безчеловѣчнаго. Въ одно время, какъ мы сидѣли у входа монастырскаго, приходятъ два варвара, съ ними былъ и Христіанинъ, именемъ Ѳалава, родственникъ Агарянамъ, которыхъ нѣкогда крестилъ Евѳимій, и приводятъ одного изъ многочисленной толпы своей варвара, одержимаго злымъ духомъ. Когда они приближились къ намъ, Ѳалава разсказалъ и причину пришествія. Нѣкогда пришли варвары къ Лаврѣ, дабы напоить своихъ верблюдовъ, и когда нашли у водоема дверь, то сей бѣсноватый, пришедши въ ярость, разбиваетъ ее большимъ камнемъ, и за то демонъ поразилъ его еще сильнѣе, онъ сильно терзаемъ былъ, и уста его были наполнены пѣною.

144. Видя сіе и сжалившись надъ варваромъ, такъ страждущимъ, я поднялъ его вмѣстѣ съ нимъ и привелъ къ ракѣ Свя-

таго, дабы тамъ, откуда пришла къ нему напасть, онъ нашелъ и врачевство отъ недуга. Ибо онъ и наказываетъ за дерзость и изцѣляетъ по человѣколюбію. И такъ когда страждущій положенъ былъ у раки, то, пребывъ немногое время, нашелъ изцѣленіе, которое превосходило его желаніе. Ибо не только отъ недуга избавился, но и освѣтился въ душѣ Божественнымъ свѣтомъ, и, по прошествіи немногихъ дней, крестился.

145. Сего же самаго Ѳалавы и племянница одержима была нечистымъ духомъ. Почему и ее перенесли изъ Лазарія, гдѣ жилъ Ѳалава, къ ракѣ мощей. Она не употребляла никакого другаго лѣкарства, кромѣ того, что мазалась святою водою отъ гроба. И не болѣе трехъ дней достаточно было для совершеннаго освобожденія отъ мучителя.

146. А что сказать о сынѣ Агарянина Аргова? Симъ именемъ назывался отецъ его. Когда онъ пасъ въ пустынѣ стадо, тогда вошелъ въ него проклятый демонъ, и не

только мысли, но и самое лице и глаза его были изуродованы. Принесенъ и онъ къ ракѣ мощей, и въ короткое время во всемъ поправился, и въ добромъ здравіи возвращается отцу.

147. Но кто можетъ изчислить безчисленныя, подобныя симъ чудеса! Въ нѣкоторую женщину, которая жила съ мужемъ своимъ въ селеніи Витавудисскомъ, когда она нѣкогда въ полдень сидѣла дома, вошелъ лютый демонъ, и мучилъ ее цѣлые шесть мѣсяцевъ, а мужу ея дѣлалъ самую жизнь горчае всякой смерти. Страдая отъ несчастія, и не находя никакого утѣшенія въ такой печали, рѣшился онъ прибѣгнуть къ великому Евѳимію. Такимъ образомъ, взявъ съ собою бѣснующуюся супругу, приходитъ съ нею къ монастырю. Но поелику женщинѣ не можно было войти внутрь его, то она сидѣла у воротъ, дѣлая то, что могла, пребывая въ постѣ и молитвѣ, и каждый вечеръ принимая святую воду отъ раки, вмѣстѣ съ елеемъ отъ лампады. На третію ночь является ей великій Евѳимій и говоритъ: вотъ, ты здрава, иди въ домъ

твой. И вдругъ болѣзнь прошла, и недуги бѣснованія прекратились, и жена въ здравомъ умѣ возвратилась домой. Съ того времени, памятуя благодѣяніе Святаго, ежегодно приходила къ монастырю, цѣловала самый порогъ и землю, находящуюся при входѣ, самый прахъ съ горячностію лобызала, и братію принимала въ домъ свой и угощала, какъ могла. Таково было сіе чудо. Важностію своею оно нисколько не уступаетъ чудесамъ преждеупомянутымъ.

148. А о слѣдующемъ чудѣ тотъ самый, кто былъ подверженъ бѣдствію, и у гроба Святаго получилъ помощь, который еще и понынѣ живетъ въ его монастырѣ и находится въ числѣ Монаховъ, собственнымъ языкомъ и гласомъ свидѣтельствуетъ. Есть нѣкто Братъ въ монастырѣ, родомъ Галатянинъ, по имени Прокопій. Сей-то Прокопій, обращаясь еще въ шумѣ и дѣлахъ міра, одержимъ былъ злымъ духомъ, который находился въ немъ долгое время, наводилъ на него тайный страхъ, и производилъ волненіе внутри его, какъ самъ онъ мнѣ разсказывалъ. Когда онъ оставилъ міръ,

и пришелъ въ монастырь, то принятъ былъ Братіями, и когда помолился предъ ракою мощей, злой духъ тотчасъ открылся, какъ тьма посредствомъ свѣта, и вышелъ наружу, и узнали, что Прокопій былъ бѣсноватый, и претерпѣваетъ все то, что свойственно одержимому бѣсомъ, т. е. онъ сильно рвался и повергаемъ былъ на землю; притомъ у него и языкъ былъ связанъ, и онъ не могъ говорить по обыкновенному. Но Великій и его изцѣлилъ, прогналъ мученіе и бѣснованіе, и разрѣшилъ узы языка. Онъ и понынѣ живетъ въ монастырѣ не только безболѣзненно и здраво, но и успѣваетъ во всякомъ цѣломудріи и терпѣніи, и по силамъ несетъ благое иго Христово.

149. За симъ слѣдуетъ упомянуть о случившемся съ нѣкоторымъ странникомъ. Когда мы сидѣли у воротъ монастыря, съ заступомъ въ рукахъ для чищенья, онъ бѣжалъ къ намъ съ великимъ стремленіемъ и подобно бурѣ, одержимъ будучи злымъ духомъ, и кричалъ громкимъ голосомъ: что тебѣ до меня, рабъ Божій, Евѳимій? Куда влечешь меня насильно? Не выду. Послѣ

шого злой духъ повергаешъ его предъ дверьми. Жалко было смошрѣшь на его паденіе! Мы вспали съ привратникомъ Вавилою, и едва поднявъ его, повели къ ракѣ мощей. Между шѣмъ онъ не переставалъ кричашь по прежнему: для чего вы съ шакимъ насиліемъ влечеше меня и шерзаеше? Для чего ведеше къ моему непріяшелю, къ моему врагу? Для чего насильно шащише меня къ шому, кшо всегда сильно жжешъ меня? О насиліе! Не пойду съ вами, но выду, и болѣе не осшанусь. Когда мы съ великимъ шрудомъ пришли со спранникомъ къ самому гробу Свяшаго, діаволъ опяшь повергаешъ его, и онъ, пробывъ цѣлую шу ночь въ нѣмошѣ, поушру встаешъ въ совершенномъ здравіи и въ полномъ умѣ, не имѣя никакого слѣда прежней болѣзни. Сидя вмѣсшѣ съ нимъ за споломъ, мы спросили у него: какимъ недугомъ спрадалъ онъ вчера? Какъ пришелъ сюда, и что кричалъ? Но онъ говорилъ, что ничего не знаешъ, и совершенно не помнишъ, какъ пришелъ, и что кричалъ?

150. Таковыя и шакимъ образомъ совер-

шающіяся дѣла имѣюшъ всю важносшь чудесъ и уступаюшъ шолько шѣмъ, которыя случились въ селеніи Вишагабейскомъ, и къ которымъ стремится слово мое. Былъ въ монастырѣ Пресвитеръ, родомъ изъ сего селенія, именемъ Ахѳавій, который жилъ въ монастырѣ 45 лѣшъ, и былъ ревностный исполнитель заповѣдей Христовыхъ. У него былъ брашъ въ шомъ же селеніи, отстоящемъ отъ Газы на 12 стадій, который жизнію нисколько непохожъ былъ на браша, Романъ, (шакъ онъ назывался) но жилъ въ нѣгѣ и нерадѣніи. Нѣкто, позавидовавъ его богашству, злоумышлялъ похитить оное, но не достигнувъ своей цѣли, а отъ сего возымѣвъ еще сильнѣйшую къ нему зависть, приходитъ въ Елевѳерополь, и призываетъ на помощь чародѣя, многими трудами изыскивая вредъ ближнему. Чародѣй употребилъ, какъ зналъ, свое искусство. А Романъ, не зная ничего, что происходитъ, былъ въ то время на полѣ, и нимало не оберегался злодѣйства. Но почувствовалъ нѣкоторое оцѣпенѣніе въ шѣлѣ (шакъ пробуждаетъ Богъ отъ великаго нерадѣнія, и побуждаетъ его къ дѣятельности; на сей конецъ

Онъ и попустилъ подвергнуться ему на нѣсколько времени featureзнямъ діавола), и возвращается домой. Припадокъ сдѣлался сильнѣе, и онъ страдалъ водяною болѣзнію, не получая никакой помощи отъ искусства врачей. Сродники и друзья сидѣли вокругъ его и оплакивали близкую его кончину.

151. Находясь въ такой опасности и ожидая смерти, едва открываетъ глаза, такъ что можно сколько нибудь видѣть, и проситъ находившихся при немъ выдти на малое время. Оставшись одинъ и обратившись къ стѣнѣ, подобно оному Езекіи, въ сокрушеніи сердца такъ молился: Боже силъ!— Ты, который сказалъ: *егда возвратився воздохнеши, тогда спасешися*, Ис. 30, 15. Самъ призри на меня и изхити отъ тяготящей меня нужды и напасти. Между тѣмъ пришло ему на умъ, призвать на помощь и великаго Евѳимія, и сдѣлалъ его ходатаемъ у Бога и просилъ чрезъ него избавленія.

152. Потомъ пришедши какъ бы въ восторгъ, онъ видитъ предъ собою сѣдаго

старца, въ монашеской одеждѣ, который говорилъ ему: чего ты хочешь отъ меня?— Въ страхѣ и радости онъ спросилъ его: кто ты, Господинъ мой?—Я Евѳимій, отвѣчалъ старецъ, котораго ты призывалъ. Не бойся смотрѣть на меня. Я желаю знать, чѣмъ ты страждешь, и какая часть тѣла подвержена болѣзни. Когда Романъ указалъ на чрево, онъ, сложивъ свои персты прямо и замахнувшись ими, какъ мечемъ разсѣкаетъ пухлость чрева и болѣзненную влагу отдѣляетъ и изливаетъ. Кромѣ того вынялъ онъ изъ чрева какую-то оловянную дощечку, на которой были нѣкоторыя начертанія, и положилъ оную на столѣ предъ его глазами. Послѣ сложивъ рукою и помазавъ разсѣченную часть, возвратилъ ей здравіе, и разсказалъ ему все дѣло по ряду: о зависти къ его богатству, о совѣщаніи съ волхвомъ и о призываніи діавола, но ты, говорилъ онъ, не подпалъ бы симъ ковнямъ врага, естьли бы самъ не подалъ къ тому причины. Вотъ сколько уже протекло времени, а ты не ходилъ и въ церковь, и не приступалъ къ пречистымъ тайнамъ, но жилъ въ лѣности и нерадѣніи о душѣ своей.

И поелику Богъ сотворилъ съ тобою милость, то береги теперь себя, и не неради о своемъ спасеніи.

153. Выслушавъ сіе, Романъ тотчасъ встаетъ здравымъ, не чувствуя боли въ чревѣ, и созвавъ своихъ сродниковъ, объявилъ имъ о предстательствѣ за него Святаго, о чудномъ сѣченіи перстами и о всемъ, что видѣлъ. Послѣ того онъ пришелъ и къ намъ, и разсказывалъ сіе настоятелю монастыря и Ахѳавію брату, и намъ всѣмъ. И до сего времени онъ празднуетъ день чудотворенія, и ежегодно приноситъ благодареніе Святому. Это было такъ.

154. Но то, о чемъ я хочу теперь говорить, опасаюсь, чтобы не показалось для многихъ невѣроятнымъ и несообразнымъ съ свойствами и человѣколюбіемъ Святаго. Такую-то сильную онъ показалъ ревность противъ клятвопреступниковъ. Лежитъ къ востоку одно селеніе, отстоящее отъ Лавры Фарана на десять стадій, и называющееся также Фараномъ. (Думаю, что не оно получило наименованіе отъ Лавры, но само

дало ей.) Въ ономъ селеніи жилъ нѣкоторый человѣкъ, именемъ Киріакъ, пасшій овецъ. Когда онъ пасъ свое стадо въ окрестныхъ пустыняхъ, одинъ житель того же селенія, и притомъ бѣдный, поручилъ ему десять овецъ, дабы онъ пасъ ихъ вмѣстѣ съ прочими. По прошествіи нѣкотораго времени, бѣдный впалъ въ величайшую нужду. Но какъ онъ не имѣлъ у себя ничего другаго, кромѣ малаго своего стада, то тотчасъ и обратился къ нему, и по необходимой нуждѣ спѣшилъ продать его. Но Киріакъ, имѣвшій, какъ видно, худую душу, и не предпочитавшій правду и малому прибытку, отдалъ ему только восемь, и утверждалъ, что онъ столько взялъ у него съ самаго начала. Когда же тотъ требовалъ еще двухъ остальныхъ, тогда Киріакъ отказался, и сіе дѣло произвело между ними споръ, и они сильно тягались.

155. Посредники, которые были между тѣмъ и другимъ, предложили, кому угодно, произнести клятву, дабы симъ окончился споръ. Киріакъ рѣшился поклясться, а бѣдный требовалъ, чтобы поклясться ракою

мощей великаго Евѳимія. Уже назначенъ былъ и день, и Киріакъ, который долженствовалъ произнести клятву, или лучше, Киріакъ клятвопреступникъ, въ назначенный день пошелъ вмѣстѣ съ бѣднымъ въ монастырь. Когда они достигли пути, ведущаго отъ Іерусалима къ Іерихону, и когда монастырь былъ уже въ виду ихъ, тогда бѣдный, видя, что Киріакъ весь преданъ клятвопреступленію, и готовъ былъ произнести клятву, и убоявшись, какъ будто онъ самъ долженъ произнести и преступить оную, сказалъ ему: ну, братъ, возвратимся. Для доказательства довольно и одного желанія дать клятву, больше ничего требовать не льзя. Сказавъ сіе, онъ просилъ его не божиться. Но Киріакъ нѐ согласился, и говорилъ, что онъ безчестно бы поступилъ, естьли бы на самомъ дѣлѣ не выполнилъ даннаго условія. Пришедши въ монастырь, онъ дерзнулъ предъ ракою св. мощей исполнить страшное намѣреніе и учинить клятвопреступленіе. Сей *безумецъ*, каковъ онъ по истинѣ былъ, *сказалъ въ сердцѣ своемъ: нѣтъ Бога*. И позабывъ Бога, думалъ, что и Богъ позабудетъ его.

156. Тогда возвратился домой, безумно радуясь той неожиданной прибыли, которую получилъ отъ клятвонарушенія. На другой день среди ночи лежалъ онъ на постели, и еще не спалъ, какъ вдругъ увидѣлъ, что дверь дома сама собою отворилась, и вошелъ какой-то старый Монахъ съ пятью юношами, держа въ правой рукѣ прутъ, и освѣтивъ домъ великимъ свѣтомъ, съ свирѣпымъ взглядомъ и суровымъ голосомъ сказалъ ему: что ты, безумный, осмѣлился сдѣлать предъ ракою Евѳимія? Когда же тотъ не говорилъ ни слова, и не могъ ничего найти въ свое оправданіе, но подобно нѣмому имѣлъ прикованный языкъ, тогда онъ отдалъ его окружавшимъ его юношамъ, и тотчасъ приказалъ имъ, чтобы его били. Четыре изъ нихъ растянули его, а пятому далъ прутъ, и приказалъ сильнѣе бить, дабы онъ не шутилъ надъ Богомъ, не божился, и не отнималъ чужаго. Когда увидѣлъ, что ему дали довольное число ударовъ, то, остановивъ руку юноши, беретъ его за волосы, и говоритъ: или ты не зналъ, нечестивецъ, что есть Богъ, судія земли? Вотъ въ сію ночь душу твою возмутъ у тебя;

кому же достанется то, что ты неправедно отнялъ? Для сего-то Онъ и послалъ тебѣ наказаніе сіе, дабы другіе вразумились симъ и избѣгали опасности, которымъ угрожаетъ клятвопреступленіе, или лучше, совершенно не божились, хотя бы ихъ была и правда.

157. Съ угрозою сказавъ сіе Киріаку, тотчасъ ушелъ съ сопровождавшими его, а онъ, смутившись отъ видѣнія, и съ другой стороны не въ состояніи будучи переносить боли отъ ударовъ, кричалъ пронзительнымъ голосомъ, и призвалъ своихъ сосѣдей. Тогда показывалъ имъ удары, искренно признавался въ клятвопреступленіи, и оплакивалъ имъ несчастіе свое. Потомъ просилъ ихъ, чтобы они повезли его къ ракѣ Святаго. Можетъ быть, говорилъ онъ, наложившій сіи нестерпимые удары, скоро и изцѣлитъ ихъ, будучи ученикомъ Того, котораго свойство болѣе благотворитъ, нежели наказывать; поелику искусство и помощь врачей едва ли можетъ пособить толикой болѣзни. Услышавъ сіе, а послѣ того и увидѣвъ, какъ онъ былъ жестоко битъ, и

сами не меньше его устрашились, однакожъ согласились исполнить желаніе его, и вздумали отправить его слѣдующимъ образомъ: наполняютъ два мѣшка мякиною, и взваливъ оные поперегъ осла, какъ должно, полагаютъ его по срединѣ, и такимъ образомъ привозятъ въ монастырь и къ ракѣ. Они разсказали намъ все случившееся съ нимъ, и показавъ удары на спинѣ, такой навели страхъ братіямъ, что съ того времени никому не позволяли ни самому по себѣ давать клятву предъ ракою Святаго, ни другаго, сколько для нихъ было возможно, приводить къ клятвѣ.

158. Проведши цѣлый тотъ день у насъ, когда увидѣли, что Киріакъ лишенъ былъ и слабой надежды жить, и близокъ былъ къ смерти, поелику чрево его вытекло, и уста его нисколько не могли остановить рвоты, то взяли его и обратно повезли домой. А онъ едва переживъ ту ночь, на слѣдующій день скончался.

159. Около сего времени и другой какойто странникъ, принятъ будучи, какъ гость,

въ монастырѣ, и пошедши въ храмъ помолиться, высмотрѣвъ въ немъ все, и среди ночи пробравшись ко гробу Святаго, стоявшую на немъ золотую урну, не нечистыми только руками, какъ говорится, но совершенно нечестивыми, похитилъ, и, вышедъ тайно во время ночи, скрылъ свой уходъ. Никто изъ монастырскихъ не поймалъ его въ покражѣ, и она была неизвѣстна имъ. Поутру привратникъ Прокопій, который прежде получилъ великую милость отъ Святаго, прошедъ недалеко отъ воротъ, нашелъ того странника (о чудо!) стоящаго насупротивъ монастыря подобно столпу. А тотъ, не имѣя возможности болѣе скрываться, и не зная что дѣлать, открылъ придвернику тайну. Онъ приводитъ его въ монастырь, и сдѣлалъ такъ, чтобы всѣ Братія были свидѣтелями исповѣдуемаго чуда. Чужестранецъ въ короткихъ словахъ разсказалъ чудное и невѣроятное событіе. По словамъ его онъ уже среди ночи похитилъ съ гробницы золотую урну, и тотчасъ вышелъ вмѣстѣ со скотомъ монастырскимъ. Остальную часть ночи проворнымъ и скорымъ шагомъ онъ шелъ не менѣе бо

стадій, но не могъ выдти изъ предѣловъ монастыря. На разсвѣтѣ предъ самымъ монастыремъ онъ очутился прикованнымъ къ одному мѣсту, такъ что не могъ нисколько подвинуться. Похищенная вещь какъ бы связывала похитителя, и заставила дожидаться тѣхъ, у которыхъ случилось похищеніе. Это привело всѣхъ насъ въ ужасъ, и мы удивлялись такой силѣ Святаго. И такъ мы взяли священный сосудъ, и человѣку, который былъ бѣденъ, давши на дорогу хлѣба, отпустили его домой.

160. Вотъ нѣкоторыя изъ многихъ дѣлъ великаго Отца Евѳимія, которыя мы сами видѣли и которыя слышали, дабы ни жизнь мужа во плоти, ни чудеса, содѣланныя имъ по смерти, не остались неизвѣстными потомкамъ; поелику между тѣмъ и другимъ есть сходство, и одно съ другимъ имѣетъ весьма близкую связь. Ибо никто другой не можетъ творить по смерти такихъ чудесъ, развѣ тотъ только, кто жилъ на землѣ подобнымъ образомъ, и никто не проходилъ жизни подобнымъ образомъ, развѣ тотъ только, кто по смерти своей славится

шакими чудесами. Я и самъ, удостоившійся отъ него великихъ милостей, и неоднократно облагодѣтельствованный имъ какъ по тѣлу, такъ и по душѣ, видя, что отъ раки его всегда источаются многія чудотворенія, всегда дивился самъ въ себѣ, и размышлялъ, какимъ образомъ онъ достигъ такого дерзновенія у Бога, и въ душѣ моей родилось желаніе, узнать обстоятельнѣе, какъ жилъ мужъ, какъ подвизался въ добродѣтели, и откуда такой союзъ и дружество съ Богомъ.

161. И такъ, поелику я узналъ многихъ Отцевъ изъ сей пустыни, изъ коихъ иные вѣрно слышали о дѣлахъ Евѳимія, а другіе жили даже съ блаженнымъ Саввою, слова ихъ, что каждый изъ сихъ Отцевъ разсказывалъ мнѣ, записывалъ вѣрно, хотя не въ связи и не въ порядкѣ. Въ послѣдующее время, когда собравшійся въ Константинополѣ пятый Вселенскій Соборъ ученіе Оригена и Несторія предалъ проклятію, и Оригенисты, жившіе въ новой Лаврѣ, изгнаны оттуда, а вѣрные и православные Отцы опять переселились въ оную, тогда и я,

съ позволенія Іоанна, славнаго отшельника и Епископа, вышелъ изъ монастыря, и сталъ жить въ Лаврѣ. По переселеніи въ оную, склоняясь на письма Отцевъ, побуждавшихъ меня составить жизнь блаженнаго Евѳимія и Саввы, два года сряду жилъ уединенно въ Лаврѣ и трудился надъ составленіемъ.

162. Но не зная, какъ начать дѣло свое, такъ какъ я не занимался свѣтскими науками, я не переставалъ плакать, и усерднѣйше просить и молиться. Уже мнѣ пришло было на мысль, оставить предпринятое намѣреніе, столько трудное и силы мои превышающее. Когда я безпокоился такимъ образомъ и сидѣлъ на своемъ стулѣ, держа въ рукѣ бумагу, и приходя въ отчаяніе, около втораго часа дня склонилъ меня сонъ. И вдругъ являются мнѣ великій Евѳимій и блаженный Савва, въ обыкновенной одеждѣ. Казалось, я слышу, что они разговариваютъ. Преподобный Савва первый началъ бесѣду, и говорилъ великому Евѳимію: вотъ Кириллъ твой держитъ въ рукѣ памятныя записки, но при всемъ стараніи и трудѣ не могъ даже начала поло-

жить дѣлу. Когдажъ Евѳимій сказалъ: и какъ же онъ можетъ сдѣлать это, естьли свыше не придетъ къ нему на помощь благодать? Блаженный Савва отвѣчалъ: но ты, Святый Отецъ, сообщи ему сію благодать. И въ тоже время Св. Евѳимій, согласившись и положивъ руку въ пазуху свою, вынялъ оттуда золотый сосудецъ съ медомъ, и обмакнувъ въ немъ ложечку, далъ мнѣ вкусить три раза. Видомъ уподоблялся сей медъ елею, но вкусъ его (о какая сладость!) подлинно несказанный и неизобразимый. Совершенно сравнивать его съ медомъ значило бы много унижать его. Когда я пробудился, сія удивительная пріятность еще оставалась на устахъ моихъ. И такимъ образомъ, проникнутый сею божественною сладостію, я началъ писать сію исторію, поспѣшая, сколько можно, описать жизнь и знаменитаго Саввы. Молитвами ихъ да послужитъ сей трудъ въ пользу и назиданіе читателей, во славу Отца и Сына и Св. Духа, единыя и нераздѣльныя Троицы, которой подобаетъ слава и поклоненіе нынѣ и всегда и во вѣки вѣковъ. Аминь.

II.

ЧѢМЪ ДОЛЖНА БЫТЬ ДЛЯ НАСЪ ПРИРОДА ПО РАЗУМУ ІИСУСА ХРИСТА?

Были Христіане, которые оставляли природу безъ всякаго вниманія и даже презирали ее; которые закрывали взоръ свой отъ чудныхъ красотъ ея, — заключали свое сердце, дабы не внимать Божественному гласу, изрекаемому ею. Есть нѣкоторые и нынѣ, кои считаютъ насиліемъ правамъ Христіанства, естьли при наставленіи юношества, въ часы благоговѣнія, обращаютъ взоръ его на неизмѣримыя пространства, дабы научить его и тамъ читать Божественное Писаніе, написанное золотымъ перомъ на синемъ сводѣ неба и зеленѣющимъ злакомъ на поверхности земнаго шара.

Таковая неблагоразположенность къ природѣ происходитъ не только отъ охладѣнія духовныхъ силъ нашихъ, но иногда даже отъ нѣкотораго страннаго расположенія къ откровенію письменному, — расположенія, при

которомъ человѣкъ ничего, кромѣ его, не хочетъ, такъ сказать, ни слышать, ни видѣть.

Правда, глубокій взоръ на существо тварей первоначально мы устремляемъ съ помощію откровенія, и любовь къ Іисусу есть нѣчто совершенно отличнѣйшее, сладостнѣйшее, святѣйшее, нежели любовь къ природѣ: но даетъ ли это намъ право, презирать ее? Дѣло творенія не есть ли также, какъ и дѣло искупленія, дѣло Божіе? Не усматриваетъ ли неомраченный страстями взоръ нашъ и здѣсь Того же, какъ и въ Библейской Исторіи, Единаго, Святаго, Безпредѣльнаго, который творитъ вѣтры своими вѣстниками, и молніи своими слугами. Не беззаконно ли же таковое презрѣніе, и не противно ли оно духу и примѣру Іисуса Христа? Ибо кто охотнѣе Его удалялся въ уединеніе долинъ и горъ? Кто чаще Его укрывался туда отъ развращенности человѣческаго рода, дабы тамъ бесѣдовать съ Богомъ? И кто чаще Его избиралъ природу въ одежду и покровъ своего ученія?

Такъ, мы весьма часто обрѣтаемъ Іисуса Христа въ священномъ храмѣ природы. Мѣстомъ для проповѣди Божественнаго ученія своего Онъ избиралъ не только Іерусалимскій храмъ, не только школы Іудейскія, не только жилища человѣческія; но и въ лонѣ природы, какъ скоро видѣлъ около Себя небольшее собраніе, Онъ воздвигалъ свою каѳедру, и возвышалъ души къ Тому, въ которомъ мы живемъ, движемся и существуемъ. То находимъ Его проходящимъ по зеленой нивѣ, то по виноградному саду; то останавливается Онъ на горѣ, то на кораблѣ для своего проповѣданія; даже самый образъ Его дѣйствованія въ пустынѣ дѣлается ученіемъ, которое столь сильно дѣйствуетъ на грубыя сердца, что онѣ въ слѣпой ревности ловятъ Его, и хотятъ сдѣлать своимъ царемъ. Но Онъ удаляется,—и сіе удаленіе есть новое для насъ свидѣтельство той приверженности, каковую имѣлъ Іисусъ Христосъ къ природѣ; ибо Онъ опять удаляется на гору, и пребываетъ тамъ одинъ. Онъ уклонялся туда, гдѣ никакая развращенность человѣческая не терзала Его, никакое страстное существо и никакое

страстями Его производимое дѣйствіе не возмущало Его; гдѣ Онъ въ безмятежномъ уединеніи спокойно могъ молиться Небесному Отцу Своему и размышлять о великомъ планѣ искупленія, дабы послѣ съ новою любовію и силою возвратиться къ заблудшему, но при всемъ томъ драгоцѣнному для Него человѣческому роду. Даже въ самые послѣдніе дни земной жизни своей Онъ укрывался на масличную гору близь Геѳсиманіи, дабы тамъ подъ звѣзднымъ небомъ укрѣпить Себя исполненною преданности молитвою къ перенесенію жестокихъ своихъ страданій.—Не долженъ ли же ты, который въ природѣ, какъ второмъ твоемъ жилищѣ, провождаешь дни свои, не долженъ ли ты на сіе мѣсто твоего дѣйствованія, на твою питательницу обращать твое вниманіе, и научаться любить ее въ духѣ твоего Господа, и по Его примѣру?

Христіанинъ! естьли слѣдовать по стопамъ Іисуса Христа, на все смотрѣть Его окомъ, все употреблять по примѣру Его, наслаждаться пріятнымъ и сносить та-

гостное съ Его умѣренностію,—естьли все сіе, говорю, есть твоя обязанность; то ты долженъ взирать на природу съ тѣмъ же духомъ, съ такимъ же расположеніемъ сердца, съ каковыми обращался къ ней Іисусъ Христосъ. Въ семъ смыслѣ она должна быть для тебя:

Защитою отъ всякой неестественности,
Средствомъ къ возстановленію и подкрѣпленію силъ твоихъ,
Зерцаломъ царства Божія и
Провозвѣстницею величія Божія.

I.

Природа должна быть для насъ защитою отъ всякой неестественности.

Такъ, человѣкъ столько же долженъ быть вѣренъ своей природѣ, какъ растеніе и дерево въ своемъ родѣ. Я не разумѣю подъ симъ того, чтобы онъ былъ дикъ, и оставался навсегда грубымъ и безнравственнымъ (таковое состояніе не естественно человѣку), но чтобы онъ разкрывалъ свои силы и способности точно такъ, какъ тре-

буетъ того первоначальное, естественное ихъ направленіе, то есть, чтобы при всемъ облагороживаніи существа своего онъ не присвоялъ себѣ ничего такого, что ему совершенно несвойственно, что навсегда останется для него токмо чѣмъ-то искусственнымъ, чѣмъ-то подражательнымъ, и что онъ, будучи между людьми, выставляетъ на показъ, а въ уединеніи, какъ родъ маски, охотно съ себя слагаетъ.

Но извѣстно, что общественная жизнь весьма легко можетъ вести насъ къ сей неестественности. Господствующій обычай оказываетъ тамъ надъ нами все свое владычество. Мы подражаемъ тѣмъ, кои въ кругу, къ которому принадлежимъ мы, считаются важными учителями. Мы опасаемся обнаруживать въ себѣ какія-либо страстныя чувствованія, но избираемъ противузаконное и прибѣгаемъ къ лицемѣрію. А по сему мы почти никогда не бываемъ тѣмъ, чѣмъ кажемся, и въ самыхъ даже малостяхъ, въ словахъ и тѣлодвиженіяхъ дѣтски подражаемъ странному образцу, такъ что вся общественная жизнь дѣлается по-

добною шуточной игрѣ, гдѣ каждый показываетъ себя иначе, нежели каковъ онъ въ самомъ дѣлѣ, и гдѣ другіе взаимно представляются намъ такими, какъ будто бы они дѣйствительно считаютъ насъ за тѣхъ, за кого мы выдаемъ имъ себя. Какъ, скажете вы, ты предпочитаешь тѣхъ, которые открываются намъ во всей своей развращенности? Которые не скрываютъ отъ другихъ ни злыхъ своихъ намѣреній, ни дѣйствительныхъ пороковъ; которые не стыдятся открывать неистовый гнѣвъ свой и варварское мщеніе? Нѣтъ, братія! Я того не говорю вамъ.—Конечно не должно оставлять дерева безъ всякаго попеченія; но оно столь же мало должно быть и искусственнымъ. Неужели ты хочешь деревамъ твоего сада дать одинаковую величину, и подвести ихъ подъ одну форму? Или, долженъ ли ты масличную вѣтвь привить къ виноградному дереву, а виноградную лозу къ масличному? Такъ пусть же и каждый человѣкъ надлежащимъ, свойственнымъ ему образомъ упражняетъ и образуетъ свои способности; пусть старается облагороживать свою природу тѣми средствами,

какія предлагаетъ ему Іисусъ Христосъ, тогда онъ будетъ тѣмъ, чѣмъ Богъ хочетъ имѣть его,—онъ будетъ тѣмъ, чѣмъ онъ кажется, и казаться будетъ тѣмъ, чѣмъ онъ дѣйствительно есть,—и всѣ поступки его будутъ тогда естественны и благородны.

И такъ по всей справедливости мы говоримъ, что природа по разуму Іисуса Христа должна быть для насъ защитою отъ всякой неестественности. Ибо посмотрите на тѣхъ, кои живутъ въ лонѣ природы, и весьма рѣдко обращаются между людьми, какъ они близки къ природѣ, какая привлекательная простота и естественность открывается во всѣхъ ихъ поступкахъ. По сему посѣщай, въ свободные отъ должности часы, священный храмъ природы и ты, котораго званія и обязанности заставляютъ часто обращаться въ большемъ кругу людей, дабы научиться тамъ ходить въ счастливой срединѣ между грубостію и чрезмѣрною утонченностію. Тамъ явственнѣе услышишь ты Божественный гласъ, который часто шумъ страстей твоихъ не позволяетъ тебѣ слышать внутрь себя. Про-

стое величіе вселенной, сей порядокъ, въ которомъ все разкрывается, сіе постоянство, по которому каждый законъ остается неизмѣннымъ и каждая сотворенная вещь достигаетъ своего назначенія, напомнятъ тебѣ, сколь далеко уклонился ты отъ своего назначенія. — Тамъ великій свѣтъ дня и мракъ ночи постоянно соблюдаютъ свою череду; они текутъ свободно, и впрочемъ ни на одну черту не отступаютъ отъ пути своего. Тамъ времена года идутъ не медленнѣе и не быстрѣе, какъ человѣкъ замѣчалъ это отъ начала творенія. Тамъ поселянинъ обрабатываетъ свою ниву, и надежда, что сѣвъ и жатва, мразъ и зной, лѣто и зима не пресекутся, никогда не обманываетъ его. Тамъ каждая тварь занимаетъ свое мѣсто и стремится къ своему назначенію, стремится быть тѣмъ, къ чему она всемогущимъ гласомъ Творца возвана изъ ничтожества. Ахъ! Одинъ только человѣкъ не соотвѣтствуетъ своему назначенію; человѣкъ только можетъ уклоняться, и уже уклонился отъ своей собственной природы! Почему чѣмъ болѣе угрожаетъ тебѣ развратный обычай вѣка, чѣмъ боль-

тая предлежитъ тебѣ опасность, уклониться съ пути естественности; тѣмъ болѣе старайся подражать природѣ, тѣмъ покорнѣе слѣдуй благодѣтельному ея руководству.

II.

И сколь охотно должны мы сіе дѣлать, когда она же есть для насъ и наилучшее средство къ самособранію и отдохновенію.

Кто можетъ выдержать постоянное напряженіе силъ душевныхъ и тѣлесныхъ? И природа требуетъ также своей субботы для возобновленія силъ своихъ. Окружающее насъ твореніе въ зимней тишинѣ покоится, и весною съ новою силою начинаетъ свое дѣло. По сему и Господь назначилъ для человѣка одинъ день въ недѣлѣ для покоя. По сему и въ каждый день, прежде нежели ночный покой приметъ насъ въ свои обьятія, наступаетъ сладостный вечеръ, и утомленному трудолюбцу, долженствующему хлѣбъ свой вкушать въ горячемъ потѣ, подаетъ случай успокоиться, и такимъ образомъ въ перемѣнѣ труда и оживленія обрѣ-

тать наслажденіе, котораго тщетно ищетъ празднолюбецъ.

Но гдѣ мы ищемъ своего успокоенія? Я не осуждаю никого, кто ищетъ своего покоя тамъ, куда влечетъ его собственная склонность, доколѣ токмо склонность сія остается невинною. Но не могу умолчать того, что пути къ покою часто очень мало соотвѣтствуютъ своему имени; что они часто бываютъ путями ложными, съ которыхъ ищущій оживленія возвращается только съ раскаяніемъ и досадою; что они часто, вмѣсто укрѣпленія душевныхъ и тѣлесныхъ силъ, требуютъ только новой жертвы, новыхъ напряженій, и наконецъ, какъ ядовитые плоды, причиняютъ смерть неблагоразумному искателю наслажденій. Ахъ! Сколь многое изъ того, что міръ называетъ удовольствіемъ, есть такое опьяненіе, которое необходимо влечетъ за собою разслабленіе, безпорядокъ и множество другихъ золъ!

Гдѣ Іисусъ Христосъ по трудахъ и дневномъ зноѣ искалъ своего успокоенія? Не только между благородными друзьями, въ

домѣ Петра или Лазаря, но часто также и тамъ, куда онъ возвращался, по насыщеніи пяти тысячь мужей. И естьли мы представимъ себѣ не только пріятность той страны, въ которой млеко и медъ протекали, и гдѣ ночи теплы и прекрасны, но также и то, что Іисусъ Христосъ былъ единственный въ своемъ родѣ, что самыми своими послѣдователями не всегда былъ понимаемъ, что при Его величіи самые ученики Его не могли быть для Него тѣмъ, чѣмъ обыкновенно бываетъ для насъ другъ: о, тогда вы поймете, для чего онъ такъ охотно удалялся отъ шума людскаго въ уединенную тишину горъ и долинъ. Іисусъ Христосъ не былъ пустынникомъ; впрочемъ три послѣдніе Его года состояли въ постоянной перемѣнѣ обращенія Его съ людьми и пребыванія въ отверзстомъ храмѣ природы. На Святой горѣ, гдѣ Онъ своею проповѣдію положилъ начало учительскому своему званію; на Ѳаворѣ, гдѣ Онъ прославился; на морѣ, по берегамъ коего народъ искалъ Его, и гдѣ Онъ по своемъ воскресеніи явился Апостоламъ; на масличной горѣ, гдѣ Онъ наконецъ съ торжествомъ оставилъ

землю: о, сколь благодѣтельна могла быть здѣсь для Него тишина, въ которой Онъ могъ успокоиться отъ сильныхъ напряженій, отъ столь многоразличныхъ болѣзней и скорбей о заблуждающемъ человѣчествѣ!

Да будетъ въ семъ смыслѣ природа и для насъ драгоцѣнною. Конечно тебя, который весною, лѣтомъ и осенью трудами рукъ своихъ стараешься доставить землѣ плодородіе, тебя приглашаетъ она преимущественно къ труду. По сему не будь слѣпъ для ея пріятностей, не будь глухъ къ ея радостному гласу. Разсматривай оную не окомъ своекорыстія, но учись находить безкорыстное удовольствіе въ созерцаніи чудныхъ ея дѣйствій. Учись подражать птицѣ, которая хотя ищетъ питательнаго зерна на твоей нивѣ, но въ тоже время поетъ радостную пѣснь своему Творцу, и, будучи довольна настоящимъ, и не заботясь о будущемъ, не представляетъ себѣ печальныхъ дней зимнихъ. По крайней мѣрѣ, не должно ли возбудиться въ тебѣ благодарное чувство къ Творцу своему тогда, ког-

да ты видишь сѣмена свои восходящими, и свои класы цвѣтущими и созрѣвающими?

III.

Природа по разуму Іисуса Христа должна быть для насъ зерцаломъ царства Божія.

Почти всѣ мудрецы древности такимъ образомъ употребляли природу. Они не только нѣкоторое свое ученіе на ней основывали, но часто и самую одежду для него изъ нея же заимствовали. Ибо духъ и природа, произходя изъ одного источника— Зиждителева слова, въ столь тѣсномъ находятся сродствѣ между собою, что духъ внутренніе свои законы усматриваетъ въ природѣ, и природа дѣлается для духа образомъ невидимой и сокровенной его жизни. Могъ ли же Іисусъ Христосъ, при своемъ благоволеніи къ величественному Божію творенію, не употреблять оной покровомъ высокаго, Ему одному свойственнаго ученія о царствѣ Божіемъ?

Онъ хочетъ показать ученикамъ своимъ,

почему Его слово не вездѣ приноситъ плодъ,— и для сего избираетъ притчу о сухой, каменистой, тернистой и доброй землѣ. Онъ хочетъ объяснить происхожденіе зла въ Его царствѣ, и для сего повѣствуетъ о врагѣ, который, во время сна человѣческаго, всѣвалъ среди пшеницы плевелы. Онъ хочетъ оправдать снисхожденіе, по которому Онъ терпитъ и слабыхъ между своими учениками,— и указываетъ на рыболововъ, которые, уже по совершеніи своей ловли, обыкновенно отдѣляютъ безполезное отъ нужнаго. Въ одномъ мѣстѣ Онъ сравниваетъ Себя съ солнцемъ, которое должно освѣщать всю землю: *Я свѣтъ міру: кто послѣдуетъ Мнѣ; тотъ не будетъ ходить во тьмѣ, но будетъ имѣть свѣтъ жизни.* Въ другомъ возрастъ своей Церкви уподобляетъ возрастанію горчичнаго зерна: *Царствіе небесное подобно зерну горчичному, которое взявъ человѣкъ посѣялъ на полѣ своемъ, которое хотя меньше всѣхъ сѣменъ; но когда выраститъ, бываетъ больше всѣхъ произрастѣній, и становится деревомъ; такъ что птицы небесныя прилетаютъ, и укрываются въ вѣтвяхъ его.*

*

Божественное долготерпѣніе Онъ сравниваетъ съ вертоградаремъ, который на требованіе, срубить смоковницу, неприносящую плода, отвѣтствуетъ: *Господинъ! оставь ее и на этотъ годъ, пока я окопаю ее, и обложу навозомъ; и ежели принесетъ плодъ, то хорошо; естьли же нѣтъ, то послѣ срубишь ее.* Также проходя мимо винограднаго сада въ Геѳсиманію для совершенія послѣдней вечери, Онъ не могъ представить очевиднѣе необходимости нашего съ Нимъ единенія и сущности онаго, какъ чрезъ прекрасную, многознаменательную и глубокомысленную притчу о виноградной лозѣ и ея вѣтвяхъ: *Я есмь лоза, а вы вѣтви: кто пребываетъ во Мнѣ, и Я въ немъ; тотъ много приноситъ плода: ибо безъ Меня не можете дѣлать ничего.* Такъ наконецъ свое и своихъ праведниковъ прославленіе Онъ изображаетъ чрезъ пшеничное зерно: *Истинно, истинно говорю вамъ: естьли пшеничное зерно, падши въ землю, не умретъ, то останется одно; а естьли умретъ, то принесетъ много плода.*

Такъ часто облекалъ Іисусъ Христосъ свое ученіе въ явленія природы, и отъ сего произошли притчи, которыя, понятны будучи для дитяти, никогда не могутъ быть совершенно истолкованы самымъ великимъ мудрецомъ, и которыя, сколько бы часто мы ихъ ни разсматривали, всякій разъ открываютъ намъ въ себѣ нѣчто новое. Это суть священныя черты, снятыя съ природы, которыя тоже значатъ для Новаго Завѣта, что Псалмы для Ветхаго.

Въ семъ разумѣ примиримся и мы съ тварію. Будемъ внимать тому гласу, который хочетъ возвратить духъ нашъ въ собственную глубину его. Тогда многое будетъ для насъ важнымъ, на что донынѣ мы съ хладнокровіемъ взирали. Тогда муравей будетъ для насъ побудителемъ къ трудолюбію, и весна предвѣстницею будущей новой жизни; тогда малѣйшій листокъ на деревѣ будетъ листомъ книги, изъ которой мы ежедневно можемъ что-либо читать, что-либо выучивать и прилагать къ собственному сердцу.

IV.

Природа должна быть для насъ провозвѣстницею величества Божія.

На что указалъ Іисусъ, когда хотѣлъ напомнить людямъ объ Отеческомъ Божіемъ промыслѣ? На птицъ небесныхъ, на лиліи полевыя: *Взгляните на птицъ небесныхъ,* говоритъ Онъ: *онѣ ни сѣютъ, ни жнутъ, ни собираютъ въ житницы; и Отецъ вашъ небесный питаетъ ихъ. Не гораздо ли вы лучше ихъ?—Посмотрите на полевыя лиліи, какъ онѣ растутъ? Не трудятся, ни прядутъ. Но Я вамъ говорю, что и Соломонъ во всей славѣ своей такъ не одѣвался, какъ всякая изъ нихъ.— Богъ никогда не переставалъ свидѣтельствовать о Себѣ благодѣяніями,* говоритъ Апостолъ въ языческомъ городѣ, Листрѣ, *посылая намъ съ неба дожди и времена плодотворныя, подавая намъ пищу и исполняя сердца наши веселіемъ.* Онъ же говоритъ, что Богъ открывается естественному человѣку чрезъ природу, такъ что невидимое Его, то есть, вѣчная сила и Божество, дѣлается види-

мымъ въ дѣлахъ Его, то есть, въ сотворенiи мiра.

Такъ, сотворенный мiръ есть ясный, никогда неумолкающiй проповѣдникъ Божества, Его невидимыхъ свойствъ и силъ. Онъ открываетъ намъ то, чему вѣрить научаетъ насъ слово Божiе. Вопроси законы природы, которые пребываютъ неизмѣнными, тогда какъ прочее стоитъ и падаетъ, цвѣтетъ и увядаетъ, не возгласятъ ли они тебѣ: „Мы изображенiе Того, который никогда не измѣняется, который никогда не былъ юнымъ и никогда не состарѣетъ, который въ одинаковомъ остается покоѣ и блаженствѣ, тогда какъ на землѣ день и ночь, свѣтъ и тѣнь измѣняются. И хотя нѣкогда обетшаютъ, измѣнятся и, подобно одеждѣ, раздерутся небеса, но Господь времени не премѣненъ; Его лѣта не имѣютъ конца.“ Вопроси стихiи въ ихъ неукротимой силѣ, бурю, молнiю, облака, море; иди подъ звѣзднымъ небомъ, и когда ты увидишь пламенѣющими надъ собою безчисленныя обиталища, которыя столь же прекрасны и блистательны, какъ блистали онѣ надъ раемъ первосозданнаго, и надъ Тѣмъ,

кто долженъ былъ насадить вторый рай для человѣчества,— не возгласятъ ли онѣ тебѣ: „Великъ Господь! Для Него нѣтъ невозможнаго. Онъ изрекаетъ,—и существуетъ, повелѣваетъ—и является. Повергнись предъ Нимъ сынъ земли, и устремись къ Нему питомецъ неба! Вопроси малѣйшій ростокъ, зародышь сѣменнаго зерна, песчинку на берегу, каплю въ морѣ, червя во прахѣ; обрати вниманіе на искусственное строеніе и гармоническое разпоряженіе всѣхъ тварей; не воспоютъ ли онѣ общимъ хоромъ:„ О глубина богатства, премудрости и вѣдѣнія Божія! Кто зналъ мысль Господню, или кто былъ Ему совѣтникомъ? Господи! Какъ велики и многочисленны дѣла Твои! Ты всѣ оныя премудро устроилъ, и земля исполнена благъ Твоихъ.“ И къ чему сіе всемогущество въ Его дѣлахъ, къ чему сія безконечная мудрость въ ихъ управленіи? Не существуетъ ли любовь, для коей онѣ служатъ? О человѣкъ! Вопроси жаворонка, когда онъ поетъ благодарственную пѣснь свою; вопроси жужжащаго комара при солнечномъ сіяніи, не однимъ ли они Богомъ и Отцемъ человѣковъ напитаны, напоены и обрадо-

ваны? Не называютъ ли и они Его также своимъ Отцемъ? Не повторяютъ ли они тебѣ Евангельскаго ученія, что Богъ есть любовь?

Такъ, Богъ есть любовь, и любовь безконечная! Ея предѣлы суть предѣлы вселенной; Она объемлетъ всѣ міры, и нѣтъ радости, удовольствія и блаженства, которымъ не льзя было бы наслаждаться въ неизмѣримомъ Ея царствѣ! Но почтожъ наше сердце все еще любитъ суету, еще обращено къ беззаконію? О Любовь безконечная! Обрати его къ Себѣ,—и оно обратится.—

III.

ОПАСНО ШУТИТЬ ГРѢХОМЪ.

„Конечно, это не совсѣмъ справедливо; этого не должно бы дѣлать: однако это не вредитъ ни мнѣ, ни другому; для чего же отказывать себѣ въ небольшомъ удовольствіи?“

Такъ думаютъ многіе, когда прельщаются какою-либо похотію; хотя и чувствуютъ въ тоже время, что здѣсь находится нѣчто соблазнительное и оскорбительное для нѣжной совѣсти. Они не желаютъ быть грѣшниками; однако позволяютъ себѣ насладиться удовольствіемъ, котораго ожидаютъ отъ вкушенія запрещеннаго плода. Они надѣются успокоить свою совѣсть, удостовѣрившись, что вредъ, долженствующій произойти отъ непозволеннаго поступка, весьма малозначителенъ.

Одинъ считаетъ маловажностію, взять лихву съ богатаго. „Я бы стыдился, говоритъ онъ къ своему оправданію, я бы сты-

дился обидѣть бѣднаго; онъ ближній мой; неправедно нажитое скоро погибаетъ. Я лучше уступлю ему свое; это будетъ милостыня; это будетъ заслуга предъ Богомъ. Но съ достаточнаго богатаго человѣка взять болѣе, нежели сколько надобно, имѣть корысть на счетъ его убытка, хотя въ строгомъ смыслѣ и несправедливо, однако не можетъ быть поставлено мнѣ въ грѣхъ. Вредъ, происходящій отъ того, для него едва примѣтенъ; а выгода для меня велика. Онъ можетъ дать отъ своего избытка."

Другой согласенъ также, что справедливость есть наилучшее украшеніе честнаго человѣка; но думаетъ, что небольшое самохвальство простительно. „Таковая ложь никому не причиняетъ вреда — говоритъ онъ, но она можетъ быть мнѣ полезна. Свѣтъ желаетъ быть обманываемымъ; кто самъ себя не почитаетъ, того не почитаетъ никто. Надобно выказывать нѣсколько свое званіе, иначе не будешь знатенъ."

Такъ во всякомъ случаѣ человѣкъ находитъ себѣ извиненіе въ томъ, что считаетъ

хотя несправедливымъ, однако въ извѣстныхъ обстоятельствахъ весьма позволительнымъ; какъ будто бы несправедливое и порочное дѣло могло когда-либо быть справедливымъ и добродѣтельнымъ.

Но изъ чего узнаемъ мы справедливость и Богоугодность нашихъ дѣлъ? Польза ли и вредъ, выгода и убытокъ, или совѣсть наша служитъ вѣрнѣйшимъ камнемъ испытанія честности?

Ты считаешь позволеннымъ то, что никому не наноситъ вреда. Есть поступки, которые въ гражданской жизни не запрещаются законами по тому, что они мало причиняютъ вреда; гражданскіе законы назначаютъ наказаніе только за грубѣйшіе проступки. Но можетъ ли совѣсть твоя одобрять все то, что въ гражданской жизни остается безъ наказанія? Должны ли мы, какъ Христіане, какъ чада Божіи, дѣлать добро по тому только, что оно приноситъ пользу; должны ли избѣгать зла по тому только, что оно сопряжено съ опасностію для насъ и для другихъ? — Нѣтъ,

добродѣтель остается добродѣтелію, хотя бы она подвергала насъ гоненіямъ; порокъ достоинъ проклятія, хотя бы онъ возводилъ насъ на высоту почестей, хотя бы доставлялъ намъ несмѣтныя сокровища.

Но кто порукою тебѣ, что несправедливость, которую ты себѣ позволяешь, останется безъ худыхъ послѣдствій? Проникаетъ ли умъ твой въ необозримыя связи будущаго съ настоящимъ? Открыто ли предъ тобою человѣческое сердце; видишь ли ты, что производитъ въ немъ неправедное дѣло, ложное слово? — Какъ можетъ изъ зла родиться добро? Когда терніе и волчцы приносили сладкіе плоды?

Все, что неправедно, никогда не можетъ низвести благословенія; и удовольствіе, проистекающее изъ грѣха, какъ бы простительнымъ оно ни казалось, рано или поздо обращается въ погибель. Опасно шутить грѣхомъ; но, увы! какъ часто, какъ легкомысленно и своевольно мы имъ шутимъ, — какъ часто играемъ мы на краю гибельной про-

пасти, подобно дѣтямъ, которыя для одного цвѣтка лишаются жизни!

Шутитъ грѣхомъ тотъ, кто хотя намѣревается избѣгать его, но желаетъ наслаждаться удовольствіемъ, которое, по видимому, проистекаетъ изъ запрещеннаго дѣла. — Ты гнушаешься пьянствомъ; однако провести иногда веселый день въ кругу искреннихъ друзей, оглушить чувства крѣпкими напитками, и предаться необузданной радости, не почитаешь опаснымъ. Но въ семъ безчувственномъ состояніи былъ ли ты всегда властелиномъ твоего языка? Не имѣлъ ли ты послѣ причины стыдиться своихъ приближенныхъ и самаго себя? — Ты ужасаешься прелюбодѣянія и сластолюбія, душа твоя не осквернена студодѣйствомъ; однако не почитаешь опаснымъ, заключить тѣсную дружбу съ лицемъ другаго пола. Прекраснымъ кажется тебѣ союзъ душъ, въ который низкія побужденія не имѣютъ никакого вліянія. Ты намѣренъ насладиться удовольствіемъ нѣжной дружбы, а не посрамленіемъ сего лица. Но какъ долго связи твои останутся безпорочными? Какія похо-

шѣнія, какія надежды можетъ воспламенить въ тебѣ одно неосторожное мгновеніе? Всегда ли ты господствуешь надъ твоими страстями? Ты играешь надъ пропастію; ты готовъ содѣлаться убійцею счастія, спокойствія и чести лица, котораго честію, спокойствіемъ и счастіемъ дорожишь нынѣ болѣе всего.

Шутитъ грѣхомъ тотъ, кто находитъ забаву въ такихъ поступкахъ другаго, которыхъ самъ и не одобряетъ, и не дѣлаетъ. — Ты ни въ какомъ обществѣ не выказываешь колкой остроты въ словахъ, не огорчаешь никого насмѣшками; однако находишь удовольствіе, слушая насмѣшки другаго. Но симъ ты одобряешь его поступокъ. — Ты никогда не поносишь подобныхъ себѣ человѣковъ; однако считаешь забавнымъ, когда другой разсѣеваетъ о нихъ что-нибудь злое или худое. Но твое любопытство, твое удивленіе, твоя усмѣшка, служитъ для другаго пищею злословія. — Ты столько благороденъ, что не разглашаешь ввѣренной тебѣ тайны; ты никогда не унизишь себя до того, чтобы содѣлаться презрѣннымъ измѣнникомъ: однако считаешь позво-

леннымъ, вывѣдывать тайну другаго. Но что лучше, быть самому измѣнникомъ, или сдѣлать другаго таковымъ? Велико ли различіе между тѣми двумя человѣками, изъ которыхъ одинъ похищаетъ, а другой скрываетъ и утаиваетъ чужую вещь?

Шутитъ грѣхомъ тотъ, кто, изъ угожденія недостойнымъ людямъ, выказываетъ себя злѣе, нежели каковъ въ самомъ дѣлѣ — Ты извиняешь себя въ несправедливости твоего поступка, говоря: „я не могъ противорѣчить; мнѣ неприлично было проповѣдывать добродѣтель; я долженъ былъ согласиться, дабы не сдѣлаться предметомъ посмѣянія.“ Но чувство твоей несправедливости остается съ тобою. Другіе стыдятся своихъ пороковъ, и притворяются быть лучшими, нежели каковы суть; а ты стыдишься твоей чистоты и невинности. Ахъ! то не довольно искренно любятъ, чего такъ легко стыдятся. Кто соглашается хотя на одну минуту уподобиться развращеннымъ людямъ, тотъ не столько далекъ отъ ихъ развращенія, какъ думаетъ. Добро-

дѣтель безъ бодрости и мужества близка къ паденію.

Шутитъ грѣхомъ, кто употребляетъ непозволенныя средства къ достиженію какого-либо добраго намѣренія. Кто обманываетъ богатаго, дабы облагодѣтельствовать бѣднаго; кто возмущаетъ подчиненныхъ, дабы наказать несправедливыхъ начальниковъ; кто похищаетъ чужое добро, дабы поддержать честь свою и своего семейства: тотъ не можетъ имѣть оправданія ни предъ Богомъ, ни предъ человѣками. Когда адскія дѣла заслуживали блаженство доброй совѣсти? Когда путь развращенія приводилъ къ небу? И однако, въ безчисленныхъ случаяхъ обыкновенной жизни, человѣкъ весьма легкомысленъ быть можетъ въ выборѣ средствъ своихъ, естьли только умѣетъ извиняться какою-либо любимою цѣлію.

Но невозможно изчислить всѣхъ случаевъ, въ которыхъ смертный дерзко шутитъ грѣхомъ, въ которыхъ онъ желаетъ наслаждаться удовольствіемъ грѣха, и однако надѣется избѣжать самаго грѣха! О перестаньте

заблуждаться! Вы думаете, что шутите геенною, а она шутит вами. Никто не успокоивайся той мыслію, что онъ знаетъ дѣло свое; что онъ никогда не дойдетъ до крайности; что его шутка никогда не обратится въ важное дѣло. *Кто думаетъ, что онъ стоитъ, берегись, чтобы не упасть*, говоритъ Святое Писаніе. 1 Кор. 10, 12. Вотъ мудрѣйшее правило жизни для всякаго, кто неоскверненное достоинство свое почитаетъ священнѣйшимъ благомъ! Хотя часто поступокъ, который только *близокъ* къ неправедности, можетъ быть весьма неваженъ; но поступокъ, о неправедности котораго говоритъ внутреннее чувство наше, не можетъ уже быть неваженъ. Запрещеніе, которое мы нарушаемъ, какъ бы оно маловажно ни было, остается *запрещеніемъ*; проступокъ, который мы легко прощаемъ себѣ, какъ бы онъ малозначителенъ ни былъ, есть всегда *проступокъ*.

Особенно должны мы остерегаться, почитать за малый грѣхъ то, что имѣетъ малыя послѣдствія, или, по видимому, совсѣмъ

не имѣетъ ихъ. Согрѣшеніе не столько состоитъ въ совершаемомъ нами наружномъ дѣлѣ, сколько въ мысли, съ которою совершаемъ оное. Великость вины нашей не столько состоитъ въ великости и гнусности наружнаго преступленія, которое судить можетъ мірской судія, сколько въ виновности нашихъ намѣреній. Человѣкъ, по неосторожности отнимающій жизнь у того, которому обязанъ своею собственною, есть отцеубійца; но человѣкъ, который въ сердцѣ желаетъ зла своимъ родителямъ, отвратительнѣе онаго неосторожнаго убійцы. Лишенная цѣломудрія бываетъ предметомъ всеобщаго сожалѣнія или презрѣнія; но сколько такихъ, которыя строго сохраняютъ наружное благоприличіе, а въ мысляхъ совершаютъ большую срамоту, нежели оная, лишенная цѣломудрія! Грѣхъ состоитъ не столько въ томъ, *что* дѣлаемъ, сколько въ томъ, *какъ* дѣлаемъ. Нечистое желаніе, тайное проклятіе, сокрытая зависть, хотя и безъ наружныхъ послѣдствій, можетъ быть столько же великимъ грѣхомъ, сколько и наружно совершаемое преступленіе.

*

Опасно шутить грѣхомъ, хотя несправедливость, которую дѣлаемъ, малозначуща въ первыхъ послѣдствiяхъ своихъ. Пусть сѣмя ядовитой травы будетъ такъ мало, какъ пылинка, видимая при солнечномъ сiянiи; но, будучи посѣяно, оно прозябнетъ, возраститъ и расплодится. Мы должны избѣгать и самыхъ маловажныхъ шутокъ, въ которыхъ совѣсть наша находитъ что-либо неодобрительное; онѣ угрожаютъ опасностiю. Какъ часто, на примѣръ, случается, что забавляются юными дѣтьми, когда онѣ подражаютъ шалостямъ взрослыхъ, не зная сами того, что дѣлаютъ. Что служитъ забавою для взрослыхъ, то вскорѣ становится важностiю для дѣтей. Когда улыбаемся суетности несовершеннолѣтняго, который занимается своимъ убранствомъ, или съ восхищенiемъ разсматриваетъ себя въ зеркалѣ, или гордо смотритъ на подобныхъ себѣ, хуже его одѣтыхъ; то совѣсть говоритъ каждому, что сiя улыбка не у мѣста. Кто ее прощаетъ себѣ, тотъ въ мягкомъ сердцѣ несовершеннолѣтняго сѣетъ сѣмя суетности и гордости. Простительно, кажется, обращать въ шутку ложь дитяти,

посредствомъ которой оно избѣгаетъ замѣшательства; хотя внутреннее чувство говоритъ, что неправедное одобреніе само есть неправедность. Но шутка твоя становится смертію невинности; ты поддерживаешь и питаешь возникающій порокъ.

Опасно шутить грѣхомъ, ибо трудно усмотрѣть во всякое время границу между позволеннымъ и непозволеннымъ. Удовольствіе, само по себѣ невинное, можетъ вредить потому только, что оно отъ частаго повторенія обращается въ необходимость, потомъ въ привычку, наконецъ въ страсть, противъ которой не сильны уже никакія убѣжденія разума. Долго обольщаетъ себя человѣкъ, хотя внутренній стражъ вопіетъ ему, что въ семъ удовольствіи скрывается опасность. Долго утѣшаетъ онъ себя тѣмъ, что сіе удовольствіе есть невинно, и что въ случаѣ нужды онъ можетъ отказаться отъ него. Онъ утѣшается, онъ шутитъ развращеніемъ своимъ до того, что сила возрастшей страсти погубляетъ въ немъ спокойствіе духа и здравіе тѣла. Никто не почитай себя столь

сильнымъ, чтобы могъ противостать всякому искушенію. Для всякаго смертнаго ударяетъ часъ искушенія. По сему, *кто думаетъ, что онъ стоитъ, берегись, чтобы не упасть.*

Опасность шутить непозволеннымъ состоитъ въ томъ, что *мы глубоко носимъ въ себѣ склонность къ преступленію, какъ скоро находимъ случай приближиться къ непозволенному.* Грѣхъ еще, можетъ быть, не совершенъ, еще мы отвращаемся его; между тѣмъ какъ онъ уже опуталъ насъ невидимою сѣтію. Играющій комаръ ближе и ближе кружится около горящей свѣчи; наконецъ, какъ бы увлеченъ будучи, ввергается въ сожигающее пламя и погибаетъ. Кто добровольно подвергаетъ себя опасности грѣха, тотъ уже имѣетъ желаніе предаться ему. Естьли бы онъ съ важностію ненавидѣлъ преступленіе; то съ важностію убѣгалъ бы также и приближенія къ нему, то страшился бы даже возможности поползновенія. Похоть къ наслажденію, проистекающему изъ того, что запрещено, есть уже похоть къ самому хрѣху; но

смершные большею частію познающъ истину шогда шолько, когда уже не могушъ не сознашься въ ужасномъ бѣдствіи, которое прежде почишали невозможнымъ. По сему, *кто думаетъ, что онъ стоитъ, берегись, чтобы не упасть.*

И величайшій преступникъ былъ прежде невиненъ. Онъ началъ страшное поприще свое не ужасными дѣлами, отъ которыхъ содрогаешся человѣческое сердце, но полуневинными шушками, скоропреходящими замыслами, которыхъ несправедливости самъ онъ стыдился еще. Но пріятность наслажденія, доставляемаго несправедливостію, обольстила его; первое преступленіе его состояло въ томъ, что онъ простилъ себѣ самый маловажный поступокъ, который казался достойнымъ осужденія. Такимъ образомъ сдѣлался онъ совершеннымъ грѣшникомъ. Кто можетъ извинить себя въ первомъ несправедливомъ шагѣ, тотъ найдетъ оправданіе и для другаго; третій покажется ему уже безопаснымъ, четвертый даже славнымъ— тогда каждый слѣдующій шагъ будетъ уже необходимъ, неизбѣженъ, до

самой пропасти бѣдствія. Кто не обращаетъ вниманія на легкую пыль, покрывающую его одѣяніе; тотъ напослѣдокъ покрытъ будетъ нечистотою, не смотря на то, что каждая пылинка малозначительна сама по себѣ.

Опасно шутить грѣхомъ. Мы чувствуемъ сіе, Всесвятый Господи! мы чувствуемъ сіе; и однако, какъ часто—Ты знаешь, Всевѣдующій,—какъ часто забываемъ сами себя, какъ часто вводимъ себя въ искушеніе! Не Ты вводишь въ искушеніе къ злу, но человѣкъ вводитъ самъ себя, когда прельщается собственною похотію своею.

Такъ, истинно такъ! Нѣтъ ни одного грѣха, который былъ бы малъ; нѣтъ ни одной вины, которая была бы простительна. И самое малое пятно безчеститъ невинность. По сему станемъ неусыпно бодрствовать надъ собою, и удалять отъ сердца все, чего не одобряетъ совѣсть. Не станемъ прощать себѣ даже мысли непозволенной; и ежели она возникнетъ, то—сколько бы она ни была пріятна, хотя бы

не имѣла ни малѣйшаго вліянія въ наружные поступки—разсѣемъ ее. Не станемъ забавляться поступками другаго, которыхъ стыдимся въ себѣ самихъ. Посвятимъ себя истинѣ и правдѣ Господа, дабы въ каждое мгновеніе бытія нашего могли съ утѣшительною надеждою взирать къ Нему.

IV.

ДУХОВНАЯ ГОРДОСТЬ.

Невозможно безъ особеннаго движенія въ сердцѣ читать то, описанное въ Евангеліи, произшествіе, когда Книжники и Фарисеи привлекли во храмъ несчастную женщину, которая содѣлалась преступною въ прелюбодѣяніи. Іоан. 8, 2—11. Уличенная ревнителями закона, покрытая стыдомъ, выставленная на позоръ міру, и чувствующая въ душѣ вину свою, стояла она предъ Іисусомъ, какъ грѣшница предъ Святѣйшимъ! Она сугубо чувствовала предъ Нимъ свое недостоинство и свое отверженіе. Она не смѣла взглянуть; боялась встрѣтиться со взорами зложелательныхъ обвинителей, страшилась увидѣть лице небесной невинности и чистоты Іисуса.

Но Всевѣдущій взиралъ болѣе на то, что происходило въ сердцѣ торжествующихъ, коварныхъ обвинителей, нежели на то, что чувствовала въ сіи минуты грѣшница. *Моисей въ законѣ заповѣдалъ намъ, побивать*

таковыхъ каменями: *Ты что* на это *скажешь*? говорили Книжники и Фарисеи. Онъ не отвѣчалъ. Но когда они настоятельно стали спрашивать Его, то Онъ сказалъ имъ: *Кто изъ васъ безъ грѣха, пусть первый бросить на нее камень.*

Въ замѣшательствѣ и посрамленіи отступили они. Какъ глубоко унижена была ихъ духовная гордость! Кто могъ изъ нихъ осмѣлиться первый, бросить камень? Въ каждомъ изъ нихъ дыханіе сихъ божественныхъ словъ раздуло искру совѣсти въ яркое пламя. Они уклонились отъ Святаго, удалились даже и отъ обвиненной грѣшницы. Осталась несчастная одна, предъ судіею. Обвинители ея изчезли; сама она долженствовала быть обвинительницею своею; какого суда надлежало ожидать ей отъ Правосуднаго, коего приговора содрогнулись самые Книжники? *Никто не осудилъ тебя?* спросилъ ее Іисусъ. *Никто, Господи!* отвѣчала она съ глубокимъ смиреніемъ. *И Я тебя не осуждаю,* сказалъ Спаситель; *поди, и впредь не грѣши.*

Какъ трогателенъ сей примѣръ пощады и милости! Святѣйшій, который такъ много пострадалъ за наши злодѣянія, былъ одинъ милосердъ къ преступной. Кто имѣлъ большее право осуждать грѣшниковъ, какъ не Тотъ, который самъ никогда не согрѣшалъ? И однако Онъ былъ кротчайшимъ, снисходительнѣйшимъ изъ всѣхъ. *И Я тебя не осуждаю; поди, и впредь не грѣши.*

Кому я болѣе уподобляюсь въ ежедневныхъ сужденіяхъ моихъ? Христу, моему Учителю? или духовногордымъ Фарисеямъ? — И моя совѣсть палитъ меня; и я сознаюсь въ своей жестокости и безчеловѣчіи. И я сознаюсь, что часто не безъ самодовольствія осуждалъ другихъ, и безъ пощады говорилъ о ихъ проступкахъ.

Есть много Христіанъ, которые по всей справедливости имѣютъ доброе сердце, и склонны къ скромности и пощадѣ. Они исполнены любовію и вѣрностію къ своимъ друзьямъ и знакомымъ; они дышатъ великодушіемъ и миролюбіемъ даже къ врагамъ своимъ. Но когда услышатъ о проступкѣ

своего ближняго; объ ошибкѣ согражданина, то съ великою жестокостію охуждаютъ его. Они неистощимы въ укоризнахъ; они не могутъ понять, какъ можно столько забыться, какъ можно допустить себя до такого преступленія. При всякомъ новомъ случаѣ они съ удовольствіемъ возобновляютъ разговоръ о проступкѣ другаго; всегда умѣютъ сдѣлать новое замѣчаніе, прибавить новое подозрѣніе. Они охотно слушаютъ, когда другіе соглашаются съ колкостію ихъ охужденія; охотно слушаютъ, когда съ большею подробностію описываютъ ихъ образъ проступка; и тогда новыя открытія разсматриваютъ съ новою язвительностію, и сообщаютъ оныя другимъ, которые могли еще не знать ихъ.

Откуда же сія наклонность многихъ, впрочемъ добрыхъ людей, такъ охотно заниматься погрѣшностями и проступками своего ближняго? Откуда сія наклонность, такъ строго и немилосердо осуждать заблужденія другихъ? Откуда сія наклонность, которая у невоспитанныхъ и пустословныхъ

людей не рѣдко превращается въ коварное злословіе?

Ахъ, она имѣетъ многіе источники! И зависть радуется, когда въ предметѣ, которому завидуетъ, можетъ примѣтить и потомъ разгласить какое-либо несовершенство. И мстительность восхищается, когда въ ненавидимомъ лицѣ усматриваетъ что-либо предосудительное, надъ чѣмъ посмѣяться, и на что подъ видомъ любви къ истинѣ и справедливости гнѣвъ свой излить можетъ. Но сія наклонность къ жестокимъ сужденіямъ о проступкахъ господствуетъ и надъ такими людьми, которые не имѣютъ ни зависти, ни злости, ни мстительности. Она проистекаетъ болѣе всего изъ *духовной гордости*, то есть, изъ той мысли, по которой считаютъ себя лучше другихъ охуждаемыхъ людей.

Опытъ весьма часто доказываетъ, что мы, желая казаться лучшими, нежели каковы въ самомъ дѣлѣ, немилосердо осуждаемъ въ другихъ тѣ самые проступки, въ которыхъ чувствуемъ самихъ себя виновными —

немилосердо осуждаемъ, можетъ быть, по тому, что низкость сихъ проступковъ знаемъ лучше, нежели все другое, и строгостію нашего охужденія стараемся предостеречь отъ нихъ; или, можетъ быть, и по тому, что, осуждая съ жестокостію и безъ пощады, мы надѣемся удалить отъ себя подозрѣніе, что и мы заслуживаемъ такое же осужденіе.

Дѣйствительно, кто снискалъ нѣкоторую опытность и познаніе людей, и слышитъ сужденія о чужихъ проступкахъ, тотъ по горячности осуждающихъ узнать можетъ, что они сами виновны уже были въ такомъ же проступкѣ, или готовы были совершить оный, но удержаны какимъ нибудь препятствіемъ, или что они и теперь еще чувствуютъ себя не совсѣмъ чистыми. Въ семъ случаѣ хулитель становится вмѣстѣ и лицемѣромъ. Онъ принимаетъ на себя видъ невинности, которая чужда его сердцу. Онъ столько же достоинъ порицанія, сколько и тотъ, кого онъ порицаетъ. Осуждая своего ближняго, онъ произноситъ судъ и надъ самимъ собою.

Но отвратимъ очи наши отъ сихъ лицемѣровъ! Они лишены даже и того чувства стыда, какое имѣли Фарисеи. Сіи отступили въ великомъ замѣшательствѣ, когда слова Іисуса коснулись ихъ сердца. Но лицемѣры безстыдно подняли бы камень, и повергли бы оный на грѣшницу, хотя бы и сами виновны были въ такомъ же преступленіи.

Другіе напротивъ того строго осуждаютъ проступки и погрѣшности ближняго, когда увѣрены, что сами не подлежатъ никакой укоризнѣ. Это есть истинная духовная гордость. Здѣсь каждая буква произнесеннаго порицанія говоритъ: *Боже! благодарю Тебя, что я не таковъ, какъ прочіе человѣки.* Лук. 18, 11. Это есть надменная радость о томъ, что мы лучше другихъ. Въ семъ пріятномъ чувствѣ гордости мы забываемъ, что, можетъ быть, въ другихъ случаяхъ мы сами мыслимъ и поступаемъ гораздо виновнѣе; что естьли бы обнаружились наши тайныя мысли, естьли бы открылись наши неизвѣстные поступки: то мы отъ стыда не смѣли бы взглянуть на міръ, почувство-

вали бы себя недостойными стоять на ряду съ тѣмъ, кого такъ безжалостно осуждаемъ.

Постыдно имѣть такую духовную гордость, такое высокомѣрное мнѣніе о своемъ достоинствѣ. — Всевѣдущему Богу извѣстно, какъ мало имѣемъ мы права, превозноситься предъ кѣмъ-либо виновнымъ; и какъ много должны бы мы трепетать, естьли бы судимы были съ такою же строгостію, съ какою осуждаемъ другихъ!

Весьма часто также происходитъ сія гордость отъ недостатка познанія свѣта и людей. Такъ мы часто удивляемся, какимъ образомъ человѣкъ столько высокаго званія могъ допустить себя до такого проступка; потому что недовольно знаемъ обстоятельства, побудившія его къ сему. Мы воображаемъ, что никогда не учинили бы подобнаго проступка; потому что никогда еще не находились въ подобномъ положеніи.

Но мы судили бы о другихъ гораздо съ большею пощадою, естьли бы при видѣ ихъ

проступка спрашивали себя прежде: что привело его къ паденію? Какія несчастныя обстоятельства помрачили его честь, справедливость и добродѣтель? Могли ли бы и мы быть менѣе слабы, естьлибъ были на его мѣстѣ, и естьли бы искушеніе съ такою же силою возстало на насъ?

Богъ даетъ всѣмъ намъ прекрасныя расположенія ко всему доброму; но мы имѣемъ сильную наклонность къ злу. Сіи расположенія и наклонности не во всякое время равно живы. Онѣ, кажется, измѣняются въ каждомъ возрастѣ; однѣ изъ нихъ становятся слабѣе, а другія усиливаются. Многія находятся, такъ сказать, въ усыпленіи, пока при особенныхъ обстоятельствахъ мгновенно пробуждаются. По сему никто не долженъ превозноситься своею добродѣтелію, которая никогда еще не была подвержена искушенію. Никто не долженъ думать, что онъ не можетъ погрѣшить подобно другому, пока онъ самъ не находился въ подобныхъ обстоятельствахъ, пока не испыталъ подобныхъ искушеній.

Благонравная мать семейства! не подымай первая камня, дабы бросить его на падшую грѣшницу! Благо тебѣ! лучшее воспитаніе предохранило тебя отъ подобнаго проступка; можетъ быть, никакой соблазнитель не воспользовался твоею слабостію въ ту минуту, въ которую ты могла поколебаться; можетъ быть, ты, къ твоему счастію, всегда окружена была такими людьми, которые не оскверняли твоего воображенія нечистыми образами, не приводили твоихъ похотѣній въ безпорядочное движеніе, твоихъ побужденій въ дикое волненіе. Не осуждай безжалостно грѣшницы, которая содѣлалась добычею худыхъ правилъ, подлыхъ соблазнителей и юношескаго легкомыслія. Она виновна; но какъ велика вина ея, о томъ судить можетъ одинъ только Всевѣдущій.

Нѣжный другъ людей! не обвиняй человѣка, который въ опрометчивости и гнѣвѣ забылъ честь, справедливость и человѣчество, и причинилъ обиду ближнему. Не превозносись своею добродѣтелію, которая доказываетъ не столько силу души твоей,

сколько дарованное отъ природы мягкосердіе и счастливую тихость нрава. Ежели когда-либо болѣзнь содѣлаетъ тебя раздражительнѣе, склоннѣе къ нетерпѣливости, къ огорченію, къ гнѣву; ежели настанетъ часъ, возбуждающій твою вспыльчивость, и безмѣрность досады отвергнетъ всѣ представленія справедливости; ежели всякой случай будетъ побуждать тебя къ мщенію, и доставитъ способы къ удовлетворенію твоихъ чувствованій, — и ты устоишь въ своей кротости и снисходительности — тогда только восхищайся твоимъ торжествомъ. Но естьли ты находился когда-либо въ семъ положеніи, естьли выдержалъ столь трудную борьбу съ самимъ собою; то не станешь болѣе осуждать твоего брата, который въ такую опасную минуту былъ слабѣе тебя.

Веселый юноша, ты, который въ полной силѣ жизни твоей ищешь только наслажденія, и все прочее презираешь! не охуждай съ жестокостію престарѣлаго человѣка, который впалъ въ порокъ скупости. Не превозносись добродѣтелію, которой ты,

можетъ быть, не имѣлъ бы въ другихъ отношеніяхъ, и которой, можетъ быть, лишишься прежде позднихъ дней твоихъ. Когда настаютъ дни, напоминающіе тебѣ о бережливости, дабы не нуждаться въ пропитаніи во время безпомощной старости; когда сія бережливость и собираніе земнаго имущества съ начала радуетъ тебя, потомъ становится привычкою, и наконецъ угрожаетъ обратиться въ страсть; когда лѣта твои останавливаютъ въ тебѣ стремленіе къ другимъ наслажденіямъ, и наполняютъ заботливостію о будущемъ; когда тебя веселитъ только взоръ на то, что ты приобрѣлъ своею дѣятельностію и бережливостію; и при всемъ томъ, ты щедръ къ нуждающимся, безкорыстенъ къ согражданамъ, — тогда только ты имѣешь право радоваться твоею добродѣтелію. Но ты не станешь съ язвительною колкостію осуждать тѣхъ, которые не имѣли такой власти надъ собою, какъ ты.

И ты, старикъ! котораго кровь стала холоднѣе, чувство спокойнѣе, тѣло дряхлѣе, — не охуждай съ такими укоризнами

заблужденій и проступковъ юноши. Хотя ты испыталъ *много*, однако не *все*. Ты находился въ многоразличныхъ положеніяхъ и искушеніяхъ въ прежнія твои лѣта, но *не во всѣхъ*. Не осуждай пылающихъ въ жару страстей, потому что ты сталъ холоденъ; не осуждай легкомысленныхъ, потому что опытность сдѣлала тебя осторожнымъ. Не превозносись добродѣтелями, которыя, можетъ быть, не стоятъ тебѣ никакого усилія, никакой борьбы, но сутъ только дары твоего возраста. Строгость и жестокость твоего осужденія служитъ только доказательствомъ, что въ продолжительное теченіе жизни ты не приобрѣлъ ни опытности, ни познанія человѣческой природы. — Ахъ! никто не долженъ гордиться тѣмъ, что не сдѣлалъ нѣкоторыхъ грѣховъ, которыхъ онъ *не могъ* сдѣлать, по недостатку повода къ нимъ.

Чтобы удостовѣриться, что къ немилосердому осужденію чужихъ проступковъ болѣе побуждаетъ насъ духовная гордость, нежели истинное отвращеніе отъ грѣха, стоитъ только замѣтить, что мы обнару-

живаемъ нашу строгость болѣе при обыкновенныхъ проступкахъ, нежели при великихъ преступленіяхъ. — При послѣднихъ мы содрогаемся отъ ужаса. Мы чувствуемъ отвращеніе только отъ учиненнаго злодѣйства, — и болѣе ничего. Мы не сравниваемъ себя съ грѣшникомъ, не превозносимся предъ нимъ, не думаемъ, что мы лучше его. Нѣтъ, повѣсть о убійствѣ, о грабежѣ, о измѣнѣ государству, наполняетъ душу нашу ужасомъ. Мы сожалѣемъ о несчастномъ, котораго недостатокъ воспитанія, ложныя понятія или другія обстоятельства довели до такого злодѣянія. Мы не восхищаемся тѣмъ, что не подобны такому достойному смерти преступнику, но со вздохомъ и трепетомъ говоримъ: не дай Богъ, чтобы я когда-либо помыслилъ о такомъ преступленіи. Кто не имѣлъ такого чувства въ груди своей, когда видѣлъ преступника, ведомаго на мѣсто казни, или томимаго всю жизнь въ темницѣ?

И вотъ правильное чувствованіе, какое долженъ имѣть всякой истинный Христіанинъ! правильное, говорю, потому что оно

есть самое *естественное*, каковое только возбуждается въ безпристрастномъ сердцѣ. Здѣсь нѣтъ никакого притворства, никакого ласкательства самому себѣ, никакой духовной гордости, превозносящейся надъ другими.

Для чего не обладаетъ нами подобное чувство при сокрытыхъ проступкахъ? Для чего не сожалѣемъ о томъ, кто по несчастію впалъ въ погрѣшность? Для чего мы, вмѣсто сострадания къ виновному, чувствуемъ удовольствіе отъ того, что мы не сдѣлали подобнаго проступка, что намъ не могутъ сдѣлать подобной укоризны? Для чего намъ пріятно дѣлать предметомъ разговора проступокъ или заблужденіе нашего ближняго? Таково ли должно быть расположеніе истинно чистаго сердца? Таковъ ли долженъ быть плодъ Христіанской мысли? — О нѣтъ, это есть гордость, которая сама себя боготворитъ; это гордость, которую Іисусъ обличалъ въ Фарисеяхъ; это гордость, отъ которой Онъ предостерегалъ учениковъ своихъ!

Да бѣжитъ отъ насъ самолюбивая мысль, превозноситься надъ погрѣшающими сочеловѣками! Да поселится въ сердцѣ нашемъ небесное смиреніе, чистая кротость Божественнаго Учителя нашего Іисуса! Да поселится въ сердцѣ нашемъ тихое сострадание къ согрѣшающему, сей отпечатокъ, сіе наслѣдіе благочестивыхъ душъ, — не для того, чтобы всякаго виновнаго почитать недостойнымъ наказанія, или освобождать отъ законовъ гражданскаго управленія. Нѣтъ, кто содѣлался преступникомъ гражданскихъ постановленій, тотъ долженъ подлежать законному наказанію для защиты добра и для истребленія зла. Но ежели мы сами, по нашему званію, должны произнести надъ нимъ приговоръ казни; то ужели не можемъ пролить надъ несчастнымъ слезу сострадания, подобно какъ нѣжная мать съ горестію наказываетъ проступки непослушнаго дитяти? Власть наказываетъ за преступное дѣло, поколику оно наноситъ вредъ или опасность человѣческому обществу; но мысль, намѣреніе дѣла судитъ одинъ Богъ; одинъ Всевѣдущій судитъ подлинную великость вины въ сердцѣ человѣка; одинъ Онъ испыты-

ваетъ глубины его. Какъ дерзнемъ мы, частные люди, немилосердо осуждать того, кого Онъ, можетъ быть, прощаетъ? Какъ осмѣлимся за одинъ проступокъ отвергать того, кого Онъ, можетъ быть, милуетъ за другія добродѣтели?

И Я тебя не осуждаю, сказалъ Іисусъ грѣшницѣ. Такъ станемъ говорить и мы, когда увидимъ погрѣшность другаго. Станемъ бодрствовать надъ нашимъ сердцемъ, надъ нашими сужденіями о другихъ, дабы всегда съ чистою совѣстію могли молиться: *Прости намъ долги наши, какъ и мы прощаемъ должникамъ нашимъ.* Мат. 6, 12.

V.

ПРОСТОТА ВѢРЫ.

Весьма немного такихъ Христіанъ, которые, занимаясь благочестивыми предметами, или бесѣдуя въ кругу искреннихъ друзей о Религіи, имѣли бы въ мысли радостныя и *вѣчныя истины* болѣе, нежели *сокровенности вѣры*. Вѣра учениковъ Іисусовыхъ была весьма проста; вѣра первыхъ Христіанъ была также чрезвычайно проста, и доступна для самаго неученаго, для самаго дѣтскаго разума. Но въ наши времена распространилось то пагубное зло, что многіе охотнѣе занимаются темными и сокровенными предметами Религіи, нежели спасительнымъ ученіемъ, которое проповѣдалъ Іисусъ и Ученики Его. Чѣмъ болѣе они углубляются въ размышленіе о непостижимомъ; тѣмъ болѣе уклоняются отъ простоты вѣры; они выдумываютъ новыя догадки, новыя мнѣнія, новыя ученія. Таковые люди, смотря потому, что имѣютъ большія или меньшія познанія; смотря потому, что одарены веселымъ или скучнымъ

темпераментомъ; смотря потому, что имѣли случай собрать болѣе или менѣе опытовъ, имѣющихъ вліяніе на ихъ образъ мыслей, — впадаютъ совершенно въ противоположныя мнѣнія и заблужденія, которыя часто похищаютъ у нихъ душевное спокойствіе и довольство.

Многіе, предаваясь тонкимъ изысканіямъ и сомнѣніямъ, становятся наконецъ невѣждами во всѣхъ частяхъ, и, почитая себя весьма просвѣщенными, отвергаютъ все и ничему не вѣрятъ. Другіе, имѣющіе, можетъ быть, большую чувствительность и живѣйшую силу воображенія, охотнѣе занимаются темными предсказаніями ветхозавѣтныхъ Пророковъ, или прообразовательными предвѣщаніями откровенія Св. Іоанна, нежели предписаніями жизни и Вѣры, на которыя Христосъ указываетъ какъ на важнѣйшія для нашего блаженства. Они довольствуются тѣмъ, чтобы изчислять время пришествія Христова, или кончины міра. Они впадаютъ въ многоразличныя сумасбродства, и подобно какъ невѣріе вѣритъ весьма

мало, такъ они вѣрятъ весьма много, и отворяютъ врата суевѣрію.

Но конечно легче ломать голову надъ предметами Религіи, и выдумывать различныя догадки, нежели жить и поступать сообразно истинамъ Религіи Іисусовой. По сему-то гораздо болѣе находится Христіанъ, размышляющихъ объ откровеніяхъ Религіи, нежели Христіанъ дѣятельныхъ, святыхъ словомъ и дѣломъ. Но не первыхъ, а послѣднихъ называетъ Христосъ истинными учениками Своими. *Не всякой, говорящій Мнѣ: Господи! Господи! войдетъ въ царство небесное; но исполняющій волю Отца Моего, который на небесахъ.* Мат. 7, 21.

Опасно, — а особливо для мало образованныхъ Христіанъ, которые не имѣютъ нужныхъ предварительныхъ познаній, — предаваться безплоднымъ изысканіямъ въ дѣлахъ Религіи; но еще опаснѣе, когда они сами себя выдаютъ за учителей, и стараются вкоренять въ другихъ изобрѣтенныя ими мнѣнія.

Во всѣхъ вещахъ, въ которыхъ мы не имѣемъ надлежащаго познанія, или случая къ точнѣйшему изслѣдованію, намъ должно полагаться на познанія и изысканія тѣхъ людей, кои по званію своему совершенно посвятили себя извѣстному предмету. Мы полагаемся на правовѣдца въ изъясненіи закона; мы не сомнѣваемся въ положеніяхъ астрономовъ о движеніи небесныхъ тѣлъ; мы вѣримъ врачу, который судитъ о нашей болѣзни, и предписываетъ средства къ излѣченію: для чего же не имѣемъ подобной довѣренности къ тѣмъ, которые большую часть жизни своей посвятили изслѣдованію ученія Религіи? Они съ великимъ тщаніемъ проникали въ духъ древнихъ, неупотребительныхъ болѣе между народами языковъ, дабы священныя основанія Христіанства, книги Ветхаго и Новаго Завѣта, читать на тѣхъ языкахъ, на которыхъ онѣ намъ доставлены были. Они должны были узнавать судьбы, нравы и мнѣнія древнѣйшихъ народовъ, дабы чрезъ то уразумѣть смыслъ Священнаго Писанія. Они читали изъясненія древнихъ и новыхъ Учителей Церкви; читали различныя мнѣнія и споры, какія

только были послѣ временъ Іисуса и Учениковъ Его. — Кто, кромѣ сумасброднаго, возмечтаетъ быть основательнымъ толкователемъ Священнаго Писанія, не имѣя всѣхъ оныхъ необходимыхъ и многоразличныхъ предъуготовительныхъ познаній? Кто, кромѣ невѣжды, вздумаетъ быть лучшимъ наставникомъ и учителемъ, нежели тотъ, который по званію своему есть служитель Божественнаго слова, и кто всю жизнь свою посвятилъ на сіе занятіе?

И такъ, будемъ имѣть къ призваннымъ и мудрымъ служителямъ Религіи Іисусовой такую же довѣренность, какую мы имѣемъ къ врачу, къ звѣздочетцу, къ зодчему, къ художнику всякаго рода. Не станемъ увлекаться ложными мечтаніями, въ надеждѣ улучшенія нашего знанія. Правильность нашихъ представленій, простота нашей вѣры, а часто и миръ нашего духа дѣлается печальною жертвою сихъ самовольныхъ изысканій, къ которымъ не имѣемъ столь многихъ необходимыхъ пособій.

Невозможно, чтобы люди, не поставив-

тіе особенною своею цѣлію почерпать истины вѣры изъ Священнаго Писанія, не впадали въ вредныя заблужденія. Не зная языка, на которомъ оно первоначально написано, они читаютъ только переводы, кои суть дѣла смертныхъ, могущихъ легко ошибиться въ значеніи выраженій. По сему одни погрѣшности перевода могутъ ввергнуть ихъ въ заблужденія, которыя чужды Священному Писанію.

Книги Ветхаго и Новаго Завѣта написаны разными писателями, для разныхъ народовъ, съ разными цѣлями, и содержатъ въ себѣ главныя истины того, что необходимо въ Религіи для нашей вѣры и для нашего знанія.

Всегда ли мы можемъ совершенно ясно понимать какое нибудь старинное сочиненіе, которое за нѣсколько столѣтій прежде написано даже на отечественномъ языкѣ нашемъ? Какъ много остается въ семъ сочиненіи темныхъ мѣстъ, естьли мы не знаемъ нравовъ, обычаевъ и особенныхъ отношеній того времени! Тѣмъ несравненно

труднѣе долженъ быть для насъ смыслъ такихъ выраженій, которыя употребительны были за нѣсколько тысящелѣтій прежде; въ странахъ, которыя весьма отдаленны отъ нашихъ; между народами, которыхъ постановленія, понятія и учрежденія были весьма отличны отъ нашихъ. Въ Священныхъ книгахъ встрѣчаются намеки на такія положенія или вещи, которыя не существуютъ уже въ настоящее время; встрѣчаются эмблемматическія выраженія, которыя тогда каждому ясны были, но между новѣйшими народами совершенно исчезли. По сему, чтобы понимать Священное Писаніе въ полномъ совершенствѣ и во всѣхъ отношеніяхъ, должно сперва сдѣлаться какъ бы согражданиномъ оныхъ восточныхъ народовъ, между которыми оно написано было; должно знать ихъ законы, языкъ, представленія, склонности, нравы.

Сверхъ того цѣль, съ которою написаны различныя Священныя книги, не есть одна и таже. Моисей писалъ свои книги первоначально не для Западныхъ Христіанъ, но для народа, который онъ вывелъ изъ Егип-

та, и которому далъ новое государственное образованіе. Давидъ и Асафъ сочиняли Священные псалмы свои первоначально не для нашихъ Христіанскихъ церквей, но для Іерусалимскаго храма, въ различныхъ обстоятельствахъ, то во время скорби и нужды, то послѣ побѣды, одержанной надъ врагами Израиля. Иначе писалъ Святый Апостолъ Павелъ, когда говорилъ обращеннымъ изъ язычества Евреямъ; и иначе, когда говорилъ къ обращеннымъ Коринѳянамъ въ Греціи, которые изъ язычества внесли съ собою въ Христіанство совершенно другія понятія, нежели прежде бывшіе Іудеи. Говоря къ Евреямъ, онъ употреблялъ древнія ихъ представленія, почерпнутыя изъ закона Моисеева, дабы быть для нихъ вразумительнѣе; онъ сравнивалъ Христа съ Аарономъ и Мелхиседекомъ, представлялъ Левитское Священство какъ прообразованіе Первосвященническаго званія Христова, или говорилъ о примирительной жертвѣ Христовой въ противоположность Іудейскому всесожженію или жертвѣ о грѣхахъ. Бесѣдуя съ бывшими язычниками, которымъ неизвѣстны были Израильскія истины и обря-

ды, говорилъ о представленіяхъ ихъ ученыхъ, возставалъ на ихъ склонность къ идолослуженію и къ раздѣленію въ дѣлахъ Религіи. Самъ онъ ясно сказалъ, что былъ всѣмъ все, дабы многихъ привлечь къ вѣрѣ въ Іисуса.

Изъ сего уже довольно явствуетъ, какъ трудно уразумѣть полнымъ образомъ Священныя книги Ветхаго и Новаго Завѣта, и какъ легко можетъ впасть въ опасныя и вредныя заблужденія и въ ложныя понятія тотъ, кто захочетъ быть толкователемъ оныхъ книгъ, не имѣя къ тому ни многоразличныхъ вспомогательныхъ средствъ, ни званія.

Изъ сего также открывается, съ какою осторожностію заниматься должно чтеніемъ Священнаго Писанія. Естьли въ тѣ времена, въ которыя вѣра Христіанская отличалась еще простотою, Апостолъ Филиппъ счелъ за нужное спросить у Еѳіоплянина, который читалъ Пророка Исаію: *Разумѣешь ли ты, что читаешь?* (Дѣян. 8, 30.) то сей вопросъ, спустя осмнадцать

столѣтій послѣ временъ Филиппа, становится еще необходимѣе.

Притомъ мудрованія о таинствахъ Религіи или о темныхъ мѣстахъ Священнаго Писанія обогащаютъ не сердце, а только разумъ. Но какъ были бы мы несчастны, естьли бы темныя мѣста составляли главный предметъ открытой намъ Іисусомъ Религіи! — Тогда мы находились бы въ тягостной неизвѣстности въ разсужденіи нашего блаженства. Тогда Іисусъ явился бы въ мірѣ не для всѣхъ, но только для тѣхъ, которые имѣютъ довольно времени и познаній, заниматься изслѣдованіями.

Нѣтъ, Спаситель мой! Ты жилъ и умеръ и для тѣхъ, которые, не имѣя высшихъ познаній, съ дѣтскою простотою держатся Твоего ученія, и съ тихою покорностію исполняютъ предписанныя Тобою должности къ Богу, ближнему и самимъ себѣ. *Блаженны нищіе духомъ; ибо ихъ есть царствіе небесное!* (Матѳ. 5, 3.)

Любовь къ Христу есть превыше вся-

каго познанія. *Любить Христа* значитъ исполнять заповѣди Его. А заповѣди Его суть прекрасное ученіе любви и кротости, стремленія къ совершенству, приближенія къ Богу, и твердаго упованія на Бога.

И такъ, не станемъ умудряться надъ истолкованіемъ тѣхъ таинъ Религіи, которыхъ намъ не дано еще вѣдать; но читая слово Божіе, станемъ поучаться спасительнымъ заповѣдямъ Іисуса; прилѣпимся къ Нему со всею простотою вѣры, со всею любовію. Тогда благодать Божія дастъ намъ духъ разумѣнія, и озаритъ насъ свѣтомъ вѣчныя истины; тогда *Богъ Господа нашего Іисуса Христа, Отецъ славы,* дастъ намъ *Духа премудрости и откровенія къ познанію Его, и* просвѣтитъ *очи сердца* нашего, *дабы* мы *узнали, въ чемъ состоитъ надежда призыванія Его, и какъ богато славное наслѣдіе Его для Святыхъ.* (Ефес. 1, 17. 18.)

VI.

Что ты Меня гонишь? Дѣян. 9, 4.

Въ тѣ дни, когда *Павелъ*, называемый еще *Савломъ*, былъ жесточайшимъ гонителемъ Христіанъ, ни одинъ изъ Іудеевъ не могъ равняться съ нимъ въ ревности къ истребленію новаго ученія. Онъ проникалъ во всѣ самыя тайныя собранія Христіанъ, предавалъ ихъ мучителямъ, и даже самъ поступалъ съ ними безчеловѣчно.

Все, что Савлъ ни предпринималъ противу Христіанъ, предпринималъ въ полной увѣренности, что онъ поступаетъ справедливо. Онъ почиталъ ихъ не инымъ чемъ, какъ отступниками отъ прежней Религіи; людьми, отвергающими Моисея и Пророковъ; нарушителями закона, даннаго Богомъ на Синайской горѣ.

Когда онъ былъ на пути къ Дамаску, дабы открыть тамъ поклонниковъ Іисусовыхъ, и связавъ привести на судъ въ Іерусалимъ; тогда осіялъ его свѣтъ съ небеси, и онъ,

въ трепетѣ повергшись на землю, услышалъ голосъ: *Савлѣ! Савлѣ! что ты Меня гонишь?*

Сіе явленіе произвело въ немъ дѣйствіе на всю послѣдующую жизнь его. Онъ перемѣнилъ свои мысли. Онъ познаалъ Божество Іисуса Искупителя, котораго преслѣдовалъ; и съ того самаго часа содѣлался вѣрнѣйшимъ Его послѣдователемъ. Съ того часа онъ самъ рѣшился подвергнуться гоненіямъ, которыя недавно воздвигалъ на другихъ. Онъ самъ претерпѣлъ за Іисуса обиды, узы, темницы, которыя прежде давалъ другимъ за Іисуса. Онъ крестился; не удержалъ ничего изъ прежняго состоянія своего, и отложилъ даже самое имя, подъ которымъ былъ столько страшенъ для первыхъ Христіанъ.

И нынѣ каждый человѣкъ, подобно Павлу, слышитъ голосъ Божества. Сей голосъ часто вѣщаетъ человѣку въ рѣшительныя минуты его жизни: *Что ты Меня гонишь?*

Каждый человѣкъ, подобно Савлу, имѣетъ какое-либо сильное желаніе, къ достиженію

котораго онъ стремится съ великимъ рвеніемъ, съ напряженіемъ всѣхъ силъ своихъ. Не всегда цѣль его бываетъ благородна; рѣдко намѣреніе его бываетъ и столько извинительно, сколько намѣреніе Савла; и однако онъ стремится къ избранному однажды предмету. Его покушенія не удаются; но каждая неудача тѣмъ сильнѣе подстрекаетъ его къ достиженію своихъ намѣреній, къ удовлетворенію своихъ желаній. Среди усилій своихъ, онъ познаетъ, что въ планѣ провидѣнія находится нѣчто совершенно отличное отъ его намѣреній; онъ видитъ, что обманывается въ своихъ желаніяхъ, надеждахъ, ожиданіяхъ; онъ видитъ, что его воля противна волѣ Правителя вселенной. Однако онъ противоборствуетъ, напрягается, какъ будто бы слабая рука его могла остановить сильное, все ниспровергающее теченіе судьбы. Такимъ образомъ онъ приготовляетъ только собственное несчастіе, которое наконецъ страшно поражаетъ его. Тогда онъ слышитъ предостерегающій его голосъ: *Что ты Меня гонишь?* Но тщетно; онъ столько гордъ, что не хочетъ перемѣнить своихъ намѣреній и об-

ратиться на путь правый. Жестокость страсти влечетъ его къ паденію. Онъ видитъ бездну, къ которой приближился; но не перестаетъ обольщать себя, и по упорству своего самовольства, силится невозможное сдѣлать возможнымъ. Тогда настаетъ конецъ его поприща; Богъ судитъ его; и онъ погибаетъ въ полнотѣ своего развращенія.

Каждый рано или поздо слышитъ въ сердцѣ своемъ голосъ Божій, иногда кроткій и дружелюбный, иногда строгій и страшный.

Когда мы съ сердцемъ, исполненнымъ заботъ и низкихъ страстей, съ сознаніемъ нашихъ слабостей и пороковъ, разсматриваемъ лѣтнее великолѣпіе природы, въ которой все—отъ капли росы, дрожащей на стеблѣ, до звѣзднаго неба, отъ червя, пресмыкающагося въ пыли, до орла, парящаго въ облакахъ—все возвѣщаетъ намъ благость, любовь и святость Творца; когда взоръ нашъ съ восторгомъ усматриваетъ величіе и славу Бога во всѣхъ его дѣлахъ; когда тихое умиленіе наполняетъ душу нашу, и

внутреннее чувство вѣщаетъ, какъ благъ Богъ, и какъ мы злы; какъ чисто все, происходящее изъ руки Его, и какъ нечисты наши мысли и желанія: то это есть тихій, исполненный любви голосъ, который говоритъ нашему сердцу: *Что ты Меня гонишь*?

Когда осень осыпаетъ насъ всѣми дарами Божія благословенія; когда поля, луга и лѣса покрываются плодами, дабы люди и звѣри изобильно находили пищу свою; когда мы неблагодарные помыслимъ въ сіе время, сколько страждущихъ отвергнули мы жестокосердо безъ всякаго утѣшенія, сколько плачущихъ оставили съ неосушенными слезами; когда мы сравнимъ, какъ много даровалъ намъ Богъ, и какъ мало содѣлали мы ко благу ближнихъ, не смотря на то, что Господь далъ намъ великія къ тому средства: то не должно ли внутреннее чувство укорять насъ въ нашихъ поступкахъ? Сіе чувство есть голосъ Бога, который съ кротостію и любовію говоритъ: *Что ты Меня гонишь*?

Когда кровавая война обращаетъ въ пепелъ города и села, опустошаетъ поля, отнимаетъ у дѣтей отца, и у матери сына; то это есть страшный голосъ Бога, который говоритъ человѣческому роду: *Что ты Меня гонишь?*

Когда изъ черной тучи раздается трескъ грома; когда сверкающая молнія воспламеняетъ чертоги сластолюбца или хижину нищаго; когда язва опустошаетъ цѣлыя страны; когда свирѣпая буря исторгаетъ дубы, опровергаетъ домы, погружаетъ корабли въ морскихъ безднахъ: то это есть страшный голосъ Всемогущаго, который говоритъ человѣку: *Что ты Меня гонишь?*

Часто среди сладкаго шума земнаго блаженства постигаетъ насъ тяжкая судьба. Часто исторгается у насъ то, къ чему сердце наше болѣе всего прилѣплено было, что мы дѣлали своимъ идоломъ. Часто теряетъ все свое имущество тотъ, кто жилъ только для собиранія сокровищъ на землѣ; часто лишается всей своей чести тотъ, кто для достиженія славы предъ человѣ-

ками, забывалъ всѣ обязанности свои, часто лишается нѣжно любимаго друга, отца, сына тотъ, кто въ такой любви забывалъ, что въ жизни сей нѣтъ ничего продолжительнаго, что не земное, но вѣчное, обитающее въ земномъ, достойно истинной любви.—И въ разрушенномъ счастіи сластолюбца, въ нищетѣ любостяжателя, въ поношеніи честолюбиваго, въ горести плачущаго надъ гробомъ, строго вѣщаетъ ему голосъ Божій: *Что ты Меня гонишь?*

Но какъ смертный можетъ гнать Вѣчнаго? Какъ можетъ гнать Іисуса? Мы не можемъ гнать Его, какъ гнали Іудеи, когда схватили Его, какъ разбойника, покрыли ругательствами и ранами, и пригвоздили къ кресту. Да и самый Павелъ не могъ гнать лично Іисуса, воскресшаго и возшедшаго на небо; и однако онъ слышалъ голосъ съ небеси: *Савлѣ! Савлѣ! что ты Меня гонишь?*

Кто съ завистію и недоброжелательствомъ унижаетъ своего ближняго, посмѣвается надъ нимъ, старается омрачить его имя; тотъ гонитъ Іисуса. Кто въ гнѣвѣ

за мнимую или дѣйствительную обиду дышетъ мщеніемъ, и не успокоивается, пока не отяготитъ противника своего бѣдствіемъ; тотъ гонитъ Іисуса. Кто обременяетъ нищету лихвою, утаиваетъ чужое добро, обманываетъ неопытнаго; тотъ гонитъ Іисуса. Кто дары благословенія Божія корыстолюбиво употребляетъ для одного себя, и изобиліе свое охотнѣе растočаетъ на роскошныя пиршества, великолѣпныя одежды и дорого стоющія забавы, нежели на облегченіе участи страждущаго болѣзнію и нищетою, на содѣйствіе къ общему благу; тотъ гонитъ Іисуса. Кто по сластолюбивымъ замысламъ разрушаетъ чистоту и спокойствіе невинности, погубляетъ тѣлесныя и душевныя силы неопытной юности; тотъ гонитъ Іисуса. Ибо Іисусъ говоритъ: *Поелику вы сдѣлали* сіе *одному изъ братьевъ моихъ меньшихъ, то Мнѣ сдѣлали.* (Мат. 25, 40.)

Мы гонимъ Бога пренебреженіемъ святыхъ заповѣдей Его. Такъ гонятъ дѣти своихъ родителей, когда не исполняютъ ихъ приказаній и совѣтовъ, когда совершенно

ихъ забываютъ, или даже съ гордостію отрекаются отъ нихъ предъ міромъ. Такъ и человѣкъ отрекается отъ Бога, ежели не устами, то по крайней мѣрѣ сердцемъ, когда онъ поступаетъ такъ, какъ будто бы не было всевѣдущаго мздовоздаятеля.

Есть Богъ! вопіетъ совѣсть грѣшника. *Нѣтъ Бога!* вопіютъ дѣла грѣшника. Онъ носитъ въ груди своей вѣчные законы правды и истины, и совершаетъ дѣла неправды и лжи. Вотъ отреченіе отъ Бога! — Онъ вступаетъ въ храмъ высочайшаго существа, видитъ множество Христіанъ, погруженныхъ въ благоговѣніе и молитву, слышитъ благовѣствованіе святаго слова, слышитъ напоминаніе о своихъ обязанностяхъ; и выходитъ изъ храма, не помышляя о своемъ исправленіи, даже не имѣя желанія, отложить свои пороки. Вотъ презрѣніе Бога и Его законовъ! — Являются торжественныя минуты, въ которыя сердце его становится чувствительнѣе и мягчѣе, когда онъ счастливо избѣгаетъ великой опасности, или получаетъ неожиданную радость, или простертъ на мучительномъ одрѣ бо-

лѣзни, или проливаетъ слезы на гробѣ любимаго человѣка. Тогда онъ чувствуетъ могущество и силу Божію, чувствуетъ свое недостоинство предъ Всевышнимъ, и голосъ Божій говоритъ въ его сердце: *Что ты Меня гонишь!* Онъ входитъ въ себя, раскаевается, усматриваетъ ничтожность всего земнаго, усматриваетъ необходимость прилѣпиться къ Богу, къ добродѣтели; онъ молится, и даетъ торжественный обѣтъ перемѣнить себя. Но — торжественная минута проходитъ, и все предается забвенію. Онъ нарушаетъ обѣты, въ которыхъ клялся предъ Всевѣдущимъ. Міръ снова становится ему дороже вѣчности. Вотъ презрѣніе величія Всевышняго! — Онъ, можетъ быть, сохранилъ бы слово, данное всякому человѣку; но нарушаетъ обѣты, данные Богу. Онъ хочетъ казаться честнымъ предъ очами тлѣннаго человѣка, но не предъ очами вѣчнаго Бога. Онъ страшится наказанія и укоризны человѣковъ; но не боится воздаянія праведнаго Судіи.

Самое непостоянство, по которому мы въ извѣстную минуту намѣреваемся тво-

ришь добро, но въ слѣдующую за нею творимъ зло, есть нарушеніе того глубокаго почитанія, которымъ мы обязаны Виновнику нашего бытія. Легкомысліе, съ каковымъ мы предаемся скоропреходящимъ впечатлѣніямъ внѣшнихъ обстоятельствъ, и никогда не поступаемъ такъ, какъ заповѣдалъ Іисусъ, но какъ намъ пріятнѣе, — сіе легкомысліе есть оскорбленіе великаго Бога, которому мы отказываемъ въ каждомъ пожертвованіи, требующемъ самопобѣжденія, между тѣмъ какъ чувственнымъ похотѣніямъ нашимъ приносимъ столь тяжкія жертвы.

Посему-то такъ часто голосъ Божій взываетъ къ грѣшному человѣческому сердцу: *Что ты Меня гонишь!*

За что гнать Того, который простираетъ къ намъ безконечную любовь свою? За что презирать Того, который насъ хранитъ и ограждаетъ? За чѣмъ отрекаться отъ Того, который намъ являетъ себя въ великолѣпіи всей вселенной, въ дарахъ природы, въ самыхъ плачевныхъ приключеніяхъ

жизни, о которомъ совѣсть даетъ намъ вѣчное свидѣтельство?

Обратись, кто понимаетъ сей голосъ Божій! обратись, раскайся, подобно Павлу, и изъ гонителя Іисусова содѣлайся вѣрнымъ Его свидѣтелемъ и послѣдователемъ, живымъ Его образомъ въ дѣлахъ, словахъ и помышленіяхъ. Обратись, и — чешуя грѣховъ твоихъ отпадетъ отъ глазъ души твоей, и ты увидишь свѣтъ, просвѣщающій тебя на всякомъ шагѣ жизни твоей!

VII.

НАЗИДАТЕЛЬНЫЯ МЫСЛИ.

Когда человѣкъ такъ бываетъ свободенъ отъ всего сотвореннаго, что пролетаетъ мимо всего, не ощущаетъ влеченія ни на право ни на лѣво, и несмущаясь отъ урона, равно какъ не восхищаясь пріобрѣтеніемъ, все пріемлетъ съ равнодушіемъ, — то сіе есть дѣйствіе истинно Божественнаго перелома, какой только можетъ быть тогда, когда самъ Богъ творитъ изъ человѣка новую тварь, и жизнь ветхаго человѣка сокрушаетъ въ смерть. Иные думаютъ, что ушли уже очень далеко, но когда постигаютъ ихъ удары искушенія, находятъ совсѣмъ иное.

Естьли ты еще останавливаешься при выборѣ вещей, то онѣ тебя еще мучатъ, ты еще не Божій, хотя онѣ Божіи. Все, что къ тебѣ приходитъ, приходитъ отъ Бога; и такъ, ежели ты съ Нимъ, и твоя воля съ Его волею согласны, то оное при-

ходитъ къ тебѣ не такъ, какъ нѣчто постороннее; ты бываешь онымъ доволенъ, и чрезъ то спокоенъ. Тотъ только ничего не выбираетъ, кто совершенно предалъ себя волѣ Божіей. Онъ даже оскорбляется словами другихъ, выражающими само-избраніе и своеволіе. Онъ не можетъ сказать безъ внутренняго трепета: „Я надѣюсь, что дѣло будетъ такъ“ — или: „Это будетъ такъ, а не иначе“ — но долженъ всегда говорить такъ: „Я надѣюсь, что Господь такъ устроитъ.“ Сія нѣжность совѣсти досталась ему въ удѣлъ силою воли Божіей, которая живо въ немъ обитаетъ.

Ты шествуешь съ Израилемъ изъ Египта въ безводную, безплодную пустыню; и силы, которыя несешь съ собою изъ Египта, изнемогаютъ и совершенно истощаются. Собственныя силы твои ослабѣваютъ и истощаются, но сія твоя слабость, и именно только она, дѣлаетъ тебя способнымъ къ принятію силъ Божественныхъ.

Авраамово сѣмя, а не онъ самъ, долженствовало получить землю обѣтованную. Самъ онъ долженъ былъ выйти въ чужую землю. Такъ ветхій человѣкъ долженъ изъ себя выйти въ чужую землю, куда совсѣмъ не знаетъ онъ дороги, и о которой ни у кого не можетъ спросить; онъ всегда видитъ вдаль только на одинъ шагъ передъ собою. Весьма тяжелъ сей *выходъ* изъ себя самаго, ибо онъ есть внутренняя *смерть*. Что сей тѣсноты не видятъ другіе, сіе происходитъ отъ великаго терпѣнія, которое пріобрѣтаютъ въ сей тѣснотѣ.

Съ начала человѣкъ почитаетъ свою собственность совершенно правою, и быть отъ оной отлученнымъ кажется ему величайшею несправедливостію; по сему онъ весьма далекъ отъ того, чтобы добровольно совсѣмъ отъ нея отказаться. Надобно ее отнять у него насильно, и насильно навязать ему царство небесное; тогда только открываются у него глаза, и онъ познаетъ и сознается, что всѣмъ тѣмъ обладалъ весьма несправедливо, и что надобно

было отнять у него владычество. Въ сіе время онъ не хочетъ и не желаетъ болѣе ничего; но покаряется воли Божіей; и согласенъ лишиться всего своего имущества.

Чтобы то, о чемъ говорятъ, пишутъ, и чему учатъ, прямо исходило изъ силы сердца, сіе должны мы пораждать изъ себя съ нуждою и принужденіемъ. Все то, что мы раждаемъ изъ себя съ великою радостію, или по одной обдумчивости, безъ духа и безъ силы.

Павелъ говоритъ: *Да не превозношуся.* Ибо чѣмъ выше святость, тѣмъ выше желанія; чѣмъ выше совершенство, тѣмъ выше недостатки! По сему преспѣяніе въ совершенствѣ есть вмѣстѣ и преспѣяніе въ смиреніи.

Чѣмъ ты ничтожнѣе самъ для себя, тѣмъ болѣе началъ быть! чѣмъ далѣе отъ себя, тѣмъ ближе къ Богу.

Человѣкъ, трудясь подъ закономъ, хочетъ сбросить съ себя бремя, которое лежитъ на его совѣсти, и создать себѣ сердце болѣе легкое; но онъ въ семъ случаѣ переходитъ только изъ одной крайности въ другую большую крайность. Законъ вопіялъ противъ него, какъ противъ преступника; но теперь, когда постигаетъ его смертный судъ Божій, онъ дѣйствительно *осужденъ*, какъ преступникъ, и долженъ умереть. Для него не довольно только смирять и обуздывать естественнаго своего человѣка: надобно, чтобы онъ совершенно былъ умерщвленъ. — Теперь хотя законъ перестаетъ обличать его совѣсть, такъ какъ не обвиняютъ уже болѣе осужденнаго злодѣя; но его состояніе гораздо жалостнѣе прежняго, и тотъ справедливо научаетъ другихъ, кто не обѣщаетъ имъ никакихъ пріятностей.

~~~~~~

Впрочемъ, сколь ни строги суды Божіи, постигающіе человѣка облагодатствованнаго, но съ нимъ не случается и тысящной доли изъ того, что онъ заслужилъ своими грѣхами. Естьли бы Богъ во время своего
~~~~~~

суда насъ не щадилъ, естьли бы Его благость и милосердіе не превышали Его строгости, то что бы съ нами было? Но таже самая строгость праведныхъ судовъ Его даетъ намъ созерцать въ ясномъ свѣтѣ Его благость, любовь и милосердіе, и такимъ образомъ адъ долженъ быть средствомъ къ тому, чтобы небо сдѣлалось для насъ болѣе вожделѣннымъ и величественнымъ.

Когда человѣкъ душевно можетъ признать свои согрѣшенія, то сіе есть великая милость Божія, хотя оное признаніе и бываетъ сопряжено съ великою нуждою. Кто признаетъ свои согрѣшенія, того Богъ отъ нихъ искупляетъ. Но обыкновенно такъ называемая исповѣдь не есть истинное признаніе грѣховъ. Кто истинно признается въ томъ, что онъ заблуждаетъ, тотъ желаетъ и сойти съ пути заблужденія, и скорбитъ и сокрушается, что находится наономъ. Но кто не безпокоится о своемъ заблужденіи, тотъ сердечно ложный путь называетъ прямымъ, хотя и говоритъ противное своими устами.

Когда природа приближается къ своему разрушенію, то воля, разумъ, память и всѣ способности такъ связуются и цѣпенѣютъ, что умирающему такимъ образомъ представляется, будто сіе бываетъ въ мірѣ съ нимъ однимъ, и будто никто другой не можетъ такъ страдать. Онъ уже ни въ чемъ не можетъ находить радости, и самыя страданія другихъ не облегчаютъ его скорби; ибо пословица: *съ людьми и смерть красна*, — дѣлается для него нелѣпостію.

VIII.

С Л О В О

СВЯТАГО ГРИГОРІЯ БОГОСЛОВА

О ЛЮБВИ КЪ БѢДНЫМЪ.

Братія и соучастники бѣдности! (ибо всѣ мы бѣдны, и имѣемъ нужду въ благодати Божіей, хотя при скудныхъ достаткахъ, которыми кто владѣетъ, по видимому, одинъ богатѣе другаго;) выслушайте слово о любви къ бѣднымъ, не съ бѣднымъ, но богатымъ расположеніемъ духа, дабы наслѣдовать богатство царствія;—а вмѣстѣ молитесь, дабы и я могъ богатое предложить вамъ слово, напитать онымъ души ваши, и раздробить алчущимъ хлѣбъ духовный, или какъ нѣкогда Моисей, въ видѣ дождя низводя пищу съ неба и пріобщая Ангельской трапезѣ, или насыщая немногими хлѣбами многія тысячи, какъ послѣ въ пустынѣ Іисусъ—сей истинный хлѣбъ и истинной жизни виновникъ.

Не такъ скоро можно избрать превосхо-

днѣйшую изъ добродѣтелей, и отдать ей первенство и преимущество; подобно какъ и на лугу многоцвѣтномъ и благовонномъ не вдругъ можно выбрать прекраснѣйшій и благовоннѣйшій изъ цвѣтовъ, когда то тотъ, то другой привлекаетъ обоняніе и взоръ, и напередъ манитъ къ себѣ руку. Мое о семъ предметѣ разсужденіе такое: похвальна вѣра, надежда, любовь, сіи три добродѣтели. Примѣръ вѣры представляетъ Авраамъ, оправданный вѣрою; примѣръ надежды—Еносъ, первый съ упованіемъ призвавшій Господа, и всѣ праведники, претерпѣвавшіе бѣдствія, одушевляемые надеждою. Примѣръ любви—Божественный Апостолъ, неусумнившійся и на себя произнести приговоръ для Израиля, и Самъ Богъ, коему и имя—любовь. Похвально страннолюбіе. Примѣръ между праведниками представляетъ Лотъ Содомлянинъ, но не Содомлянинъ качествами души; а между грѣшниками Равъ блудница, но не блудница расположеніемъ сердца, за страннопріимство получившая славу и спасеніе. Похвально братолюбіе. Примѣръ показываетъ Іисусъ, непостыдившійся не только назваться братомъ

нашимъ, но и пострадать за насъ. Похвально человѣколюбіе. Примѣръ показываетъ Онъ же Іисусъ, который не только создалъ человѣка на добрыя дѣла, и съ перстію соединилъ свой образъ, ведущій человѣка къ совершенству и возводящій горѣ; но и человѣкомъ сдѣлался для насъ. Похвально долготерпѣніе. Примѣръ показываетъ Іисусъ же, который не только не хотѣлъ призвать легіоны Ангеловъ на помощь противъ мятежниковъ и гонителей, не только укорилъ Петра извлекшаго ножъ, но и исцѣлилъ ухо уязвленному. Подобный примѣръ показалъ послѣ и Стефанъ, ученикъ Христовъ, молившійся за побивающихъ его камнями. Похвальна кротость. Примѣромъ служатъ Моисей и Давидъ, въ семъ особенно похваляемые предъ прочими, и ихъ Учитель *не прекословящій, не вопіющій, не испускающій гласа на распутіяхъ*, Иса. 42, 2. Мат. 12, 19. и не противляющійся ведущимъ Его. Похвальна ревность. Примѣромъ служитъ Финеесъ, однимъ ударомъ копья пронзившій Мадіанитянку съ Израильтяниномъ, дабы отнять поношеніе отъ сыновъ Израилевыхъ, и за свою рев-

ность получившій себѣ славное имя, а послѣ него тѣ, которые говорили: *Ревнуя поревновахъ по Господѣ;* 3 Цар. 19, 10. *ревную по васъ Божіею ревностію* 2 Кор. 11, 2. *ревность дому Твоего снѣдаетъ Меня;* Псал. 68, 10. и которые не только говорили, но и чувствовали. Похвально изнуреніе тѣла. Убѣдись примѣромъ Павла, который все еще содержитъ себя въ строгости, и указывая на Израильтянъ, устрашаетъ тѣхъ, которые, надѣясь на себя, не порабощаютъ тѣла своего, и примѣромъ Самаго Іисуса, который постится, находится въ искушеніи, и побѣждаетъ искусителя. Похвальна молитва и бдѣніе. Убѣдитъ тебя въ семъ Богъ, который бодрствуетъ и молится предъ страданіемъ. Похвальна чистота и дѣвственность. Повѣрь Павлу, который предписываетъ на сіе законы, и справедливую полагаетъ цѣну брачной и безбрачной жизни, и Самому Іисусу, родившемуся отъ Дѣвы, для того, дабы почтить и рожденіе, и отдать предпочтеніе дѣвству. Похвально воздержаніе. Убѣдись примѣромъ Давида, который, овладѣвъ Виѳлеемскимъ кладяземъ, не вкусилъ изъ него воды, а из-

лилъ ее въ честь Господу, не желая утолить жажды своей кровію другихъ. Похвально уединеніе и безмолвіе, и сему научаетъ меня Кармилъ Иліинъ, пустыня Іоаннова, гора Іисусова, на которую Онъ такъ часто восходилъ бесѣдовать съ Самимъ Собою. Похвальна умѣренность; и сему научаетъ меня Илія, привитающій у вдовицы, и Іоаннъ, покрывающійся власяницею. Похвально смиренномудріе. Примѣры онаго въ Писаніи повсюду многочисленны, но лучшій изъ всѣхъ примѣръ есть Спаситель и Господь всѣхъ, который не только смирилъ Себя до состоянія рабскаго, не только подвергъ лице свое стыду заплеваній, и со беззаконными вмѣнился Тотъ, который пришелъ очистить міръ отъ грѣха; но и въ образѣ раба умылъ ноги ученикамъ. Похвальное дѣло нищета и презрѣніе богатства; о семъ свидѣтельствуютъ Закхей и Самъ Христосъ; Закхей, когда при входѣ Христа въ домъ его едва не все свое имѣніе принесъ въ даръ; Христосъ, когда путь нищеты избралъ для богача путемъ къ совершенству. И чтобы сказать короче: похвально созерцаніе и похвальна дѣятель-

ность; первое по тому, что возносится превыше земнаго, проницаетъ во Святая Святыхъ, и умъ нашъ воскриляетъ къ сроднымъ ему предметамъ; другая по тому, что пріемлетъ къ себѣ Христа, служитъ Ему, и дѣлами свидѣтельствуетъ любовь. Каждая изъ сихъ добродѣтелей есть особливая стезя ко спасенію, и несомнѣнно путеводитъ въ одну какую-либо изъ вѣчныхъ и блаженныхъ обителей. Ибо какъ различны роды жизни, такъ различны и у Бога обители. Онѣ раздѣлены и опредѣлены каждому по достоинству. По сему пусть одинъ исполняетъ сію добродѣтель, другой другую; пусть тотъ старается усовершить себя во многихъ, а иный, ежели возможно, успѣваетъ во всѣхъ; только да продолжаетъ каждый путь свой, да стремится вдаль, да слѣдуетъ неуклонно за Тѣмъ, который вѣрно указуетъ путь, прямо ведетъ къ цѣли, и тѣснымъ путемъ и узкими вратами выводитъ на широту блаженства небеснаго. Но естьли, по словамъ Павла и Самаго Христа, любовь, какъ основаніе закона и Пророковъ, должно почитать первою и главнѣйшею заповѣдію: то нахо-

жу, что сія любовь преимущественно состоитъ въ любви къ бѣднымъ, милосердіи и сострадательности къ ближнимъ. Ибо ничѣмъ столько не умилостивляется Богъ, какъ милосердіемъ; (такъ какъ ничто болѣе его не можетъ приличествовать Богу, *предъ лицемъ* коего *предходятъ милость и истина*, и у коего милость предваряетъ судъ) и человѣколюбіе ничѣмъ столько не награждаетъ, какъ человѣколюбіемъ же, Тотъ, кто праведно воздаетъ мзду, и полагаетъ милость на вѣсы и мѣру.

И такъ сообразно заповѣди, которая повелѣваетъ *радоваться съ радующимися, и плакать съ плачущими*, Рим. 12, 15. будемъ отверзать утробу милосердія всѣмъ бѣднымъ и, по какой бы то ни было причинѣ, страждущимъ, и яко человѣки, прежде всего будемъ приносить человѣкамъ долгъ благотворительности, требуютъ ли они оной, или какъ вдовые, или какъ сироты, или какъ изгнанные изъ отечества, или вынуждаютъ ихъ просить оной жестокіе властители, наглые начальники, безчеловѣчные собиратели даней, кровожадные разбойники, алчные

хищники, или опись имѣнія, или кораблекрушеніе; ибо всѣ они равное заслуживаютъ сожалѣніе, и также смотрятъ на руки наши, какъ мы на руки Божіи, когда чего просимъ. Однакожъ и изъ числа сихъ самыхъ болѣе достойны сожалѣнія непредвидѣнно впадающіе въ несчастія, нежели тѣ, которые, какъ бы родились съ бѣдствіями. Особенно мы должны быть сострадательны къ зараженнымъ проказою, и, какъ грозитъ Писаніе, изъѣденнымъ даже до плоти, костей и мозговъ, и страждущимъ отъ презрѣннаго, подлаго и вѣроломнаго сего тѣла. Не понимаю, какъ я соединился съ нимъ, и какъ я, будучи образомъ Божіимъ, смѣшался съ грязью. Оно, будучи здорово, поднимаетъ войну, и когда противъ него воюешь, мучитъ; какъ сотрудника, я люблю его, и какъ врага ненавижу; убѣгаю его какъ оковъ, и какъ сонаслѣдника почитаю. Естьли стану его изнурять;—то некого употребить въ сотрудники въ подвигахъ добродѣтели; поелику знаю цѣль существованія моего и то, что мнѣ должно восходить къ Богу посредствомъ дѣлъ. Естьли же стану беречь, какъ сотрудника; то не знаю, какъ избѣжать

его нападенія, боюсь, чтобы не отстать отъ Бога, когда обременятъ меня узы, кои или гнетутъ къ землѣ, или держатъ на ней. Это ласковый врагъ и коварный другъ! Чудное согласіе и разногласіе! Чего боюсь, съ тѣмъ дружусь, и что люблю, того страшусь. Не успѣю еще вступить въ сраженіе, мирюсь, и не успѣю помириться, уже начинаю брань. Что за премудрость открывается на мнѣ, и что за великая тайна? Не съ тѣмъ ли это намѣреніемъ сдѣлано, чтобы мы, будучи причастны Божества и имѣя происхожденіе небесное, не стали надмеваться и превозноситься достоинствомъ нашимъ, и при сей войнѣ и борьбѣ съ плотію, не забыли Создателя своего, но всегда обращали къ Нему взоры свои, и чтобы такимъ образомъ сопряженная съ нами немощь держала въ предѣлахъ наше величіе?—Чтобы мы видѣли, что мы вмѣстѣ и высоки и низки, и земны и небесны, тлѣнны и безсмертны, наслѣдники свѣта и огня или тьмы, смотря потому, на какую сторону преклонимъ себя?—Такъто составлено существо наше, и сіе, по моему мнѣнію, для того, чтобы тогда, ког-

да бы мы вздумали величаться образомъ Божественнымъ, прахъ земный указалъ бы намъ на наше ничтожество.

Но о семъ пусть кто хочетъ разсуждаетъ. И я не премину вникнуть въ сіе при удобнѣйшемъ случаѣ. А теперь я хочу оплакивать плоть мою и собственную немощь въ страданіяхъ другихъ; хочу говорить о томъ, что мы, братія, должны заботиться о благосостояніи тѣла, сего сродника и сослужителя нашего. Ибо хотя я и поносилъ его, какъ врага, какъ причину болѣзней, но ради Того, кто соединилъ меня съ нимъ, я вмѣстѣ и люблю, какъ друга. Заботиться должны мы и о тѣлахъ ближнихъ нашихъ, не меньше какъ и каждый о собственномъ. Ибо всѣ мы едино о Господѣ: богатый и убогій, рабъ и свободный, здравый и немощный; одна у всѣхъ глава, изъ которой все, Христосъ; и что члены одинъ для другаго, тоже и каждый другъ для друга и всѣ для всѣхъ. И такъ мы не должны пренебрегать и оставлять безъ призрѣнія тѣхъ, кои прежде подпали общей всѣмъ немощи; и не столько должны радоваться

благополучному состоянію тѣла нашего, сколько оплакивать мучительное положеніе братій нашихъ, и наше къ нимъ человѣколюбіе почитать единственнымъ залогомъ какъ тѣлеснаго, такъ и душевнаго здравія нашего. Такъ мы будемъ разсуждать: одни жалки только по своей бѣдности, отъ которой, можетъ быть, освободитъ ихъ или время, или трудъ, или другъ, или сродникъ, или перемѣна обстоятельствъ; другіе, будучи не менѣе сихъ достойны сожалѣнія и по самой бѣдности, еще болѣе достойны онаго по тому, что, лишась употребленія тѣла, лишаются вмѣстѣ и способовъ трудиться и снискивать себѣ необходимое для жизни; и они всегда гораздо болѣе подвержены опасности усугубить болѣзнь свою, нежели сколько питаются надеждою возстановить свое здоровье, такъ что надежда почти не доставляетъ имъ утѣшенія, а она только и остается въ отраду несчастнымъ. Къ убожеству присовокупляется еще и болѣзнь, другое зло и зло ужаснѣйшее и тягчайщее, которое на языкѣ многихъ всего чаще обращается въ средство для проклятія. Къ тому же многіе не только не хотятъ прит-

ти къ нимъ, посмотрѣть на нихъ; напротивъ бѣгутъ отъ нихъ, гнушаются ими, какъ предметами отвратительными, — вотъ новое зло! Быть несчастнымъ, и еще видѣть къ себѣ ненависть за то, видѣть и переносить то для нихъ гораздо тягостнѣе, нежели самую болѣзнь. Я не могу безъ слезъ смотрѣть на ихъ страданія, — возмущаюсь и при одномъ воспоминаніи оныхъ. Имѣйте и вы такое же сокрушеніе, дабы слезы избавили васъ отъ слезъ. И я не сомнѣваюсь, что изъ числа Слушателей дѣйствительно сокрушаются Христолюбивые, которые имѣютъ Божіе, отъ Бога дарованное имъ, милосердіе. Мы сами свидѣтели страданія. Представляется глазамъ нашимъ поразительное, плачевное и кромѣ очевидцевъ никому невѣроятное зрѣлище — люди—живые мертвецы, лишенные большей части тѣлесныхъ членовъ, —которыхъ нельзя почти узнать, кто они, и откуда, или лучше, несчастные останки жившихъ нѣкогда людей, которые, дабы дать знать о себѣ, сказываютъ о своихъ отцахъ, матеряхъ, братьяхъ и мѣстахъ рожденія: я сынъ такого-то отца, мать у меня такая-то, та-

кое-что мнѣ имя, да и ты нѣкогда былъ мнѣ другъ и пріятель. На нихъ ссылаются они по тому, что по прежнимъ чертамъ лица не могутъ быть узнаны. Это люди отвсюду оборванные, у нихъ нѣтъ ни имѣнія, ни сродниковъ, ни друзей, даже самыхъ тѣлъ,— люди, которые одни только на свѣтѣ и жалѣютъ себя и вмѣстѣ ненавидятъ; которые не знаютъ, о чемъ больше плакать,— о тѣхъ ли частяхъ тѣла, которыхъ уже нѣтъ, или о тѣхъ, которыя еще остаются, — о тѣхъ ли, которыя преждевременно истребила болѣзнь, или о тѣхъ, которыя она пощадила. Ибо тѣ несчастнымъ образомъ погибли, а сіи уцѣлѣли для большаго несчастія; тѣ сотлѣли прежде гроба, а сіи некому и гробу предать. Ибо и самый добрый и мягкосердный человѣкъ жестокъ для нихъ. И здѣсь-то только забываемъ, что мы плоть и облечены бреннымъ тѣломъ, и такъ много печемся о ближнихъ нашихъ, что удаленіе отъ нихъ считаемъ за средство сохранить въ безопасности свое здоровье! Не боятся подходить къ застылому, и, можетъ быть, уже смердящему трупу, носятъ на себѣ вонючія тѣла животныхъ

и среди зловонія какъ бы не чувствуютъ зловонія; между тѣмъ, какъ отъ нихъ бѣжимъ прочь, сколько есть силъ, о безчеловѣчіе! негодуемъ почти и на то, что дышемъ съ ними однимъ воздухомъ. Что нѣжнѣе отца? Что сердобольнѣе матери? Но для нихъ и самая природа хладѣетъ. И отецъ собственнаго своего сына, котораго родилъ, котораго воспиталъ, въ которомъ надѣялся имѣть единственное око жизни своей, за котораго такъ много и такъ часто воздыхалъ молитвою къ Богу—сего самаго сына, хотя и со слезами, но изгоняетъ, частію по волѣ, частію по принужденію. И мать, хотя помнитъ болѣзни чадородія, раздирается утробою, испускаетъ жалостнѣйшіе вопли, и въ слухъ всѣхъ оплакиваетъ живаго, какъ мертваго: несчастное, говоритъ она, чадо злополучной матери, съ горькою печалію раздѣляющей болѣзнь твою, чадо жалкое, чадо и вида прежняго неимѣющее, чадо, воспитанное мною для утесовъ, горъ и пустынь! ты будешь жить со звѣрями, пещера будетъ кровомъ твоимъ, и только благочестивѣйшіе изъ людей обратятъ на тебя взоръ. За чѣмъ, взы-

ваетъ она симъ болѣзненнымъ гласомъ, подобно Іову, Іов. гл. 3. за чѣмъ ты образовался въ утробѣ матерней; или изшедши изъ чрева, почему не погибъ въ тоже мгновеніе такъ, чтобы смерть сочеталась съ твоимъ рожденіемъ? Почему не умеръ ты преждевременно, доколѣ еще не вкусилъ горкихъ плодовъ жизни? Для чего приняли тебя на колѣна? Для чего питался ты млекомъ матернимъ, когда предстояла тебѣ жизнь скорбня, — жизнь, и самой смерти тягостнѣйшая? Жалуясь такимъ образомъ, она проливаетъ источники слезъ, и — несчастная — хотѣла бы заключить въ объятія дѣтище свое, но боится плоти его, какъ непріятеля. Между тѣмъ въ народѣ повсюду воздымается ропотъ и гоненіе не противъ преступниковъ, но противъ несчастныхъ. Другой живетъ вмѣстѣ съ убійцею, съ прелюбодѣемъ раздѣляетъ не только жилище, но и трапезу, съ святотатцемъ дѣлитъ время жизни, съ недоброжелателями своими заключаетъ дружбу, а отъ страдальцевъ, ни малѣйшаго не причинившихъ ему оскорбленія, отвращается, какъ отъ преступниковъ. Такъ, порокъ имѣетъ

завиднѣйшую участь, нежели болѣзнь! Безчеловѣчіе мы уважаемъ, какъ дѣло благородное, а состраданіе презираемъ, какъ должность постыдную. Ихъ гонятъ изъ городовъ, гонятъ изъ домовъ, съ торжища, бесѣдъ, дорогъ, народныхъ собраній, пировъ, и, о горькая участь! ихъ отгоняютъ и отъ самой воды. Для нихъ не текутъ источники, какъ для прочихъ людей, да и невѣроятнымъ почитаютъ, чтобы рѣки не могли отъ нихъ заразиться. А что всего страннѣе, тѣхъ, коихъ какъ нечистыхъ изгоняемъ, тѣхъ, какъ совершенно безвредныхъ, опять принимаемъ къ себѣ, впрочемъ не даемъ имъ ни жилища, ни нужной пищи, ни врачевства для ранъ, ни одежды, по силамъ нашимъ, которая прикрыла бы болѣзнь ихъ. Потому-то они и скитаются день и ночь, страдая отъ бѣдности, наготы, безпріютства, болѣзни, которая открыта для всѣхъ, пересказывая старую жизнь свою, призывая на помощь Создателя, облегчая другъ друга употребленіемъ членовъ, которыхъ у кого недостаетъ, изобрѣтая искусство трогательнаго напѣва, выпрашивая кусочка хлѣба, или малѣйшей части изъ

чего нибудь варенаго, или ветхаго какого нибудь рубища, дабы закрыться отъ стыда и дать отраду язвамъ. И не тотъ уже въ глазахъ ихъ человѣколюбивъ, кто удовлетворяетъ ихъ прозьбѣ, но кто не съ суровостію отсылаетъ ихъ прочь. Многіе же изъ нихъ, презирая и стыдъ, не только не удаляются отъ торжественныхъ собраній; напротивъ, влекомые нуждою своею, насильно вторгаются въ оныя; — въ сіи, говорю, всенародныя и священныя собранія, которыя мы учреждаемъ въ душевное назиданіе, стекаясь сюда для совершенія таинствъ, и для прославленія поборниковъ истины, дабы научиться подражать и благочестію тѣхъ, коихъ чествуемъ подвиги. Хотя несчастіе и заставляетъ ихъ, какъ человѣковъ, стыдиться людей, и они лучше бы хотѣли сокрываться въ горахъ, утесахъ, лѣсахъ, или наконецъ въ ночи и мракѣ; однако вторгаются въ средину народа. Зрѣлище жалкое и слезъ достойное! которое, можетъ быть, имѣетъ и цѣль ту, чтобы напомянуть намъ нашу немощь, и научить насъ не прилѣпляться ни къ чему настоящему и видимому, какъ постоянному.

вторгаются же одни, желая услышать голосъ человѣческій; другіе, чтобы взглянуть на людей; иные, чтобы отъ рукъ богачей собрать хотя скудное подаяніе для поддержанія жизни; а всѣ они для того, чтобы обнаружить скорбь свою и тѣмъ хотя немного облегчить себя. Кто не содрогнулся бы, бывъ свидѣтелемъ ихъ стоновъ, которые въ совокупности составляютъ одну надгробную пѣснь? Какое ухо можетъ равнодушно переносить такую гармонію? Какое око спокойно будетъ смотрѣть на такую сцену? Тамъ одни лежатъ удрученные болѣзнію. Болѣзнь расположила ихъ между собою самымъ разительнымъ образомъ. Каждый для возбужденія состраданія представляетъ изъ себя какой нибудь особливый родъ бѣдствія. Взирая другъ на друга, они тѣмъ увеличиваютъ только свои страданія, будучи жалки по болѣзни, а еще жалчае по взаимному ихъ соболѣзнованію. Ихъ окружаетъ толпа зрителей даже и сострадающихъ, но на краткое время. Другіе влачатся у ногъ человѣческихъ; ихъ преслѣдуетъ зной солнечный, пыль, иногда жестокіе морозы, дожди и бури; ихъ стали бы попи-

рами и ногами, естьли бы одно прикосновеніе къ нимъ не считали гнуснымъ. Священнымъ же внутри храма пѣснопѣніямъ отвѣтствуютъ вопли прошеній, и таинственныя восклицанія повторяются горькими рыданіями. Но для чего изчислять мнѣ всѣ бѣдствія ихъ предъ людьми, собравшимися для торжества? Можетъ быть, я и васъ привелъ бы въ слезы, естьли бы живо изобразилъ предъ вами всю печальную картину; и торжество превратилось бы въ сѣтованіе. Да и что говорю, говорю потому, что доселѣ еще не могу увѣрить васъ, что бываетъ иногда и печаль предпочтительнѣе радости, и уныніе—празднованія и добрыя слезы лучше недобраго смѣха.

Таково-то и еще гораздо горестнѣе, нежели какъ я представилъ, положеніе братій нашихъ по Богѣ, (хотя вы и не хотите слышать то) которые одинаковое съ нами получили естество, изъ того же составлены бренія, изъ какого въ началѣ сотворенъ человѣкъ; связаны, какъ и мы, жилами и костями; и подобно всѣмъ одѣты кожею и плотію; (какъ въ нѣкоторомъ мѣ-

стѣ говоритъ Праведный Іовъ, любомудрствуя среди страданій, и посмѣваясь видимой части существа нашего) или лучше, (ежели должно упомянуть о важнѣйшемъ) которые равно какъ и мы одарены образомъ Божіимъ, а соблюдаютъ оный, можетъ быть, въ большей непорочности, нежели мы, хотя уже и истлѣли тѣлами; — въ единаго облечены Христа по внутреннему человѣку; одинаковый съ нами приняли въ сохраненіе залогъ Духа; участвуютъ въ однихъ съ нами законахъ, пророчествахъ, завѣтахъ, собраніяхъ, таинствахъ, надеждахъ; за которыхъ равно умеръ Христосъ, взявшій на себя грѣхъ всего міра; которые суть сонаслѣдники небесной жизни, хотя и совершенно отчуждены отъ земной; которые спогребаются Христу и съ Нимъ совостаютъ; поелику, ежели съ Нимъ страдаютъ, то съ Нимъ и прославятся. Что же мы? Мы, наслѣдовавшіе то великое и новое достоинство, чтобы именоваться по Христѣ родомъ святымъ, царственнымъ священствомъ, людьми усвоенными и избранными, ревнителями добрыхъ и спасительныхъ дѣлъ,—мы, ученики кроткаго и человѣколюбиваго Христа,

понесшаго немощи наши, унизившаго себя до нашей бренности, насъ ради облекшагося въ бѣдную плоть и затворившагося въ земную храмину сію, скорби и болѣзни за насъ претерпѣвшаго, дабы обогатить насъ наслѣдіемъ Божества? Имѣя предъ собою предметы, толико достойные благоутробія и сострадания, что скажемъ? Какъ будемъ думать о нихъ? Какъ будемъ дѣйствовать? Окажемъ презрѣніе? Пробѣжимъ мимо? Удалимся какъ отъ мертвецовъ, какъ отъ страшилищь, какъ отъ существъ, которыя опаснѣе самыхъ пресмыкающихся и звѣрей? Нѣтъ, братія! Неприлично такъ дѣлать овцамъ добраго Пастыря Христа, обращающаго заблудшее, взыскующаго погибшее, и слабое укрѣпляющаго. Это несообразно и съ человѣческою природою, которая предписываетъ законъ милосердія, тогда какъ, посѣщая насъ одинаковыми немощами, учитъ насъ благочестію и человѣколюбію. Ужели они будутъ томиться подъ открытымъ небомъ, а мы будемъ обитать въ великолѣпныхъ жилищахъ, гдѣ красивая пестрота разноцвѣтныхъ камней, блескъ злата и сребра, - гдѣ искусное расположеніе мѣлкихъ дра-

гоцѣнностей, мѣшаясь съ разнообразною живописью, очаровываютъ глаза? Да еще въ однѣхъ будемъ жить, а другія строить? А для кого? Можетъ быть, не для наслѣдниковъ нашихъ, но для людей постороннихъ и чужихъ; и притомъ, можетъ быть, не только не для людей, расположенныхъ къ намъ, но, что всего хуже, еще для злѣйшихъ непріятелей и ненавистниковъ нашихъ. Они ли будутъ трястись отъ стужи въ ветхихъ и раздранныхъ рубищахъ, а не удивительно, что и въ нихъ будутъ имѣть нужду; а мы будемъ нѣжить себя одеждою мягкою и роскошною, ѳоирными тканями льна и шелковаго червя; и между тѣмъ, какъ одними уборами болѣе только будемъ обезображивать себя, нежели сколько украшать, (ибо я почитаю безобразіемъ все излишнее и щегольское) другіе наряды, сія неумѣстная и безумная забота,—добыча червей и всепожирающаго времени, будутъ гнить у насъ въ кладовыхъ? Они ли будутъ нуждаться и въ необходимой пищѣ, (о роскошь моя, а ихъ томленіе!) и въ изнеможеніи и гладѣ будутъ валяться у воротъ нашихъ, не имѣя въ тѣлѣ своемъ даже средствъ къ проще-

нію,—голоса, чтобы рыдать; рукъ, чтобы простирать оныя для умилостивленія; ногъ, чтобы подступать къ богатымъ; дыханія, чтобы съ равною силою продолжать въ устахъ своихъ умилительную пѣснь; самое тяжкое зло считая для себя удобоносимымъ, благодаря однимъ глазамъ, что не видятъ собственнаго своего срама;— они ли останутся въ такомъ положеніи, а мы напротивъ того въ важности своей надменно будемъ возлежать на высокихъ и пышныхъ ложахъ, подъ богатыми и тонкими покрывалами, оскорбляясь и тѣмъ, естьли и одинъ голосъ прошенія ихъ достигнетъ до ушей нашихъ? Нужно для насъ, чтобы полы домовъ нашихъ часто и даже безвременно благоухали цвѣтами, а столъ орошался духами благовонными и драгоцѣнными для большаго раздраженія нѣги нашей!—Нужно, чтобы слуги предстояли предъ нами,—одни въ красивомъ порядкѣ и строю, имѣя по женски убранныя головы, на коихъ такъ искусно волосъ прибранъ къ волосу, что такое убранство показалось бы излишнимъ и для самыхъ похотливыхъ глазъ; другіе съ стаканами въ рукахъ, обходясь съ ними какъ

можно учшивѣе и осшорожнѣе, и почши не дошрогиваясь до нихъ пальцами; иные опахалами производили бы вѣшеръ надъ головою, и шихимъ, руками навѣваемымъ зефиромъ, прохлаждали жаръ ушучненнаго шѣла! Кромѣ шого необходимо, чшобы сшолъ нашъ обремененъ былъ мясными яствами, (шогда какъ воздухъ, земля и вода въ обиліи доставляюшъ намъ дары свои) и мы ушучняли бы себя искусными выдумками поваровъ и пекарей, и всѣ наперерывъ сшарались о шомъ, какъ бы больше угодишь жадному нашему и неблагодарному чреву,—сему шяжкому бремени, виновнику зла, сему никогда ненасышимому и вѣроломному звѣрю, снѣдающему самаго себя вмѣсшѣ съ пожираемыми имъ яствами! Для нихъ много значишъ ушолишь жажду и водою; а у насъ пѣнишся въ чашахъ вино;—пей до упоенія,—даже до безчувсшвія, есшьли кшо не воздерженъ! Да еще однимъ виномъ осшанемся недовольными, а другое похвалимъ за его пріяшный вкусъ; а о шрешьемъ начнемъ дѣлашь важныя замѣчанія, и бѣда, есшьли кромѣ своего не будешъ у насъ какого нибудь иносшраннаго вина, какъ царя между

подданными!—Ибо намъ должно провождать роскошную и нужды превыщающую жизнь, или, по крайней мѣрѣ, славиться такою жизнію во мнѣніи другихъ, какъ бы изъ страха, чтобы кто не изключилъ насъ изъ числа злыхъ рабовъ, служащихъ чреву и его прихотямъ!

Что это значитъ, други и братія? Для чего же и сами мы немоществуемъ душевною болѣзнію, несравненно опаснѣйшею тѣлесной? Ибо я знаю, что сія приходитъ не по волѣ нашей, а та по произволенію; сія оканчивается съ настоящею жизнію, а та сопровождаетъ насъ и за предѣлы гроба; одна достойна сожалѣнія, а другая ненависти, по крайней мѣрѣ, въ глазахъ людей здравомыслящихъ. Почему имѣя благопріятный случай, не оказываемъ помощи нашей природѣ? Почему, будучи сами плоть, не покрываемъ безобразія плоти? Для чего предаемся веселію среди несчастій братій нашихъ? Нѣтъ! не дай мнѣ Богъ, ни изобиловать тогда, когда они нуждаются, ни наслаждаться здравіемъ, естьли не могу пролить утѣшенія на раны ихъ, не имѣть ни по-

требной пищи, ни одежды, ни покойнаго крова, естьли и хлѣба не раздѣлю съ ними, и не снабжу ихъ по возможности одеждою и не упокою подъ кровомъ моимъ! Ибо мы должны или все оставить для Христа, дабы, возложивъ на рамена свои крестъ, могли истинно послѣдовать Ему; и бывъ легки и свободны, какъ отрѣшенные отъ всего, подобно крылатымъ парили бы въ превыспренній міръ, и возвысившись смиреніемъ и обогатившись убожествомъ, стяжали вмѣсто всего Христа; или должны имущество свое раздѣлить со Христомъ, дабы и самое обладаніе онаго освятилось чрезъ достойное обладаніе и чрезъ сообщеніе онаго неимущимъ. Естьли я буду сѣять для одного себя, то, скажу опять словами Іова: *пусть я посѣю, а иніи поядятъ; вмѣсто пшеницы да взыдетъ ми кропива, а вмѣсто ячменя терніе.* Пусть знойный вѣтеръ восхититъ и буря потребитъ посѣвъ мой такъ, чтобы всѣ труды мои остались напрасными. Естьли я также стану строить житницы, собирая сокровища отъ маммоны, и для маммоны, то пусть въ сію же самую ночь потребуютъ отъ меня душу мою для отчета

въ неправильномъ употребленіи богатства. Ужели наконецъ мы не очувствуемся? Ужели не отринемъ жестокосердія, естьли не лучше сказать, мѣлкихъ разщетовъ скупости? Ужели не подумаемъ объ участи человѣческой? Ужели при несчастіи другихъ не попечемся о благополучіи собственномъ? Ибо ничто человѣческое по существу своему не есть твердо, постоянно, продолжительно, неизмѣнно; но участь наша вращается подобно колесу, въ различныя времена, часто въ одинъ день, а иногда и въ одинъ часъ подвергаясь различнымъ перемѣнамъ; такъ что скорѣе можно положиться на постоянство вѣтровъ, на вѣрность слѣдовъ плывущаго корабля, на приманчивость доставляющихъ минутное удовольствіе ночныхъ сновидѣній, и на твердость тѣхъ строеній, какія дѣлаютъ изъ песка дѣти во время забавы, нежели на счастіе человѣческое. И такъ благоразумны тѣ, которые, не полагаясь на настоящія, ищутъ себѣ благъ будущихъ, и при непостоянствѣ и перемѣнчивости человѣческаго счастія, любятъ не гибнущую благотворительность. Неоспоримо, что они получаютъ за то по край-

ней мѣрѣ одно изъ сихъ трехъ возмездій; или то, что никогда не подвергаются бѣдствіямъ; ибо Богъ и земными благами часто надѣляетъ благочестивыхъ, призывая щедростію своею къ щедрости; или то, что и при самыхъ несчастіяхъ имѣютъ въ себѣ дерзновеніе къ Богу, зная, что они страждутъ не за нечестіе, но по нѣкоторому провидѣнію; или наконецъ то, что отъ тѣхъ, къ коимъ возвратилось благополучіе, они имѣютъ право требовать себѣ той же сострадательности, каковую сами оказывали имъ въ ихъ нуждѣ, когда цвѣло собственное ихъ счастіе. *Да не хвалится*, сказано, *мудрый мудростію своею, и богатый богатствомъ своимъ и сильный силою своею*, хотя бы кто достигъ самой высокой степени или премудрости, или богатства, или силы; а я прибавлю еще и то, что съ сими словами Писанія согласно: да не хвалится ни славный славою своею, ни здоровый здоровьемъ своимъ, ни благолѣпный лѣпотою своею, ни юный юностію своею, и, кратко сказать, ни чѣмъ, что составляетъ здѣсь предметъ хвалы, не долженъ хвалящійся хвалиться. Развѣ тѣмъ только хва-

ляющійся да хвалится, что онъ разумѣетъ и взыскуетъ Бога, сострадждетъ страждущимъ, и уготовляетъ себѣ какія блага для будущаго. Ибо то утекаетъ, улетаетъ вмѣстѣ съ временемъ, и, подобно какъ кости въ игрѣ, различнымъ образомъ мѣняется и переходитъ съ мѣста на мѣсто. И у владѣльца нѣтъ такой собственности, которую бы или время не унесло, или зависть не похитила. Напротивъ сіе прочно, крѣпко, никогда не убѣгаетъ, не изчезаетъ, и не разрушаетъ надеждъ своихъ владѣтелей. А что ни одно земное благо невѣрно людямъ и непродолжительно, сіе, мнѣ кажется, какъ и другое творческимъ словомъ и всякой умъ превосходящею премудростію устроено съ мудрою цѣлію, т. е. чтобы мы, бывъ игралищемъ видимыхъ вещей, въ различныя времена различнымъ подвергающихся и подвергающихъ перемѣнамъ, и то возвышающихся, то ниспадающихъ и какъ въ вихрѣ кружащихся, и прежде прикосновенія къ нимъ удаляющихся и скрывающихся отъ насъ, чтобы мы, узрѣвъ такую ихъ быстроту и скоротечность, скорѣе направляли путь свой къ пристанищу вѣчной жизни. Ибо

чтобы съ нами было тогда, когда бы счастіе наше было постоянно, естьли и при непостоянствѣ его мы такъ сильно привязываемся къ нему?— Когда льстивая, обманчивая прелесть его въ такихъ держитъ насъ узахъ, что мы ничего не можемъ себѣ и представить лучше и выше настоящаго, и это тогда, когда и знаемъ и вѣримъ, что мы сотворены по образу Божію, который въ стремленіи своемъ къ небу и насъ влечетъ съ собою? Кто премудръ и разумѣетъ сіе? Кто удаляется отъ удаляющагося? Кто прилѣпляется къ непремѣняемому, помышляетъ о настоящемъ, какъ о преходящемъ, а о грядущемъ, какъ о пребывающемъ? Кто отдѣляетъ существенность отъ мечты, любитъ первую, и ненавидитъ послѣднюю? Кто отличаетъ подобіе отъ истины, хижину дольную отъ града горняго, странствованіе отъ жительства, тьму отъ свѣта, глубокое блато отъ земли святой, плоть отъ духа, Бога отъ міродержителя, сѣнь смертную отъ жизни вѣчной? Кто покупаетъ настоящимъ будущее, тлѣннымъ богатствомъ нетлѣнное, видимымъ невидимое? По истинѣ блаженъ тотъ, кто, взвѣшивая то умомъ и разсѣкая ме-

чемъ слова, раздѣляющимъ истину отъ лжи, *полагаетъ*, какъ нѣгдѣ говоритъ Божественный Давидъ, *возхожденія въ седцѣ своемъ*, Псал. 83, 6. и всѣми силами убѣгая сей юдоли плача, стремится къ небесному отечеству, и распинаясь міру со Христомъ, со Христомъ возстаетъ, со Христомъ и восходитъ къ наслѣдію жизни уже не тлѣнной и обманчивой, гдѣ нѣтъ болѣе ядовитаго змія, уязвляющаго въ пяту, и уязвляемаго во главу. Ко всѣмъ намъ, какъ нѣкій громогласный проповѣдникъ, вопіетъ тотъ же Давидъ, высокою и всенародною проповѣдію научая насъ жестокосердыхъ и любящихъ суету, не слишкомъ прилагаться къ видимому, и не полагать всего земнаго благополучія единственно въ избыткѣ хлѣба и вина—сихъ скорогиблющихъ стяжаній. И блаженный Михей, конечно тоже самое имѣя въ виду, и вооружаясь противъ земныхъ и мнимыхъ благъ, *приближитеся*, говоритъ, *горамъ вѣчнымъ: востани и пойди, яко нѣсть тебѣ сей покой*. Мих. 2, 9. Сіе же пророческое изреченіе даже въ самыхъ словахъ совершенно почти сходно съ повелѣніемъ Господа и Спасителя нашего;—

съ какимъ? *Востаните, идемъ отсюду*, Іоа. 14, 31. сказалъ Онъ, побуждая симъ самымъ итти не тогдашнихъ только учениковъ, и не съ извѣстнаго мѣста на другое, какъ можетъ кто нибудь подумать, но призывая всегда и всѣхъ своихъ учениковъ отъ земли на небо, и отъ благъ земныхъ къ благамъ небеснымъ.

И такъ послѣдуемъ Слову, взыщемъ покоя небеснаго, отвергнемъ обиліе земное; тѣмъ только воспользуемся, что составляетъ достоинство его: — искупимъ души наши милостынею, дадимъ отъ имѣній нашихъ бѣднымъ, за что получимъ богатство небесное. Удѣли часть и для души, не все для одной плоти; удѣли часть и для Бога, не все для одного міра; отъими что нибудь у чрева и посвяти то духу; изхити что нибудь изъ огня, изключи изъ числа жертвъ пожирающаго пламени; изторгни у тиранна и препоручи Господу. *Даждь часть седьмимъ*, Еккл. 11, 2. т. е. для сей жизни, *и осьмимъ*, т. е. для той жизни, въ которую мы перейдемъ по смерти. Дай немного Тому, отъ котораго принялъ несра-

вненно больше; отдай и все Тому, кто все тебѣ даровалъ; ты никогда не будешь щедрѣе Бога, хотя бы отдалъ все свое имущество, хотя бы отдалъ вмѣстѣ и самаго себя; ибо и то самое, что ты рѣшился отдать себя Богу, есть даръ, который ты получилъ отъ Него. Сколько ты ни уплатишь Ему, но все еще гораздо больше будетъ оставаться на тебѣ, и ты ничего не дашь собственнаго, поелику все отъ Бога. И какъ не льзя упредить своей тѣни, которая по той мѣрѣ, какъ мы движемся впередъ, и сама переходитъ, и всегда въ равномъ разстояніи намъ предшествуетъ; и какъ тѣло не можетъ стать выше своей главы, всегда возвышающейся надъ тѣломъ; такъ равно и мы не можемъ превзойти Бога въ дарахъ. Ибо мы ничего не даемъ такого, что бы мы имѣли не отъ Него, и чего бы не подала намъ щедрая рука Его. Помысли, откуда въ тебѣ бытіе, дыханіе, самое помышленіе, и, что болѣе, откуда то, что ты знаешь Бога, чаешь царства небеснаго, равно-ангельскаго достоинства, созерцанія славы, которое здѣсь въ зерцалахъ и гаданіяхъ, а тамъ будетъ совершеннѣйшее и

чистѣйшее;—чаешь быть сыномъ Божіимъ, снаслѣдникомъ Христовымъ, и смѣло скажу, самимъ Богомъ? Откуда имѣешь ты все сіе и отъ кого? Или, естьли обратиться къ менѣе важнымъ и видимымъ дарамъ: кто далъ тебѣ зрѣть красоту неба, теченіе солнца, кругъ луны, множество звѣздъ, и во всемъ томъ, подобно какъ въ струнахъ лиры, всегда одинаковую гармонію и правильность;—преемственность частей года, измѣненія временъ, круговращенія лѣтъ, соразмѣрность дня и ночи, произведенія земли, протяженность воздуха, широту волнующагося и спокойно движущагося моря, глубину рѣкъ, порывы вѣтровъ?—Кто даровалъ тебѣ дожди, земледѣліе, пищу, искусства, жилища, законы, общества, жизнь безмятежную, искреннее обращеніе съ единокровными? Откуда то, что одни животныя кротки и покорны, а другія служатъ тебѣ въ пищу? Кто поставилъ тебя господиномъ и царемъ надъ всею землею? Кто, не говоря въ особенности, даровалъ тебѣ все то, чѣмъ превосходитъ человѣкъ всѣ земныя существа? Не тотъ ли, кто теперь прежде всего и вмѣсто всего требу-

етъ отъ тебя человѣколюбія? Не ужели не стыдно будетъ намъ, естьли за толикія благодѣянія Его, изъ коихъ однѣ получили уже, а другія получить надѣемся, мы не принесемъ Ему и сего одного дара человѣколюбія? И тогда какъ Онъ отличилъ насъ отъ звѣрей, и только однихъ насъ на землѣ почтилъ разумомъ, ужели мы сами себя превратимъ въ звѣрей? Ужели роскошь столько развратила насъ, или въ такое привела насъ безуміе, или (но я больше не нахожу словъ,) что мы имѣя у себя какой нибудь лишній и лучшій кусокъ хлѣба, и то, можетъ быть, неправедно пріобрѣтенный, будемъ считать себя и по самой природѣ лучшими сихъ несчастныхъ? Ужели, какъ въ древности баснословный родъ гигантовъ превозносился надъ прочими людьми, такъ и мы будемъ величаться предъ ними и ставить себя выше людей, какъ Невродъ, или потомки Энаковы, угнетавшіе нѣкогда Израиля, или тѣ, злодѣянія коихъ низвели потопъ на землю? Ежели Богъ и Владыка не стыдится называться отцемъ нашимъ, то мы ли отречемся отъ сродства? Нѣтъ, любезныя братія! не будемъ неправедными рас-

порядителями ввѣреннаго намъ, дабы не коснулось и насъ обличеніе Петра: *Стыдитесь вы, удерживающіе у себя чуждое, подражайте правотѣ Божіей, и ни одного не будетъ бѣднаго* *). Не будемъ томить себя, собирая и сберегая сокровища тогда, какъ другіе томятся отъ бѣдности, дабы не поразилъ насъ сею жестокою укоризною и угрозою Божественный Амосъ: О вы, *глаголющіи: когда прейдетъ мѣсяцъ и продамы, и (когда прейдутъ) субботы, и отверземъ сокровища наша,* и далѣе, гдѣ онъ низводитъ мщеніе Божіе на творящихъ мѣру малую и увеличающихъ мѣрило; и еще прежде того, гдѣ онъ осуждаетъ роскошь Іудеевъ, раждающую обиды,—то, что они нѣжатся на одрахъ изъ слоновой кости, намащаются многоцѣнными вонями, пресыщаются тучными тельцами отъ стадъ и козлищами отъ паствъ, сопровождаютъ рукоплесканіями гласы музыкальныхъ орудій, а болѣе то, что въ забавахъ сихъ они находятъ прочность и постоянство; и—гдѣ не столько важнымъ почитаетъ и сіе, сколько

*) Слова сіи взяты изъ постановленій Апостольскихъ.

то, что, предаваясь удовольствіямъ, они нисколько не сострашдутъ въ сокрушеніи Іосифовѣ, такъ какъ къ укоризнѣ пресыщенія онъ присовокупляетъ и сію.

Не будемъ и мы таковы же, не попустимъ себѣ до того забываться въ наслажденіяхъ, чтобы вознерадѣть о милосердіи раздражающагося симъ Бога, хотя Онъ и не вдругъ и не тотчасъ по преступленіи изливаетъ ярость свою на грѣшниковъ. Послѣдуемъ главному и высочайшему закону Господа, который посылаетъ дождь на праведныхъ и грѣшныхъ, Мат. 5, 45. и солнцу своему велитъ восходить одинаково надъ всѣми, который живущимъ на землѣ предоставилъ всю землю, и источники и рѣки и лѣса, плавающимъ въ воздухѣ воздухъ; плавающимъ въ водахъ воду, и даровалъ всѣмъ изобильно необходимыя потребности жизни, кои и власти не подлежатъ, и закономъ не ограничиваются, и предѣлами не стѣсняются, надѣливъ оными всѣхъ щедро, и слѣдовательно безъ всякаго недостатка, для того, дабы одинаковостію даровъ утвердить и одинаковое достоинство природы нашей, и вмѣстѣ,

дабы показать богатство благости своей. А люди зарывъ въ землю злато, сребро, дорогія и лишнія изъ одеждъ, свѣтояркіе камни, и другія подобныя драгоцѣнности,— свидѣтельства брани, раздѣленій и древняго тиранства, послѣ того, безумные, еще подымаютъ брови свои, и бѣдствующимъ изъ братій своихъ отказываютъ въ милосердіи, не желая даже и излишками своими помочь имъ въ крайности. О невѣжество! О слѣпота! Не говоря о другомъ, по крайней мѣрѣ, они бы подумали, что бѣдность и богатство, свобода (въ обыкновенномъ смыслѣ принимаемая) и рабство, и другія подобныя симъ имена уже послѣ стали слышны въ родѣ человѣческомъ, какъ нѣкоторыя заразы вторгнувшись вмѣстѣ съ грѣхомъ, который ихъ произвелъ. Отъ начала же, какъ говоритъ Писаніе, не было такъ. Но сотворившій въ началѣ человѣка, сдѣлалъ его свободнымъ, самовластнымъ распорядителемъ, ограничивъ его одною только заповѣдію, и позволивъ ему всѣ наслажденія Рая. Благоволивъ же содѣлать участникомъ сего блаженства и весь родъ человѣческій, даровалъ ему оное во одномъ первомъ сѣмени.

Такимъ образомъ свобода и богатство заключались тогда единственно въ соблюденіи заповѣди; а истинная бѣдность и рабство въ преступленіи оной. Но съ того времени, какъ стала свирѣпствовать зависть, появились раздоры, и началось коварное владычество змія, непрестанно обольщающее насъ приманкою удовольствія, и вооружающее сильныхъ противу слабыхъ, съ того времени единое семейство расторгнуто различіемъ наименованій, и властолюбіе, получивъ еще въ подкрѣпленіе своего могущества законъ, уничтожило благородство природы. И такъ ты смотри на первоначальное равенство, а не на послѣдовавшее раздѣленіе, не на законъ властителя, а на законъ Создателя. Помоги, сколько можешь, природѣ, почти первобытную свободу, уважь самаго себя, покрой безславіе рода своего; не оставь въ болѣзни, подкрѣпи въ нуждѣ; наслаждаешься здравіемъ? утѣшь болящаго; владѣешь богатствомъ? снабди бѣднаго; не испыталъ паденія? подъими падшаго и сокрушеннаго; веселъ? обрадуй скорбящаго; пользуешься благопріятствомъ счастія? облегчи участь удрученнаго

бѣдствіями. Возблагодари сколько нибудь Бога за то, что ты изъ числа имѣющихъ возможность благодѣтельствовать, а не изъ числа требующихъ благодѣянія, что не ты смотришь въ чужія руки, а другіе въ твои; обогати себя не только имѣніемъ, но и благочестіемъ, не только златомъ, но и добродѣтелію, или лучше, ею только одною. Покажи, что предъ другими ты предпочтительнѣе потому, что благотворительнѣе; будь для несчастнаго Богомъ, подражая милосердію Божію. Ибо ничто столько не уподобляетъ человѣка Богу, какъ благотвореніе; хотя Богъ несравненно больше, а человѣкъ меньше благодѣтельствуетъ, разумѣется, сообразно своимъ совершенствамъ. Богъ сотворилъ человѣка и снова возставляетъ его изъ тлѣнія; а ты не презри падшаго. Богъ явилъ человѣку величайшее милосердіе, когда далъ ему кромѣ всего прочаго законъ, Пророковъ, и еще прежде того законъ естественный—сего не въ письмени содержащагося судію дѣлъ; когда обличалъ, вразумлялъ, наставлялъ его, наконецъ предалъ Самаго Себя за искупленіе міра; поставилъ Апостоловъ, благовѣстниковъ, учителей,

пастырей, явилъ исцѣленія, чудеса; возвратилъ жизнь, разрушилъ смерть, восторжествовалъ надъ побѣдителемъ, даровалъ завѣтъ сѣни и завѣтъ истины, ниспослалъ различныя дарованія Св. Духа, совершилъ таинство новаго спасенія. И ты съ своей стороны, ежели можешь важнѣйшія оказывать благодѣянія, тѣ, кои пользуютъ душу, (ибо естьли пожелаешь принять, Богъ надѣляетъ тебя и симъ богатствомъ) то не откажись и симъ помочь требующему, или лучше, таковыя-то благодѣянія ты и долженъ оказывать просящему, прежде всего и паче всего, не ожидая прошенія его, весь день милуя, и въ заемъ дая слово наставленія, и неопустительно взыскивая взятое у тебя въ долгъ съ лихвою, которая должна постепенно расти у должника, и которую всегда пріобрѣтаетъ отъ наставленія тотъ, кто мало помалу пріумножаетъ въ себѣ сѣмена благочестія. Естьли же ты не можешь оказывать такихъ благодѣяній; то, по крайней мѣрѣ, окажи не такъ большія и важныя, которыя не превышаютъ силъ твоихъ. Помоги въ нуждѣ, принеси пищу, подай рубище, приготовь лѣкарство, пере-

вяжи раны, разспроси сколько нибудь о бѣдственномъ положеніи, поговори о терпѣніи, осмѣлься, подойди. Ты не сдѣлаешься отъ того хуже прежняго, болѣзнь къ тебѣ не пристанетъ, хотя и думаютъ такъ люди слишкомъ изнѣженные, занятые предразсудками, и еще болѣе, хотя и стараются защитить тѣмъ свою предусмотрительность, естьли не беззаконную нечувствительность, прибѣгая къ трусости, какъ оправданію значительному и благоразумному. Въ семъ могутъ тебя удостовѣрить и здравыя разсужденія, и врачи, и родные, имъ прислуживающіе, изъ коихъ ни одинъ еще, обращаясь съ ними, доселѣ не подвергался опасности. Но хотя бы сіе соединено было со страхомъ и заботливостію, ты, рабъ Христовъ, Боголюбивый и человѣколюбивый, ни мало не теряй духа! Дерзай вѣрою, побѣди боязнь сожалѣніемъ, изнѣженность свою страхомъ Божіимъ; предпочти благочестіе плотскимъ помышленіямъ; не презри, не обойди брата твоего, не гнушайся имъ, какъ нечистотою, какъ скверною, какъ другимъ какимъ предметомъ, достойнымъ отвращенія. Твой онъ членъ, хо-

тія несчастіе и покривило его; тебѣ оставленъ нищій, какъ Богу, (Псал. 9, 35.) хотя ты и слишкомъ великодушно проходишь мимо его; (можетъ быть, слова мои пристыдятъ тебя!) Тебѣ открытъ благодѣтельный случай показать свое человѣколюбіе, хотя врагъ и отклоняетъ тебя воспользоваться симъ благодѣяніемъ. Всякій мореплаватель близокъ къ кораблекрушенію; и тѣмъ ближе къ оному, чѣмъ плыветъ съ большею отважностію. Равно и всякій обложенный тѣломъ не далекъ отъ бѣдъ тѣлесныхъ, и тѣмъ ближе къ нимъ, естьли ходитъ съ поднятымъ челомъ, не удостоивая и взора тѣхъ, которые лежатъ предъ его глазами. Доколѣ плывешь при благопріятномъ вѣтрѣ, простри руку помощи борющемуся съ волнами; доколѣ здоровъ и богатъ, пособи злостраждущему; не дождись того, чтобы испытать на самомъ себѣ, какъ велико зло—безчеловѣчіе, и какъ велико сокровище—сердце отверстое требующимъ. Не доведи Бога до того, чтобы Онъ вознесъ руку свою на возносящихъ выю свою, и пренебрегающихъ убогихъ. Лучше на чужихъ бѣдствіяхъ дознай то. Дай самую

милость бѣдному; и то не будетъ малостію для того, кто во всемъ нуждается,— и для Бога, естьли подаяніе будетъ по достатку. Покажи готовность благодѣтельствовать, и то будетъ великое благодѣяніе, естьли ничего не имѣешь, — прослезись. Большая бѣдняку отрада — сострадание, отъ души произходящее. Бремя несчастія становится гораздо легче, когда раздѣляетъ его искренно соболѣзнующее сердце. Ты не долженъ, человѣкъ, считать человѣка хуже животнаго, которое, когда упадетъ въ ровъ, законъ повелѣваетъ тебѣ извлечь, или когда заблудитъ, отъискать. Заключаетъ ли въ себѣ повелѣніе сіе другой сокровеннѣйшій и глубочайшій смыслъ, (чему подобнаго много имѣетъ въ себѣ глубина и двузнаменательность закона)—не мое дѣло знать то, но все испытующаго и познающаго Духа. Однако, сколько я могу понимать, и сколько относится къ моему слову, скажу, что повелѣніе сіе имѣетъ цѣлію — отъ милосердія къ тварямъ малозначительнымъ возвести насъ къ милосердію совершеннѣйшему и важнѣйшему. Ибо сколь велико оно должно быть тогда, какъ имѣетъ въ

предметѣ существа одного съ нами рода и достоинства, естьли уже простирается и на самыхъ безсловесныхъ. Такъ научаетъ и разумъ, такъ повелѣваетъ и законъ, такъ мыслятъ и безкорыстнѣйшіе изъ людей, которые болѣе любятъ давать, нежели принимать, и лучше хотятъ расточать милосердіемъ, нежели пріобрѣтать корыстію.

Что же сказать о нашихъ мудрецахъ? Я уже не говорю о язычникахъ, которые, дѣлая боговъ покровителями страстей, и богу прибытковъ посвящаютъ начатки, а что еще и сего хуже, у нѣкоторыхъ народовъ есть обыкновеніе нѣкоторымъ божествамъ приносить и людей на жертву, и безчеловѣчіе входитъ у нихъ въ составъ богослуженія; и сами они, находя удовольствіе въ таковыхъ жертвахъ, судятъ и о своихъ богахъ по себѣ, будучи недостойными жрецами и служителями недостойныхъ боговъ. Но, что и слезъ достойно, находятся и между Христіанами такіе, которые не только не соболѣзнуютъ и не вспомоществуютъ страждущимъ, но еще жестоко обижаютъ ихъ, нападаютъ на нихъ,

дѣлаютъ пустыя и ничего нестоющія суждения, говорятъ совершенно по земному, произносятъ слова на вѣтеръ, а не для нѣжнаго, привыкшаго къ Божественнымъ истинамъ, слуха говорятъ такъ дерзко: „Богъ послалъ на нихъ несчастіе; Богъ по„слалъ намъ счастіе. И кто я, чтобы „смѣлъ нарушать опредѣленіе Божіе и по„казывать себя милостивѣе Бога? Томись, „страдай, бѣдствуй, Богу такъ угодно.“ Замѣтьте же, что они тамъ только и благочестивы, гдѣ нужно беречь свои карманы, и гдѣ можно величаться надъ несчастными. А правда ли то, что они признаютъ Бога виновникомъ благополучія своего: это ясно видно изъ словъ ихъ. Ибо станетъ ли такъ разсуждать о бѣдныхъ томъ, кто признаетъ Бога подателемъ всего, что онъ имѣетъ? Поелику одно и то же: получить ли что нибудь отъ Бога, или полученное употреблять по волѣ Божіей. По Божію ли опредѣленію они страждутъ, — это также неизвѣстно, и останется неизвѣстнымъ дотолѣ, доколѣ сія грубая масса будетъ сама отъ себя возмущаться, подобно источнику. И поче-

му кто знаетъ, наказывается ли сей за худую жизнь, а тотъ по достоинству возвышается? Не лучше ли сказать напротивъ: Сей за свою неправду возводится на высоту, а тотъ за свою добродѣтель терпитъ искушеніе? Сей выше возносится, дабы и упасть сильнѣе, и послѣ того, какъ все развращеніе его, подобно болѣзни, выступитъ наружу, строжайшему подвергнуться наказанію; а тотъ неожиданно впадаетъ въ тѣсноту, дабы искусившись, подобно злату въ пещи, излилъ изъ себя и малѣйшую, какая въ немъ остается, примѣсь нечистоты, (ибо нѣтъ никого, ктобъ совершенно чистъ былъ отъ скверны по естественному рожденію, какъ извѣстно намъ изъ Писанія, Іов. 14, 4.) или содѣлался и еще совершеннѣе, такъ какъ я нахожу въ Священномъ Писаніи и сію тайну? Но продолжительно было бы изчислять всѣ, относящіяся сюда, изрѣченія Св. Духа. И кто изчислитъ песокъ морскій, капли дождевыя, и измѣритъ моря глубину? Равнымъ образомъ кто можетъ изслѣдовать во всемъ глубину премудрости Божіей, которою Онъ и сотворилъ все,

и управляетъ всѣмъ такъ, какъ хочетъ и какъ знаетъ? Довольно для насъ, по примѣру Божественнаго Апостола, подивиться только ей и сказать, что она недосязаема и недовѣдома: *О глубина богатства и премудрости и разума Божія, яко неиспытани судове Его и неизлѣдовани путіе Его! И кто разумѣ умъ Господень?* Рим. 11, 33. 34. Кто въ послѣдняя премудрости Его достигъ? говорится у Іова. (— 11, 7.) Кто премудръ и уразумѣетъ сія, и превышающее мѣру, кто отважится измѣрять мѣрою конечною? И такъ пусть кто нибудь другой будетъ на то смѣлъ и отваженъ, а лучше, естьли бы никто. Но я съ своей стороны ни какъ не осмѣливаюсь ни бѣдствія настоящей жизни приписывать пороку, ни мирное состояніе добродѣтели. Правда, случается и то, и притомъ съ пользою, дабы съ одной стороны страданія порочныхъ останавливали стремленіе порока, а съ другой, благоденствіе добродѣтельныхъ споспѣшествовало успѣхамъ добродѣтели; однако то бываетъ не всегда и не вполнѣ, что собственно принадлежитъ жизни будущей, гдѣ одни получатъ награду за

добродѣтель, а другіе наказаніе за грѣхи. *Востанутъ бо*, сказано, *сіи въ воскрешеніе живота, а сіи въ воскрешеніе суда.* Іоа. 5, 29. Но жизнь настоящая имѣетъ другой законъ и другое правленіе, хотя все въ ней направлено къ будущей. То, что кажется намъ несообразностію, безъ сомнѣнія имѣетъ какую нибудь сообразность у Бога. На примѣръ, есть въ тѣлѣ части выпуклыя и впалыя, великія и малыя; также и на землѣ есть мѣста высокія и низкія; но все сіе во взаимной между собою связи и образуетъ ту красоту, которую мы видимъ. Равно и у художника сначала представляющаяся безпорядочною и нестройною матерія принимаетъ изящнѣйшій видъ, когда доведена будетъ да надлежащаго въ своемъ родѣ степени искусства, и мы тогда только разумѣемъ то и соглашаемся въ томъ, когда увидимъ произведеніе въ совершенной его красотѣ. Не льзя о Богѣ думать такъ, что Онъ, подобно намъ, несовершенъ; и находить вездѣ худое управленіе, потому единственно, что намъ неизвѣстенъ образъ управленія. Инежели бы нужно было уподобить чему

нибудь состояніе духа нашего; то мы немного различествуемъ отъ людей, томящихся тошнотою и круженіемъ головы, которые, кружась сами, думаютъ, что и все съ ними кружится. Таковы и тѣ, о которыхъ теперь говоримъ. Они не хотятъ, чтобы Богъ былъ мудрѣе ихъ, тогда какъ находятъ для себя неразрѣшимымъ какое-либо произшествіе; и вмѣсто того, чтобы имъ или самимъ потрудиться въ изысканіи причины онаго, въ той надеждѣ, что, можетъ быть, трудолюбивымъ искателямъ откроется истина; или посовѣтоваться о томъ съ людьми мудрѣйшими себя и опытнѣйшими въ духовныхъ вещахъ, (поелику и это есть одно изъ дарованій, и вѣдѣніе не всѣмъ принадлежитъ;) или пріобрѣтать оное чистотою жизни, и просить мудрости у истинной Мудрости, они, какое невѣжество! берутся за то, что легче; клевещутъ, будто все въ мірѣ происходитъ безъ причины, потому только, что сами не постигаютъ оной. Такимъ образомъ отъ своего невѣжества люди дѣлаются мудрецами, или, такъ сказать, отъ излишней мудрости становятся глупцами и безумцами. От-

селѣ одни ввели счастіе и самослучайность, что подлинно есть случайно и на удачу слѣпленный вымыслъ. Другіе-какое-то механическое и неотклонимое владычество звѣздъ, которыя по своему произволенію сплетаютъ участь нашу, и еще хуже, которыя и сами сплетаютъ по необходимости; выдумали какихъ-то блуждающихъ и неблуждающихъ звѣздъ встрѣчи и уклоненія, и движеніе, управляющее всѣмъ міромъ. Иные, какъ кому снилось, подъ покровомъ различныхъ мнѣній и наименованій, внесли въ обремененный заблужденіями родъ человѣческій новое заблужденіе: будто есть и такія вещи, до коихъ не простирается взоръ и самаго Провидѣнія. Были и такіе, которые также слишкомъ ограничили Провидѣніе, и распространивъ власть его на кругъ небесный, къ намъ самимъ, болѣе всего имѣющимъ въ немъ нужду, низвести его не разсудили, какъ бы изъ опасенія, дабы Благодѣтеля не показать тѣмъ благодѣтельнѣйшимъ, чѣмъ больше существъ, пользующихся Его благодѣяніями; или, чтобы не обременить Бога, заставивъ Его благотворить большему числу твореній.

*

Но оставимъ самимъ себѣ тѣхъ и другихъ, поелику еще прежде Слово Божіе довольно показало ихъ невѣжество, когда сказало: *Осуетилось безсмысленное ихъ сердце; называя себя мудрыми, обезумѣли, и измѣнили славу нетлѣннаго Бога*, Рим. 1, 21. 22. 23. исказивъ своими баснями и мечтаніями всеобъемлющій Промыслъ. Что касается до насъ, то мы ни сами не должны изобрѣтать такихъ чудовищныхъ мнѣній, естьли только какъ существа словесныя и служители высочайшаго Слова, уважаемъ сколько нибудь слово; ни соглашаться съ мнѣніями тѣхъ, которые такъ думаютъ, хотя бы они старались истощить всю силу краснорѣчія въ нелѣпыхъ умствованіяхъ, и украсить плѣнительною новостію ученіе свое. Но вѣруя, что есть Богъ, Творецъ и Зиждитель вселенной, (ибо какъ бы она могла существовать, естьли бы кто не осуществилъ и не устроилъ ее?) и вмѣстѣ признавая всесодержащій и всѣмъ управляющій Промыслъ, (поелику гдѣ есть Творецъ, тамъ необходимо долженъ быть и Промыслитель, иначе бы міръ, оставленный на произволъ случая, долженъ былъ

подобно вихремъ носимому кораблю немедленно разрушиться и разсыпаться по причинѣ безпорядочнаго движенія матеріи, и обратиться въ первоначальный хаосъ и неустройство). Наипаче мы должны быть увѣрены въ томъ, что нашъ Творецъ или Художникъ, какъ угодно назови, особеннымъ образомъ назираетъ нашу участь, хотя жизнь наша и подвержена бываетъ скорбямъ, причины коихъ для того, можетъ быть, остаются неразрѣшимыми для насъ, дабы мы, не постигая оныхъ, благоговѣли предъ непостижимымъ умомъ. Поелику все то, что легко открывается понятію нашему, легко также теряетъ и уваженіе наше, а что выше нашего понятія, то производитъ въ насъ удивленіе къ себѣ, тѣмъ большее, чѣмъ непостижимѣе предметъ; также, что убѣгаетъ умѣреннаго желанія нашего, то возбуждаетъ въ насъ сильное къ себѣ стремленіе. По сему мы не должны ни слишкомъ ублажать крѣпкое здоровье, ни презирать болѣзнь; не должны ни къ тлѣнному богатству прилѣпляться, и болѣе надлежащаго прилагать сердце свое къ сему бѣглому потоку, какъ бы трата

на то силы души своей, ни воставать на бѣдность, какъ на участь совершенно презрѣнную, проклятіе и ненависть заслуживающую. Научимся лучше и презирать скотское здоровье, отъ котораго нечего болѣе ждать, кромѣ грѣха, и почитать благочестивую болѣзнь, уважая тѣхъ, которые болѣзнію пріобрѣли побѣдные вѣнцы. Всякому, думаю, извѣстно, кто былъ и въ болѣзни Іовъ: несравненно превосходнѣе всѣхъ здоровыхъ, хотя онъ и скоблилъ съ себя гной, хотя и томился день и ночь подъ открытымъ небомъ, страдая отъ язвы, жены, друзей. Научимся также отметать и неправедное богатство, за которое праведно страждетъ богачь во пламени, прося одной капли воды для прохлажденія; и почитать благодушную и терпѣливую бѣдность, которая не помѣшала спастись Лазарю, и обогатиться блаженствомъ покоя въ нѣдрахъ Авраамовыхъ. Мнѣ кажется и потому еще необходимо человѣколюбіе и благосердіе къ бѣднымъ, чтобы заграждать уста неблагосерднымъ, и не уступать пустымъ мудрованіямъ ихъ, дабы жестокій приговоръ не палъ на насъ самихъ.

Но здѣсь болѣе всего должны мы уважать заповѣдь и свидѣтельство. Какая это заповѣдь? Смотритежъ, какъ она непремѣняема и непреложна. Ибо не однажды, не дважды упоминаютъ какъ нибудь о бѣдныхъ мужи Бого-вдохновенные, и только, и не такъ, чтобы одни упоминали, а другіе нѣтъ; или тѣ болѣе, а тѣ менѣе, какъ не о важномъ какомъ и необходимомъ предметѣ. Нѣтъ, они и всѣ вообще, и каждый въ особенности, почитая сію заповѣдь или главною, или какъ одною изъ главныхъ, съ особенною ревностію призываютъ къ оной то увѣщаніями, то угрозами, иногда упреками: а иногда и похвалами милосерднымъ; и все сіе для того, дабы непрестаннымъ напоминовеніемъ вперить въ насъ ревность къ исполненію оной. *Страсти ради нищихъ, и воздыханія убогихъ нынѣ,* говоритъ Писаніе, *воскресну, глаголетъ Господь.* Псал. 11, 6. Кто не убоится востающаго Господа? И въ другомъ мѣстѣ: *Воскресни Господи Боже мой, да вознесется рука Твоя, не забуди убогихъ.* Псал. 9, 33. Отклонимъ молитвою такое возвышеніе руки, и не пожелаемъ того, чтобы видѣть руку, возносимую

на непокорныхъ, или лучше, низводимую уже на жестокосердыхъ. И еще: *Не забы званія убогихъ*, ст. 13. *не до конца забвенъ будетъ нищій.* 19. *Очи Его на нищаю призираютъ*; Псал. 10, 4. а быть подъ защитою очей гораздо выше и преимущественнѣе, нежели вѣждей. Ибо *вѣжди Его испытуютъ сыны человѣческія*, каковое испытаніе есть какъ бы низшее и второстепенное смотрѣніе Промысла. Но, можетъ быть, скажетъ кто, что здѣсь говорится о нищихъ и убогихъ, неправедно притѣсняемыхъ. Не спорю, но сіе то между прочимъ и должо побудить тебя къ человѣколюбію. Какъ ни строго наказываетъ Богъ за причиняемыя обиды; но гораздо болѣе награждаетъ за оказываемыя благодѣянія. Есть-ли *ругаяйся убогому, раздражаетъ сотворшаго его*, Прит. 17, 5. то почитающій твореніе, почитаетъ Творца. Опять, когда ты слышишь слова: *Нищъ и богатъ срѣтоста другъ друга: обоихъ же Господь сотвори*; 22, 2. то не думай, будто Богъ сдѣлалъ одного убогимъ, а другаго богатымъ, дабы ты съ большею силою не сталъ нападать на бѣднаго: ибо неизвѣстно, отъ

Бога ли произошло такое раздѣленіе; показываетъ же симъ Писаніе то, что тотъ и другой равно сотворены Богомъ, хотя они и неравны по внѣшнему состоянію. Пусть это подвигнетъ тебя къ состраданію и братолюбію, чтобы тогда, какъ ты, при взорѣ на свое богатство, возгордился бы, при мысли о своемъ произхожденіи, смирилъ и воздержалъ себя. Что еще? *Милуяй нища, взаимъ даетъ Богови.* Приш. 19, 17. Кто же не пожелаетъ имѣть у себя такого должника, который отдастъ долгъ во время свое съ лихвою? И опять: *Милостынями и вѣрою очищаются грѣхи.* 15, 27. И такъ очистимъ себя милосердіемъ; отремъ благовоннымъ цвѣтомъ симъ нечистоты и скверны душъ нашихъ, и убѣлимся одни подобно волнѣ, а другіе подобно снѣгу, по мѣрѣ милосердія. Я скажу еще нѣчто важнѣйшее. Естьли у тебя нѣтъ никакой болѣзни, ни струпа, ни раны рдѣющейся, никакой душевной проказы, ни язвы знаменія или блеска, (Лев. 13.) что отъ части только исцѣляетъ законъ, и гдѣ необходимо врачеваніе Христово: ты, по крайней мѣрѣ, почти Того, кто тер-

нёлъ за насъ язвы и болѣзни. А ты почтешь Его, ежели будешь милостивъ и человѣколюбивъ къ члену Христову. Естьли врагъ и тать душъ нашихъ, или во время пути твоего изъ Іерусалима въ Іерихонъ, или въ другомъ какомъ-либо мѣстѣ, напавъ на тебя, безоружнаго и неготоваго къ оборонѣ, до того, можетъ быть, изранилъ тебя, что ты справедливо можешь сказать: *Возсмердѣша и согниша раны моя, отъ лица безумія моего;* Псал. 37, 6. естьли ты, находясь въ такомъ состояніи, ни врачевства не ищешь, да и средства не знаешь къ уврачеванію твоему, — ахъ! это ужъ подлинно язва, и бѣда крайняя. Но естьли ты не совершенно преданъ отчаянію, и еще есть надежда къ твоему исцѣленію; то бѣги ко Врачу, моли Его, лѣчи раны ранами, достигай подобной цѣли подобными путями, или лучше, меньшими средствами изгоняй большія болѣзни. Онъ скажетъ душѣ твоей: *Спасеніе твое есмь Азъ;* Псал. 34, 3. скажетъ: *Вѣра твоя спасе тя;* Лук. 7, 50. *се здравъ еси,* Іоан. 5, 14. словомъ, Онъ изольетъ на тебя всю сладость глаголовъ человѣколюбія, естьли толь-

ко увидитъ, что ты и самъ человѣколюбивъ къ болѣзнующимъ. *Блажени милостивіи: яко тіи помилованы будутъ.* Матѳ. 5, 7. Между блаженствами непослѣднее мѣсто занимаетъ милость; также: *Блаженъ разумѣваяй на нища и убога; благъ мужъ щедря и дая;* Псал. 111, 5. *весь день милуетъ, и взаимъ даетъ праведный.* 36, 26. Восхитимъ же *блаженство,* заслужимъ наименованіе *разумѣвающихъ,* содѣлаемся *благими;* самая ночь да неотторгаетъ тебя отъ дѣла милосердія. Не рцы: *Отшедъ возвратися, и заутра дамъ ти.* Прит. 3, 28. Не дѣлай ни малѣйшаго промежутка времени между намѣреніемъ и самымъ благотвореніемъ. Одно только человѣколюбіе не терпитъ отсрочки. *Раздробляй алчущымъ хлѣбъ твой, и нищыя безкровныя введи въ домъ твой;* Пс. 58, 7. и сдѣлай то отъ души. *Милуй,* какъ сказано, съ веселіемъ, и готовность твоя усугубитъ цѣну добраго дѣла твоего. Даръ, который дается съ печалію или принужденіемъ, не есть добрый и достойный даръ. Оказывая благодѣянія, должно радоваться, а не сѣтовать. Ежели ты отнимешь отъ себя *соузъ и рукобіеніе,* какъ сказано въ ст. 9, то есть,

будешь благотворить безъ разчетовъ, не по выбору, или съ сомнѣніемъ и ропотомъ: то что изъ сего послѣдуетъ? Какъ велико то и чудно! Какая и коликая награда за то! *Разверзется рано свѣтъ твой, и исцѣленія твоя скоро возсіяютъ.* ст. 8. Кто же не пожелаетъ себѣ свѣта и исцѣленія? Но я беру также въ уваженіе и ковчежецъ Христовъ; и онъ призываетъ насъ къ питанію бѣдныхъ; согласіе Апостоловъ Петра и Павла въ томъ, что, раздѣливъ между собою проповѣдь Евангелія, они общими силами пеклись о бѣдныхъ; и также совершенщенство юноши, опредѣленное такимъ повелѣніемъ: чтобы онъ роздалъ имѣніе свое нищимъ. Ужели ты думаешь, что благотворительность есть для тебя не необходимая, а произвольная обязанность, не законъ, а совѣсть? Я бы и самъ охотно желалъ согласиться на послѣднее; но меня устрашаютъ: лѣвая сторона, и козлища, и проклятія отъ Судіи, поставившаго ихъ ошуюю. Онѣ осуждаются такъ не за то, что похищали чуждое, что осквернили себя святотатствомъ или прелюбодѣяніемъ, или пре-

ступили другую какую заповѣдь, но, что въ лицѣ бѣдныхъ не служили Христу.

И такъ, естьли вы, рабы Христовы, братія и сонаслѣдники! сколько нибудь имѣете ко мнѣ послушанія; то, доколѣ еще есть время, посѣтимъ Христа, послужимъ Христу, напитаемъ Христа, одѣнемъ Христа, примемъ Христа, почтимъ Христа не только трапезою, какъ нѣкоторые; не мастьми благовонными, какъ Марія; не гробомъ токмо, какъ Іосифъ Аримаѳейскій; ни приготовленіями обыкновенными при погребеніи, какъ Никодимъ, въ половину только показавшій любовь свою ко Христу; не златомъ, ливаномъ и смирною, какъ еще прежде Волхвы; но поелику Господь всяческихъ милости хочетъ, а не жертвы, и милосердіе дороже тѣмъ тучныхъ агнцевъ, то сіето милосердіе и принесемъ Ему въ лицѣ бѣдныхъ, и долу нынѣ влачащихся, дабы тогда, какъ мы отыдемъ отъ земли, они приняли насъ въ вѣчныя обители, въ лонѣ самаго Христа, Господа нашего, которому слава во вѣки. Аминь.

IX.

ДРУЖЕСТВЕННЫЯ УВѢЩАНІЯ БЛАЖЕННАГО АВГУСТИНА.

1. *Духъ Писанія.*

Сущность всего Божественнаго Писанія заключается въ любви къ Богу и ближнимъ. Ибо небесный Учитель нашъ говоритъ: *Возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ и всею душею твоею и всѣмъ разумѣніемъ твоимъ, и возлюби ближняго твоего, какъ самаго себя. Въ сихъ двухъ заповѣдяхъ состоитъ весь законъ и Пророки.*

И такъ, естьли ты не имѣешь столько силы и времени, чтобы надлежащимъ образомъ пересмотрѣть всѣ листы Св. Писанія, познать истину во всей наготѣ ея, постигнуть всѣ тайны Писаній; то предайся только любви, которая обнимаетъ собою все прочее. И естьли ты имѣешь любовь; то съ нею имѣешь все, какъ то, что уже тебѣ извѣстно изъ Писанія, такъ

и то, что еще скрывается отъ взоровъ твоего разумѣнія. Ибо, зная любовь по опыту, ты знаешь уже то самое, въ чемъ заключается и еще неизвѣстное для тебя. Въ томъ, что открыло тебѣ Писаніе, сіяетъ любовь открытая; а въ томъ, что еще удалено отъ твоего свѣдѣнія, таится любовь сокровенная. Слѣд. имѣющій любовь дѣятельную имѣетъ все, какъ то, что открыто въ Божественномъ Писаніи, такъ и то, что еще имѣетъ на себѣ печать таинства. Посему, Люб. Бр. прежде и паче всего старайтесь стяжать любовь. Она есть не что иное, какъ дружественный и блаженный союзъ сердецъ; безъ ней богатство бѣдно, а съ нею самая бѣдность богата. Она въ несчастіи не ропщетъ, въ счастіи не превозносится; она съ твердостію переноситъ самыя жестокія страданія, съ веселою улыбкою совершаетъ добрыя дѣла, съ безопасностію проходитъ посреди льстивыхъ искушеній, щедро угощаетъ странниковъ и младенческую искренность оказываетъ ко всѣмъ истиннымъ своимъ братьямъ.

Любовь въ Авелѣ была угодна Богу въ его жертвоприношеніи; любовь въ Ноѣ была безтрепетна при ужасномъ разлитіи водъ; любовь въ Авраамѣ постоянно была вѣрна во все продолженіе его странствованія; любовь въ Моѵсеѣ была нечувствительна къ причиненной ему неправдѣ; любовь въ Давидѣ была елеемъ утѣшенія въ тѣснотѣ его страданій; любовь въ трехъ Отрокахъ съ невинною улыбкою взирала на пламень; любовь въ Маккавеяхъ мужественно перенесла жестокія мученія. Любовь была непорочна въ Сусаннѣ какъ супругѣ, въ Аннѣ какъ вдовицѣ, въ Маріи какъ Дѣвѣ. Любовь въ Павлѣ изрекла себѣ отлученіе отъ блаженства вѣчнаго, въ Петрѣ кротко раскаялась, въ Христіанахъ была человѣческою для того, чтобы исповѣдать Іисуса Христа, въ Іисусѣ Христѣ была Божественна для милованія грѣшниковъ. Но могу ли я сказать о любви что—либо болѣе и божественнѣе того, что сказалъ Господь нашъ устами своего Апостола: *Любовь долготерпитъ, милосердствуетъ; любовь не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своего, не раздражается, не пом-*

нитъ зла, не радуется неправдѣ, а радуется истинѣ, все прикрываетъ, всему вѣритъ, всего надѣется, все переноситъ. 1 Кор. 13, 4—8.

Сколь велика любовь! Она есть душа Писанія, духъ пророчества, священіе таинствъ, основаніе знанія, плодъ вѣры, богатство бѣдныхъ, жизнь мертвыхъ. Какой поступокъ можетъ быть великодушнѣе сего: умереть за нечестивыхъ? Что можетъ быть возвышеннѣе: любить враговъ? Одной только любви чужое счастіе никогда не причиняетъ безпокойства, ибо она не завидуетъ. Для одной любви собственное счастіе никогда не служитъ поводомъ къ гордости, ибо она не гордится. Одна любовь не чувствуетъ никогда жестокихъ упрековъ совѣсти, ибо она не дѣлаетъ зла. Она спокойна, когда ее злословятъ; благотворительна, когда ее ненавидятъ; дружелюбна, когда преслѣдуетъ ее мщеніе враговъ; весела, когда ставятъ ей сѣти; радуется о торжествѣ истины, скорбитъ объ успѣхахъ зла. Кто можетъ быть способнѣе ея, забывать обиды? Кто съ большею ея готовностію рѣшится трудиться для вѣчности,

а не для суеты? Она все презираетъ въ сей жизни, потому что всего надѣется въ будущей. Она переноситъ всѣ страданія, которыя здѣсь должно перенесть, потому что она всего ожидаетъ, что тамъ обѣщано. По истинѣ она будетъ жить вѣчно!—И такъ старайтесь стяжать любовь! Въ святомъ размышленіи о любви приносите плоды правды. И естьли вы можете выдумать въ похвалу любви что-либо лучшее, нежели что я сказалъ, то сіе лучшее выражайте въ своихъ поступкахъ.—

2. *Должно ли намъ любить сотворенныя вещи, и въ какой мѣрѣ?*

Богъ сотворилъ все; почемужъ мнѣ не любить того, что сотворилъ Богъ?

Духъ Божій да научитъ тебя смотрѣть на все, сотворенное Имъ, какъ на добро. Но горе тебѣ, естьли ты, возлюбивши тварей, забудешь Творца! Твари прекрасны для твоихъ глазъ: но сколь прекраснѣе Тотъ, который сотворилъ ихъ? Бойся, чтобы сатана не обольстилъ тебя своими коварны-

ми словами, которыя онъ обыкновенно внушаетъ людямъ: наслаждайтесь твореніемъ Божіимъ; ибо для чего инаго сотворилъ Онъ все сіе, какъ не для вашего наслажденія. Такъ обольщаются неразумные и забываютъ своего Творца. Всякое неумѣренное употребленіе въ свою пользу тварей есть униженіе Творца. Таковыхъ-то имѣя въ виду, Апостолъ написалъ сіе: *Они послужили твари вмѣсто Творца, который благословенъ во вѣки!* Богъ не запрещаетъ тебѣ любить сіи вещи, но запрещаетъ тебѣ искать въ нихъ своего блаженства. Ты долженъ почитать ихъ добрыми: но для того, чтобы тѣмъ славить Творца въ Его дѣлѣ.

Люб. Братъ! естьлибы женихъ сдѣлалъ кольцо для своей невѣсты и подарилъ ей оное, и естьлибы невѣста полученное кольцо возлюбила болѣе, нежели жениха, который сдѣлалъ для нея сіе кольцо; не учинила ли бы тогда невѣста чрезъ свою привязанность къ подарку жениха нѣкотораго рода презрѣнія къ жениху, хотя бы она любила только то, что подарилъ ей же-

нихъ. Очевидно, она любила бы только подарокъ жениха; впрочемъ естьлибы она сказала: довольно для меня сего кольца, я не могу смотрѣть на жениха: чтобъ изъ сего было? Кто не возъимѣлъ бы отвращенія къ такому безумію, и не сказалъ бы ей: ты любишь золото вмѣсто человѣка, кольцо вмѣсто жениха. Естьли ты любишь кольцо вмѣсто того, который подарилъ тебѣ оное, и на жениха смотрѣть не можешь; то кольцо есть уже для тебя не залогъ соединенія, но раздѣленія. Женихъ подарилъ тебѣ оное, какъ залогъ своей любви для того, чтобы ты въ семъ залогѣ любила его.

Смотри! такъ и Богъ даровалъ тебѣ все сіе. Люби Того, который все сотворилъ. То, что Онъ хочетъ еще дать тебѣ, несравненно лучше того, что Онъ уже даровалъ тебѣ; Онъ хочетъ дать тебѣ Себя самаго, Того, который сотворилъ все сіе. Но естьли ты любишь все сіе, и чрезъ свою любовь къ тварямъ забываешь самаго Творца: то сія любовь твоя не будетъ ли любовію прелюбодѣйною?

Естьли тебѣ нравятся тѣла, то пусть это будетъ для тебя случаемъ хвалить Бога, и побужденіемъ любить Творца; ибо Тотъ, кто сотворилъ все сіе, несравненно лучше всего сего.

Естьли нравятся тебѣ души, то люби ихъ въ Богѣ; потому что и онѣ тлѣнны, и могутъ быть нетлѣнными потолику, поколику покоются въ Богѣ, внѣ коего онѣ погибаютъ. По сему люби ихъ въ Богѣ, и, сколько возможно, старайся привлекать ихъ къ Нему. Онъ не далекъ отъ насъ; Онъ не оставляетъ дѣлъ рукъ своихъ; изъ Него и въ Немъ онѣ имѣютъ свое утвержденіе.

3. *При разрушеніи всѣхъ царствъ.*

Христіанинъ! не ослабляй своей надежды и не охлаждай любви. Препояшь свои чресла, зажги свои свѣтильники, пусть они горятъ. Ожидай своего Господа, пока Онъ возвратится съ брака. Чего тебѣ страшиться, чего трепетать при ужасномъ разрушеніи царствъ? Тебѣ обѣщано царство небесное, съ разрушеніемъ земнаго ты не

погибнешь. Братія! усиливайте упованіе ваше на Господа, пламенѣйте желаніемъ къ вѣчному, ожидайте вѣчнаго. Братія! мы Христіане! Христосъ не для земныхъ радостей принялъ на Себя плоть человѣческую. Блага земныя требуютъ отъ насъ болѣе терпимости, нежели любви. Все, насъ угнѣтающее, тлѣнно, все, насъ привлекающее, носитъ на себѣ печать ласкательства. Не полагайся на морѣ даже и тогда, когда оно тихо. Не безъ намѣренія сказано намъ: *Горѣ имѣемъ сердца* — возносите сердца ваши къ небеснымъ вещамъ. Для чего же мы приковываемъ сердце наше къ землѣ, имѣющей разрушиться?

4. *Къ любителямъ ложной мудрости.*

Естьли духомъ умерщвляете дѣла плотскія, то живы будете. Рим. 8, 13.

Настоящія наши занятія должны состоять въ томъ, чтобы духомъ умерщвлять вожделѣнія плоти, ежедневно распинать оныя, ослаблять, укрощать, — умерщвлять. Преспѣвающіе въ добрыхъ дѣлахъ ко

многому, что прежде возбуждало въ нихъ вожделѣніе, не имѣютъ болѣе онаго. Ощутивши въ себѣ вожделѣніе и воспротивившись оному, симъ самымъ они нанесли ему смертный ударъ. Ибо гдѣ уже не возбуждается вожделѣніе, тамъ оно какъ бы мертво. Попирай мертвое и переходи къ тому, что еще живо; оставляй безъ вниманія то, что у тебя подъ ногами, и вооружайся на то, что еще противустоитъ тебѣ. Одно вожделѣніе мертво, но смотри, другое еще живо: и сіе ты умертвишь своимъ сопротивленіемъ ему, и естьли какой-либо предметъ, который прежде возбуждалъ въ тебѣ вожделѣніе, уже не возбуждаетъ онаго, то ты какъ бы умертвилъ сіе вожделѣніе: вотъ наша обязанность! вотъ наша война!

Вступая въ сію борьбу съ плотскими вожделѣніями, мы Бога имѣемъ своимъ зрителемъ; и естьли почувствуемъ изнеможеніе въ оной, то можемъ и должны воззвать къ Нему о помощи. Ибо безъ Его содѣйствія мы не только не получимъ побѣды, но и совершенно не можемъ сражать-

ся. Но сему никто не долженъ съ самонадѣянностію искать силы для умерщвленія плотскихъ вожделѣній въ своемъ собственномъ духѣ.—И, дабы ты не дерзнулъ приписать сей силы своему духу, и чрезъ свою гордость не содѣлался врагомъ Богу, который гордымъ противится, а смиреннымъ даетъ благодать, Ап. Павелъ послѣ словъ: *Естьли духомъ умерщвляете дѣла плотскія, то живы будете*, продолжаетъ: *ибо всѣ водимые Духомъ Божіимъ суть сыны Божіи*. Очевидно, онъ присовокупляетъ сіе съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы духъ человѣческій не возгордился и не возмечталъ, что онъ въ самомъ себѣ имѣетъ достаточныя силы къ сему великому подвигу. Не правда ли, что выслушавъ первыя слова: *Естьли духомъ умерщвляете дѣла плотскія, то живы будете*, ты помыслилъ въ себѣ: это можетъ сдѣлать моя воля, моя свободная воля! Смотри, естьли Богъ не будетъ руководить тебя, ты упадешь, и естьли Онъ тебя не возставитъ, ты навсегда останешься въ своемъ паденіи. Какъ хочешь ты превозмочь сіе собственнымъ своимъ духомъ, когда слышишь, что Апостолъ говоритъ:

Водимые Духомъ Божіимъ суть сыны Божіи? Не тѣ, которые живутъ по своей плоти или по своему духу, не тѣ, которые водятся вожделѣніемъ плоти или своимъ духомъ, но тѣ, которые водятся Духомъ Божіимъ, суть сыны Божіи. И ты хочешь самъ руководить себя, хочешь водиться самимъ собою въ умерщвленіи плотскихъ вожделѣній?

Но скажетъ кто-либо: слѣд. въ насъ дѣйствуется, а не мы сами дѣйствуемъ? На сіе я отвѣчаю: дѣйствуется въ тебѣ, и ты самъ дѣйствуешь, и тогда только ты дѣлаешь доброе, когда доброе тебя руководитъ. Ибо Духъ Божій, который побуждаетъ тебя къ дѣйствію, содѣйствуетъ тебѣ въ ономъ. И, поелику Онъ тебѣ содѣйствуетъ, то уже самое слово: содѣйствовать, вспомоществовать, показываетъ, что и ты дѣйствуешь. Размысли, о чемъ ты просишь и что разумѣешь, когда говоришь: помоги мнѣ, не оставь меня? Ты призываешь Бога къ себѣ на помощь; но понятіе о помощи тотчасъ уничтожается, естьли ты самъ ничего не дѣ-

лаетъ. Такъ слова: *Водимые Духомъ Божіимъ суть сыны Божіи,* значатъ: водимые не письменемъ, но Духомъ увѣщевающимъ, озаряющимъ, содѣйствующимъ. *Мы знаемъ,* говоритъ Апостолъ, *что любящимъ Бога все содѣйствуетъ ко благу.* Естьли бы ты самъ не дѣйствовалъ, то никто бы тебѣ и не содѣйствовалъ.

5. *Таинство благочестія.*

Богъ сотворилъ насъ изъ ничего и даровалъ намъ все, что мы ни имѣемъ. Но поелику мы возлюбили болѣе дары, нежели Того, кто даровалъ намъ оные, болѣе тварей, нежели Творца; то чрезъ сіе мы впали въ сѣти сатаны и содѣлались его рабами.

Богъ, умилосердившись надъ нашимъ бѣдствіемъ, послалъ Своего Сына, дабы Онъ искупилъ насъ отъ рабства; послалъ Духа Святаго, дабы онъ изъ рабовъ содѣлалъ насъ своими сынами; — Сына Онъ даровалъ какъ искупленіе, Святаго Духа какъ залогъ любви, Себя Самаго Онъ сохраняетъ какъ наслѣдіе и часть сыновъ.

X.

СОКРОВЕННАЯ ХРИСТІАНСКАЯ ЖИЗНЬ.

Да будетъ не внѣшняя лѣпота: но потаеный сердца человѣкъ, и въ неистлѣніи кроткаго и молчаливаго духа, еже есть предъ Богомъ многоцѣнно. 1 Петр. 3, 3. 4.

Обращая вниманіе на ходъ и развитіе природы, мы находимъ, что самыя важнѣйшія и значительнѣйшія работы ея совершаются въ сокровенности. Въ сокровенности согрѣвается и приготовляется сокъ земный, и уже потомъ всходитъ вверхъ, чтобы образовать или оживлять растѣнія. Въ сокровенности, во внутреннѣйшихъ жилочкахъ растѣнія, онъ очищается, утончается, и изъ привходящихъ стороннихъ веществъ пріемлетъ въ себя то, что годно къ природѣ именно сего растѣнія, а не другаго. Въ сокровенности заращдается непостижимое, Божественное дѣло, что называемъ мы жизнію. Такъ и у человѣка, въ духовномъ его дѣйствованіи, не можетъ

быть иначе. Сколь тайно, въ художественной храминѣ духа его, вырабошываюшся лучшія его мысли, чувствованія и намѣренія! Часто отъ собственныхъ его взоровъ сокрытъ источникъ измѣненія духа его, новой жизни его. Она раждается въ немъ и живетъ, и онъ часто столь же мало имѣетъ о томъ понятія, сколь мало имѣетъ понятія о рожденіи тѣлесномъ. Сокровенными пребываютъ его высочашія радости, его глубочайшія страданія, его тягостнѣйшія искушенія, его сильнѣйшія подкрѣпленія. Міръ не знаетъ о нихъ; да и не можетъ, и не долженъ знать о нихъ. Часто остаются онѣ тайными даже для самаго близкаго друга.

Такимъ образомъ понятно, почему и въ Христіанинѣ самое лучшее должно быть сокровенно. Ибо Христіанство есть высочайшая, духовная жизнь; оно есть нѣжнѣйшее и возвышеннѣйшее расположеніе духа, до какого только человѣчество возведено быть можетъ; и та перемѣна, которая вмѣстѣ съ нимъ происходитъ, есть самая значительная и важнѣйшая перемѣна. Іисусъ

Христосъ часто внушаетъ сію сокровенность. *Тебѣ творящу милостыню, да не увѣсть шуйца твоя, что творитъ десница твоя, яко да будетъ милостыня твоя въ тайнѣ: и Отецъ твой видяй въ тайнѣ воздастъ тебѣ явѣ.* Мат. 6, 3. 4. *Ты же постяся помажи главу твою и лице твое умый: яко да не явишися человѣкомъ постяся, но Отцу твоему, иже въ тайнѣ: и Отецъ твой, видяй въ тайнѣ, воздастъ тебѣ явѣ.* Маѳ. 6, 17. 18. Весь духъ Христіанства, какъ оный предначертанъ для насъ въ жизни Іисуса, довольно ясно показываетъ, что жизнь наша должна быть сокровенна со Христомъ въ Богѣ.

И во первыхъ Христіанское доброе необходимо должно получить свое начало въ сокровенности, чтобы глубочайшее, внутреннѣйшее, что токмо есть въ человѣкѣ, было источникомъ онаго. Всѣ учрежденія Христіанскія прежде всего побуждаютъ насъ не ко внѣшнимъ дѣламъ, но главнымъ образомъ дѣйствуютъ на расположенія духа, которыя суть и должны быть источникомъ внѣшнихъ дѣйствій. Оныя существеннымъ

образомъ со всѣмъ и въ виду не имѣютъ внѣшнихъ дѣйствій; но направлены къ оживленію расположеній духа. Іисусъ благотворилъ, вспомоществовалъ, удовлетворялъ многоразличнѣйшимъ нуждамъ, пострадалъ и умеръ,— не для того непосредственно, дабы мы наружно дѣлали *то* и *то*, но главнымъ образомъ для того, чтобы мы, будучи искуплены Имъ, научились *ввѣрять себя* Ему, и *любить* Его. И не говорилъ Онъ прежде всего: дѣлайте ради Меня то и то; но, перемѣните ваши склонности, ввѣрьте себя Мнѣ, возлюбите Меня. *Аще кто не родится свыше*, въ комъ не произойдетъ всецѣлой перемѣны въ его внутреннѣйшемъ, тотъ *не можетъ видѣти царствія Божія*. Всякой долженъ родиться снова, *отъ воды и Духа*—т. е. чрезъ пріятіе Богомъ установленнаго таинства и вышней силы Божіей, иначе онъ не можетъ имѣть никакого участія въ царствіи Божіемъ. Какъ рожденіе человѣка зачинается во внутренности, въ сокровенности, въ самомъ маломъ и непримѣтномъ видѣ; такъ долженъ зачинаться духъ Христіанскій, содѣлывающій насъ способными къ пріятію царствія небесна-

го. Христіанинъ долженъ не румяниться, не красоваться предъ людьми своею ревностію объ очищеніи себя; ревнованіе о всемъ добромъ должно *горѣть* въ его внутреннѣйшемъ. Его дѣло не привѣшивать къ дереву добрые плоды; добрые плоды должны произрастать изъ внутреннихъ соковъ дерева. Гдѣ говорятъ о добромъ для того единственно, чтобы поговорить; гдѣ дѣлаютъ добро для того только, чтобы добрыя свои дѣла представить на показъ; гдѣ доброе является только въ наружности, безъ того внутренняго, живаго источника, изъ коего, по своей природѣ, долженствовало бы проистекать оно: тамъ духъ Фарисейскій, совершенно противоположенный духу Христіанскому.

Посмотрите, какъ во Іисусѣ все проистекало изъ Его внутренняго источника. Онъ преспѣвалъ въ разумѣ и премудрости, прежде нежели показывалъ премудрость. Любовь уже обитала въ сердцѣ Его прежде, нежели люди увидѣли дѣла любви, Имъ творимыя. Часто не могъ Онъ удерживать потока щедротъ своихъ, не могъ насытить Себя изліяніемъ благотвореній. Но въ ду-

шѣ Его было несравненно больше блага, нежели сколько могъ Онъ привесть въ исполненіе; во глубинѣ ея скрывались сѣмена благодѣяній неисчислимыхъ. Въ сердцѣ Его несравненно болѣе было любви, нежели сколько Онъ могъ изъявить ея. Исторгнуть изъ сердецъ все невѣріе, яко источникъ испорченности, яко лютый недугъ, омрачившій умное око, посредствомъ коего могли бы мы познавать міръ невидимый и услаждаться онымъ;—облагородствовать, оживить, содѣлать блаженными всѣхъ Іудѣевъ; содѣлать изъ нихъ все то, чѣмъ должны они быть по намѣренію Божію; согрѣть любовію сердца людей, Его окружающихъ, и чрезъ любовь приблизить ихъ къ Тому, кто есть совершенная любовь и познается токмо чрезъ любовь: вотъ желаніе сердца Его! О! какъ пламенно и постоянно оно горѣло въ Его сердцѣ! Оно было источникомъ горьчайшей его скорби, когда Онъ видѣлъ, что люди не допускали до себя всего добраго, къ чему хотѣлъ Онъ привести ихъ. Такимъ образомъ во Іисусѣ весьма многое доброе было видимо; но наилучшее было невидимо. Наилучшее было и пребыло

сокрытымъ—оно алмазъ подъ корою, котораго драгоцѣнность примѣтна только для знатока, который впрочемъ нѣкогда свѣтло и видимо для всѣхъ возблистаетъ въ царскомъ вѣнцѣ Его.

Далѣе—Христіанское доброе должно и дѣйствовать также невидимо для людей, сколько токмо сіе возможно. Какъ ты дѣйствуешь, на какой стоишь степени Христіанской жизни; какъ ты стяжалъ покой, самоотверженіе, кротость, терпѣніе, любовь;—твои боренія, твои подвиги, твои пламенныя воздыханія, твое бдѣніе и молитвы,—все это никто не имѣетъ нужды знать, кромѣ одного Бога, и никто не долженъ знать, кромѣ одного Бога. Также и того, *что ты теперь*, въ какомъ духѣ ты дѣйствуешь, не долженъ знать міръ, сколько токмо возможно отъ него сокрыть сіе. Конечно не льзя обойтись безъ того, чтобы сего не знали, по крайней мѣрѣ тѣ люди, которымъ ты благотворишь, помогаешь, служишь, на которыхъ ты дѣйствуешь; которые по сему могутъ вблизи наблюдать за тобою и за твоими поступками: но ты съ

своей стороны можешь и долженъ добро творить имъ такъ, чтобъ вмѣстѣ обязать ихъ къ молчанію; предъ *тѣми* особенно людьми да свѣтитъ свѣтъ твой, которые, видя добрыя дѣла твои, прославятъ *не тебя*, но *Отца Небеснаго*. Обратимъ взоры на тѣ тридцать лѣтъ жизни Іисусовой, которыя провелъ Онъ въ совершенной сокровенности. Сколь многія силы возрасли въ Немъ тогда! Сколько Онъ перенесъ въ то время! Какая потребна была сила къ тому, чтобъ удерживать въ Себѣ свою силу! Сколько укрѣпился Онъ опытнымъ образомъ въ терпѣніи, въ отверженіи собственной воли, въ совершенномладенческомъ преданіи Себя самымъ необыкновеннымъ, самымъ непостижимымъ путямъ, предначертаннымъ Ему Отцемъ Его! Сколь много потребно было покорности, чтобы, при всей полнотѣ силъ своихъ для великаго своего званія, *довольствоваться только тѣмъ*, чтобъ помогать своему воспитателю въ его работѣ, ходить подъ назоромъ матери, словомъ, быть въ повиновеніи у родителей! И въ сіе-то самое время,—о которомъ *больше ничего* не сказано, *какъ только* то, что тогда Іисусъ

былъ въ повиновеніи у родителей,—Онъ болѣе образовалъ Себя къ царствію небесному, къ тому, чтобъ быть Царемъ сего царствованія, нежели въ прочіе три года, когда столь многое о Немъ повѣствуется.

Въ послѣдствіи надлежало Ему творить дѣла, отъ всѣхъ видимыя! но и тогда не были ли гораздо величественнѣе тѣ дѣянія, кои Онъ совершилъ втайнѣ? Сколь многаго благихъ сѣмянъ посѣвалъ Онъ въ сокровенности! Сколь часто втайнѣ разливалъ свѣтъ и разрѣшеніе сомнѣній въ душу недоумѣвающаго, и утѣшенія въ сердце страждущаго! Какія тайны будущихъ вѣковъ открывалъ своимъ избраннымъ въ уединеніи! Какія необыкновенныя пробуждалъ, направлялъ и сообщалъ силы! И сіи благотворенія часто гораздо болѣе значили, нежели чудеса внѣшнія, которымъ удивлялся народъ. Духовно слѣпые, коимъ Онъ отверзъ очи, внутренно глухіе, которымъ Онъ возвратилъ слухъ, расслабленные, больные духомъ и сердцемъ, Имъ исцѣленные, духовно мертвые, оживленные Имъ, въ собственномъ смыслѣ и притомъ гораздо сильнѣе доказы-

вали собою то, что Онъ есть *Іисусъ*, Спаситель и содѣтель блаженства человѣковъ, нежели исцѣленіе внѣшнихъ болѣзней—тѣлесныхъ, которое совершалъ Онъ предъ всѣми, дабы и чувственные люди видѣли опыты высшей силы Его. Наконецъ: что были Его *явныя* страданія въ сравненіи *съ тайными*? Кто зналъ тѣ боренія, которыя преодолѣлъ Онъ во внутренности своей, тѣ раны, коими было изъязвлено сердце Его, глубокой чувствительностію исполненное? Кто измѣрилъ Его скорбь и тѣсноту, и сіе ужасное чувство оставленія отъ человѣковъ и отъ *Бога*?—Какъ шелъ Вождь, такъ должны и послѣдователи; какъ Господинъ, такъ и рабъ!—Страданія и радости, боренія и самоотверженія, вѣра и любовь, и все, что есть наилучшаго въ Христіанинѣ, должно быть сокрыто, подобно какъ во Христѣ.

Даже можетъ и долженъ Христіанинъ намѣренно дѣлать что нибудь такое, что служило бы прикрытіемъ и не попускало бы міру видѣть его высокій Христіанскій духъ и Христіанское благородство. Онъ долженъ поступать, какъ Моисей, который

полагалъ покрывало на лице свое, дабы другіе не были ослѣплены его блескомъ. Онъ можетъ и даже нерѣдко долженъ принимать на себя видъ обыкновеннаго человѣка, даже тогда, когда онъ поститсся, онъ долженъ умащать голову, какъ и другіе, умывать лице свое и одѣваться, также какъ другіе; онъ долженъ въ наружности послѣдовать общему обычаю, только бы сей обычай былъ самъ въ себѣ невиненъ и оставилъ его невиннымъ; и это именно въ то самое время, когда внутреннее его удалено всего болѣе отъ обыкновенной мірской жизни. Онъ долженъ скрывать свои Христіанскія страданія, свои Христіанскіе подвиги и сердечныя желанія подъ видомъ обыкновенной веселости. Чувствованія и духъ Христіанина должны быть совершенно *сокровенны*

Но это еще не все. Христіанинъ, сколько возможно, долженъ сокрывать *отъ самаго себя*, что онъ дѣлаетъ, и что онъ есть. Правда, ему не можно не *знать* сего: но онъ не долженъ того держать у себя въ памяти, не долженъ вести тому никакого

счета, не долженъ раскладывать предъ собою своихъ добродѣтелей, и въ нихъ, какъ въ зеркалѣ, любоваться собою; ему надобно стараться позабыть нихъ, дабы не заглядѣться на себя съ самоуслажденіемъ. Его правая рука не должна вѣдать того, что дѣлаетъ лѣвая. Онъ начнетъ успѣвать въ семъ подвигѣ, и находить оный часъ отъ часа легчайшимъ по той мѣрѣ, какъ будетъ болѣе и болѣе обращать себѣ въ природу Христіанскій духъ и Христіанскій образъ жизни, и какъ будетъ болѣе и болѣе устремляться впередъ. Кто, имѣя въ виду великую отдаленную цѣль, ревностно спѣшитъ къ оной; тотъ не имѣетъ времени, разсчитывать того, сколь много онъ прошелъ. Весь обращенъ будучи къ тому пути, который осталось еще перейти, онъ забываетъ о пути уже пройденномъ. Какая ему нужда останавливаться и пересчитывать всѣ тѣ деревни, холмы и горы, которыя онъ уже оставилъ позади себя? Чрезъ сіе онъ не приближится ни на одинъ шагъ къ своей цѣли! Это только задержитъ его безъ нужды! Кто будетъ пресчитывать, сколько разъ онъ дохнулъ на

пути? — Часто самъ Господь ведетъ насъ такъ, что мы многаго не знаемъ сами о себѣ. По долговременной борьбѣ въ сокровенности, иногда мы преодолѣваемся отъ міра. По непрерывномъ и продолжительномъ бодрствованіи, иногда случится намъ задремать и въ безсиліи опуститься до земли. Мы претыкаемся, падаемъ столь низко, что сами себя должны стыдиться, и въ семъ случаѣ взоръ нашъ весь обращенъ на сіе преткновеніе. Тутъ все прошедшее забывается и изглаждается. Христіанская доблесть наша со всѣхъ сторонъ закрывается длинною одеждою Назорейскою, дабы она оставалась сокрыта отъ насъ самихъ. И сіи-то люди, которые такимъ образомъ пріучаемы бываютъ къ смиренномудрію и чистотѣ, и такимъ образомъ сохраняются въ смиренномудріи, отъ коихъ Господь самъ сокрываетъ, что значитъ они,—суть отличные Христіане,—люди, изъ которыхъ Богъ хочетъ содѣлать многое.—Мы въ семъ отношеніи должны содѣлаться подобны любви достойнымъ дѣтямъ, которые не вѣдаютъ ни того, что они любви достойны, ни того, за что ихъ любятъ.

Но сей духъ смиренномудрія всего далѣе отстоитъ отъ того человѣкоугодливаго страха, который не смѣетъ выступать изъ обыкновеннаго круга съ своею ревностію къ благочестію потому, что страшится быть осмѣяннымъ, или содѣлаться предметомъ тайныхъ пересудовъ, боится, чтобъ не прослыть чудакомъ, и потому принимаетъ передъ людьми видъ превратный.—Нѣтъ! Чтитель Іисуса долженъ исповѣдывать Его открыто и громко, гдѣ только и когда это будетъ нужно. Христіанинъ долженъ въ слухъ всѣхъ ясно и опредѣленно утверждать, что онъ сего Іисуса признаетъ не за учителя токмо Іудейскаго, не за нравоучителя токмо, или за простаго человѣка благороднаго сердцемъ, за мученика, пострадавшаго за истину; но что онъ почитаетъ Его Владыкою неба и земли, которому Отецъ Его покорилъ все, кромѣ Себя Единаго; почитаетъ виновникомъ блаженства, Избавителемъ и Спасителемъ міра, чрезъ котораго и онъ самъ стяжалъ и еще долженъ стяжевать прощеніе грѣха, благодать Божію, силу къ добру, и все. Онъ долженъ громко и предъ

всѣми вступиться за права невинности, противустать несправедливости, долженъ явно послѣдовать велѣніямъ Іисуса и гласу своей совѣсти, и никакъ не отпираться отъ того, что онъ Ему слѣдуетъ, сколько бы ни казалось сіе страннымъ въ глазахъ людскихъ: но при исповѣданіи Іисуса онъ долженъ мыслить токмо о Іисусѣ, при защищеніи невинности—токмо о невинныхъ, при послѣдованіи волѣ Іисусовой—токмо о сей волѣ, *а не о себѣ*; кольми паче онъ долженъ беречься, чтобъ какъ нибудь не заглядѣться съ самоуслажденіемъ на таковый свой образъ дѣйствованія, который значитъ не болѣе, какъ токмо исполненіе строгой обязанности. Ежели предлежитъ ему показать явный примѣръ справедливости, безкорыстія, примиренія: то онъ прежде посовѣтуется во внутренности сердца своего, необходимо ли тутъ открытое дѣйствованіе. И ежели нужно, чтобы свѣтъ его свѣтилъ предъ людьми: то, по крайней мѣрѣ, онъ будетъ дѣйствовать такъ, чтобъ прославляли *не его*, но *Отца небеснаго*.

Таковый образъ чувствованія и дѣйствованія необходимъ для Христіанина, и приноситъ ему великое пріобрѣтеніе; потому самому, что предохраняетъ его отъ всякаго внѣшняго земнаго пріобрѣтенія. Тогда токмо, когда онъ такимъ образомъ дѣйствуетъ въ сокровенности, напечатлѣвается въ духѣ его *природа и характеръ Божественнаго*, а сей-то самый характеръ и долженъ быть его печатію, ибо духъ Христіанскій пораждается изъ Бога. Божественное всегда зачиналось въ сокровенности. У незнаемаго пастуха Авраама, и въ его семействѣ началось Божественное образованіе рода человѣческаго. Отъ малаго и незнатнаго пастушескаго народа, по просвѣщенію и образованію весьма далеко отставшаго отъ прочихъ, славнѣйшіе народы долженствовали научиться Религіи и нравственности. И какое токмо существуетъ даже донынѣ истинное образованіе человѣчества чрезъ нравственность и Религію, оно возникло среди сего народа Іудейскаго, народа, всѣми презираемаго и наконецъ дѣйствительно содѣлавшагося презрѣннымъ. Изъ малаго городка, изъ самой *непросвѣ-*

щенной области въ землѣ сего народа, отъ бѣдной и незнаемой матери родился Оный Возвышенный, которому дано было возвести весь родъ человѣческій къ его предназначенію. Въ теченіи тридцати лѣтъ почти ничего не знали о Немъ жившіе въ сосѣдствѣ. Почти всю исторію Его жизни въ сіе время можно заключить въ двухъ словахъ: Онъ былъ въ повиновеніи у своихъ родителей. Двенадцати человѣкамъ неученымъ, необразованнымъ, безсильнымъ надлежало послѣ Его смерти продолжать начатое Имъ великое дѣло Его. Его Царство уподоблялось зерну горчичному; малое и незначущее въ своемъ началѣ, оно дѣйствовало втайнѣ,—хотя Ему предоставлено было далеко и славно распространить свое дѣйствіе. Такъ и въ каждомъ человѣкѣ въ особенности сколь глубоко сокрыто начало нравственной его перемѣны и обращенія! Часто самъ человѣкъ не знаетъ, что произвело въ немъ первоначально сію перемѣну. Часто случается, что одно слово, слово незначущее, одинъ взглядъ, на него устремленный, подвигнулъ его сердце. Долго закваска бродитъ и работаетъ въ его вну-

тренности сокровенно, прежде нежели обнаружится въ открытыхъ рѣшительныхъ намѣреніяхъ и дѣлахъ. Это есть *рожденіе*, и довольно извѣстно, какъ зачинается рожденіе.

Къ сему присовокупимъ, что доброе тогда только безопасно сохраняетъ чистоту свою, когда оно, по крайней мѣрѣ, нѣсколько времени остается сокрытымъ, доколѣ не содѣлается крѣпче. Когда всякой старается оное видѣть, отдаетъ ему цѣну и уваженіе; когда всѣ окружающіе превозносятъ оное похвалами и прославляютъ: то какъ легко возбуждается тщеславіе, самомнѣніе и гордость въ томъ человѣкѣ, который обладаетъ онымъ. И тогда все доброе осквернено; Христіанское доброе здѣсь не находитъ уже мѣста. Каждое движеніе высокоумія подъѣдаетъ ростокъ жизни, и главный корень Христіанства. При другихъ испорченныхъ наклонностяхъ онъ еще можетъ держаться; мало по малу можетъ быть очищенъ отъ оныхъ. Но при высокоуміи вовсе не возможно быть Христіанству. „Я слабъ, и требую помощи!—“

Симъ чувствованіемъ начинается Христіанство.„ Я силенъ, и не хочу принимать чужой помощи!" Симъ начинаетъ путь свой высокоуміе. Что же это? Свѣтъ и тьма, Богъ и маммона. А какъ удобно возникаетъ въ сердцѣ высокоуміе, ежели только доброе въ человѣкѣ, по крайней мѣрѣ, нѣсколько времени не останется сокрытымъ и незнаемымъ; какъ оно мало по малу раждается изъ тщеславія, изъ того, когда любуется собою, изъ честолюбія: сіе показывается повсюду тамъ, гдѣ духъ Фарисейскій трудится для того, чтобы блеснуть, гдѣ людей еще *молодыхъ* осыпаютъ похвалами, когда видятъ въ нихъ отличныя дарованія и доброту сердца. Перешедши въ мужескій возрастъ, можетъ быть, они еще сохранятъ отличныя свои дарованія, но не сохранятъ доброты сердца.

Далѣе—доброе только тогда, когда оно въ началѣ пребудетъ сокрытымъ, свободно отъ опасности, быть подавленнымъ отъ непріязненнаго духа, который преслѣдуетъ все доброе, особливо же доброе Христіанское. Также и духу міра сіе непер-

нимо, видѣть въ Христіанинѣ такое смиреніе при такомъ величіи, самоотверженіе при такой любви, отсѣченіе собственной воли при такой силѣ. Естьли бы ему видимо было первое сѣмя Христіанства, то онъ тотчасъ вооружился бы противъ него и раздавилъ бы его, какъ уже часто и случалось, когда Христіане, въ первомъ жару живаго чувства, хвалились тѣмъ, что съ ними сотворилъ Господь. Естьли бы нѣжные листочки цвѣтка не укрывались подъ твердою, и часто колючею оболочкою; какъ легко завернуло бы ихъ морозомъ, или вѣтромъ сѣвернымъ, или насѣкомыя източили бы ихъ! Прежде имъ надобно получить нѣкоторую крѣпость, и потомъ уже могутъ они быть открыты для всякой непогоды и бури. Такъ нѣкоторые изъ нихъ болѣе нѣжные сжимаются и свертываются при наступленіи ночи или ненастья.— Что было бы съ ученіемъ Іисуса, и могло ли бы оно такъ распространиться, естьли бы Онъ не сокрывалъ своего величія и славы? Какъ часто Онъ, когда Его величіе дѣлалось очень блистательнымъ, укрывался въ уединеніе, доколѣ волненіе не утихнетъ!

Сколько стали бы свирѣпствовать враги противъ учениковъ Его, когда могли бы предвидѣть оную Божественную силу, оную высокую вѣру и иройское мужество, которыя въ нихъ тогда возникать начинали? Такъ и съ каждымъ истиннымъ Христіаниномъ! Естьли бы міръ скоро и совершенно узналъ, что онъ значитъ, и чѣмъ долженъ содѣлаться, узналъ его незлобіе и терпѣніе, узналъ, какая любовь оживляетъ его, и однакожъ какъ далекимъ еще онъ чувствуетъ себя отъ той цѣли, которой онъ желаетъ и, по милости Господа своего, надѣется достигнуть; узналъ, какъ онъ смиряетъ себя при всей полнотѣ, которая живетъ въ немъ—смиряетъ потому, что совершенно знаетъ, *чрезъ кого* оживленъ онъ: тогда какія поруганія, клеветы и порицанія посыпались бы на него отъ людей, совсѣмъ неимѣющихъ чувства къ ощущенію сего смиреннаго величія Христіанскаго, которые искренно почитаютъ оное за притворство, за лицемѣріе, потому только, что у самихъ ихъ нѣтъ вовсе чувства къ оному! Обыкновенному человѣку несносны духъ и поведеніе Христіанина, поелику оными

постыждается онъ самъ и его образъ жизни. Онъ своими хуленіями совершенно отнялъ бы у слабаго еще Христіанина весь его духъ и всю твердость, естьли бы только онъ проникнулъ, что зараждается въ Христіанинѣ.

И такъ позаботимся, чтобы нашъ образъ чувствованія и жизни былъ сокрытымъ; чтобы *на самомъ дѣлѣ* всегда намъ быть лучшими и болѣе чистыми, нежели каковыми *видятъ* насъ люди. Да не совратитъ насъ никогда съ пути сего то, что люди не отдаютъ справедливости тому, что въ насъ есть лучшаго. Этому такъ и быть должно, и мы знаемъ, почему? Не будемъ также огорчаться и тѣмъ, ежели благомыслящіе, но слабые, иначе разумѣютъ насъ, нежели каковы мы въ самомъ дѣлѣ, только бы мы не подали имъ соблазна. Не станемъ выносить на показъ и открывать ничего такого, что можетъ и должно остаться утаеннымъ. Когда нѣкоторые слабые соблазнялись тѣмъ, что Апостолы не постятся такъ, какъ ученики Іоанновы, то Іисусъ не восхотѣлъ, въ ува-

женіе ихъ, повелѣть ученикамъ своимъ, чтобы они постились. По сему ежели и мы встрѣтимъ такого человѣка, который дѣйствуетъ въ тишинѣ и неукоризненно,— но который иногда поступаетъ такъ, что другіе не могутъ понять причины его поступковъ, встрѣтимъ такого человѣка, къ коему чѣмъ ближе подходимъ, тѣмъ больше находимъ въ немъ добра, который многое доброе столь тщательно скрываетъ, какъ лицемѣръ скрываетъ зло свое: то да будетъ онъ для насъ достойнымъ почтенія. Всемѣрно будемъ беречься, чтобъ не судить или не обвинять непонятныхъ намъ его поступковъ. Быть строгимъ къ самому себѣ, и мягкосердечнымъ въ сужденіи о другихъ — вотъ существенная принадлежность Христіанства; но и *объ этомъ* міръ не долженъ знать. Да знаетъ о семъ одинъ Господь.

XI.

ПРОВОЗВѢСТНИКЪ.

Гласъ вопіющаго въ пустынѣ: приготовьте путь Господу; исправьте стези Ему. Всякій долъ да наполнится, и всякая гора и холмъ да унизится; кривизны выпрямятся и неравные пути сдѣлаются гладкими. И явится слава Господня и узритъ всяка плоть спасеніе Божіе; ибо Господь сказалъ сіе. Иса. 40, 3—5.

Восточные цари во время своихъ путешествій имѣли обыкновеніе, посылать передъ собою провозвѣстниковъ, которые возвѣщали о нихъ во всѣхъ мѣстахъ. Сверхъ того они на многихъ возлагали особенную обязанность—уравнивать предъ ними путь и дѣлать его удобнымъ для путешествія. Нѣкоторые изъ сихъ царей, по свидѣтельству Исторіи, предпринимали путешествіе съ тою единственно цѣлію, чтобы показать свою пышность и свое величіе. Поврежденный человѣкъ, сколько ни скудоуменъ, сколько ни слабъ и сколько ни грѣ-

шенъ, но всегда хочетъ казаться мудрымъ и великимъ. Горы были сравниваемы, долины наполняемы, дабы царь со своею свитою могъ путешествовать путемъ непроходимымъ.

Пророкъ беретъ сію маловажную картину, дабы представить очамъ нашимъ предметъ несравненно важнѣйшій; ибо посредствомъ оныхъ человѣческихъ образовъ и обыкновеній онъ объясняетъ всевысочайшую истину Божію. Мессія приходитъ въ міръ сей,—и міръ дѣйствіемъ благословеннаго пришествія Его изъ пустыни претворяется въ вертоградъ Божій. До пришествія Мессіи въ мірѣ все было, такъ сказать, гористо, дико и неровно. По сему надлежало приготовить путь Господу; надлежало исправить и уравнять стези Богу нашему; и тогда явится слава Его; и всякая плоть узритъ спасеніе Божіе; ибо уста Господни изрекли сіе.

Сей высокій текстъ содержитъ въ себѣ три главные предмета:

Состояніе міра предъ пришествіемъ Мессіи.—*Пустыня.*

Приготовленіе пути Ему. *Всякій долъ да наполнится и всякая гора и холмъ да унизится.*

Образъ пришествія Его и слѣдствія онаго. *Явится слава Господня и всякая плоть узритъ спасеніе Божіе.*

Подъ именемъ *пустыни* разумѣется страна пустая, безплодная, необитаемая и страшная. Такъ Пророкъ описываетъ пустыню, чрезъ которую Богъ велъ народъ свой, по освобожденіи его отъ Египетскаго ига: *И не рекоша, гдѣ есть Господь, преведый насъ по пустыни, по земли необитанной и непроходной, по земли безводной и неплодной, по земли, по нейже не ходилъ мужъ никогда же, и не обиталъ человѣкъ тамо.* Іерем. 2, 6. Міръ, въ коемъ проводимъ мы кратковременную жизнь нашу, естественному человѣку не представляется такою страшною пустынею. Духъ міра и обольстительные предметы его такъ о-

слѣпляютъ насъ, (особенно въ юности) что мы охотнѣе именуемъ его эдемомъ, нежели пустынею. Но когда Духъ истины откроетъ душевные очи наши; тогда мечты разсѣяваются, обольстительные призраки изчезаютъ, и мы научаемся почитать міръ тѣмъ, что онъ есть самъ въ себѣ,—страшною и опасною пустынею, въ коей должны мы заботиться только о томъ, чтобы счастливо и безвредно выйти изъ нея.

Но подъ именемъ *пустыни* въ высшемъ, духовномъ смыслѣ, разумѣется и то состояніе *Іудеевъ и язычниковъ*, въ коемъ находились они предъ пришествіемъ Сына Божія.

Израильтяне—народъ избранный и любимый нѣкогда Богомъ,—въ сіе время, (исключая немногихъ) весьма унизились и развратились. Прекрасный виноградный садъ, въ коемъ Богъ явилъ безчисленныя чудеса могущества и благости, вмѣсто зрѣлыхъ плодовъ приносилъ одни незрѣлые. Хотя Израильтяне теперь не покланялись богамъ языческимъ, подобно предкамъ своимъ; впрочемъ не менѣе ихъ удалились они отъ ис-

тиннаго Бога и, при внѣшней ревности къ буквѣ закона, съ величайшею дерзостію преступали заповѣди Господни. Они приближались къ Богу устами; но сердце ихъ далеко отстояло отъ Него. Мнимое благочестіе ихъ состояло въ посѣщеніи Храма, коимъ хвалились, и который своимъ нечестіемъ превратили въ вертепъ разбойниковъ. Они почитали Священное Писаніе Божественнымъ, и ревностно читали его; но въ тоже время ослабляли оное, предпочитая превратныя преданія своихъ предковъ яснѣйшимъ повелѣніямъ Божіимъ. Они хвалились, что Авраамъ былъ отецъ ихъ; но показывали себя сынами тѣхъ, кои преслѣдовали и умертвили Пророковъ. Руководители и учители ихъ, Книжники и Фарисеи, подъ внѣшнимъ видомъ праведности совершали неслыханныя несправедливости. Они наполнены были гордостію и лицемѣріемъ, и, по слову Сердцевѣдца—Іисуса Христа, подобны были *гробамъ окрашеннымъ, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвыхъ и всякой нечистоты.* Матѳ. 23, 27. Сіи слѣпые вожди вводили въ заблужденіе столь же слѣпый на-

родъ. Градъ вѣрный, по слову Исаіи, сталъ *блудницею*. (Иса. 1, 21.) Вотъ какою *пустынею* была земля Іудейская предъ пришествіемъ Мессіи!

Между *язычниками* господствовали невѣдѣніе, идолопоклонство, нечистота и и безчеловѣчіе. Хотя ихъ такъ называемые *мудрецы* отъ времени до времени проповѣдовали истину и добродѣтель; но ученіе ихъ состояло только въ словахъ пріятныхъ и звучныхъ, не имѣвшихъ вліянія ни на ихъ самихъ, ни на другихъ. Народы, славившіеся великими познаніями въ Философіи, Краснорѣчіи и во всѣхъ изящныхъ искуствахъ, въ нечестіи и постыдныхъ дѣйствіяхъ были совершенно подобны народамъ дикимъ и безнравственнымъ. Апостолъ, въ посланіи къ Римлянамъ 1, разительно изобразилъ противоположность мнимой мудрости ихъ съ постыдными дѣйствіями.

По сему такое состояніе Іудейскаго и языческаго міра Пророкъ по всей справедливости могъ наименовать мрачною и страшною *пустынею*. И сіе-то плачевное состояніе міра новому царству Мессіи надле-

жало перемѣнить въ состояніе радостное и Богоугодное.

Но прежде пришествія Мессіи надлежало приготовить Ему путь въ сей пустынѣ. Божественное провидѣніе посредствомъ нѣкоторыхъ перемѣнъ такъ направляло политическія дѣла царей и народовъ, что онѣ должны были непосредственно содѣйствовать сему великому произшествію. Всѣ перевороты государствъ и народовъ суть части одного великаго и мудраго плана, коего первая и послѣдняя цѣль есть царство Мессіи. Хотя владыки и князи міра сего не знали плана сего; (въ совѣтахъ ихъ не помышляли о Богѣ) но тогда какъ слѣдовали собственнымъ властолюбивымъ и корыстолюбивымъ планамъ, они, безъ собственнаго сознанія, были орудіями Божіими. Человѣческія намѣренія и предпріятія исполняются потолику, поколику онѣ споспѣшествуютъ исполненію Божественнаго плана; самыя благоразумныя предпріятія не имѣютъ никакого успѣха, естьли онѣ несообразны съ онымъ планомъ. Сеннахиримъ,— орудіе, уполномоченное Богомъ для наказа-

нія непокорнаго народа Его,—одерживалъ побѣду за побѣдою, доколѣ, преступивъ предѣлы даннаго ему, и отъ него самаго сокрытаго полномочія, не вознамѣрился овладѣть Іерусалимомъ; въ семъ не имѣлъ онъ успѣха. Александръ былъ важнѣйшимъ орудіемъ для приготовленія пути Мессіи и для основанія Его царства. Трудно было бы быстрому, отважному и къ зрѣлымъ сужденіямъ неспособному герою совершить удивительныя дѣла свои и воздвигнуть трофеи на трофеяхъ, естьлибы Богъ не назначилъ сего средствомъ къ достиженію возвышеннѣйшей цѣли. Завоеванія Александра весьма много содѣйствовали къ разпространенію Греческаго языка между многими разными народами; послѣ сего на сей языкъ переведена была Еврейская Библія, которая чрезъ сіе сдѣлалась всѣмъ извѣстною и всѣми была читаема. Слѣдствіемъ сего было всеобщее ожиданіе великаго и славнаго Избавителя. Какъ скоро Александръ совершилъ сіе тайное препорученіе; то всѣ прочіе отважные планы его разрушились. Гордый завоеватель умеръ, *великій рогъ* (т. е. обширное его царство) *сокрушился*

и вмѣсто его (посредствомъ раздѣленія сего царства) *возросли другіе четыре, по четыремъ вѣтрамъ небеснымъ.* (Дан. 8, 8.) Сіе раздѣленіе царства Александрова споспѣшествовало также исполненію намѣреній Божіихъ; потому что посредствомъ сего облегчено было Римлянамъ покореніе оныхъ четырехъ царствъ. Когда Римляне посредствомъ покоренія какъ сихъ, такъ и многихъ другихъ царствъ и народовъ содѣлались повелителями большей части извѣстнаго тогда свѣта; тогда всѣ новыя Римскія провинціи вступили въ необходимую, тѣсную и продолжительную связь со столицею свѣта. Такимъ образомъ посредствомъ сего проложенъ былъ удобный путь къ распространенію Евангелія по всей землѣ.

Между Іудеями, именовавшимися собственнымъ народомъ Божіимъ, Провозвѣстникомъ и Предтечею Мессіи избранъ былъ Іоаннъ, долженствовавшій непосредственно предъ пришествіемъ Его *приготовить путь Ему.* Іоаннъ пришелъ въ духѣ и силѣ Иліи; онъ крестилъ и возвѣщалъ скорое пришествіе Мессіи и царства Его. Сила Божія

была съ нимъ. Сонмы людей изъ всѣхъ состояній и классовъ, познавъ посланничество его, крестились отъ него. Такимъ образомъ сердца направлены были къ Мессіи и приготовлены къ принятію Его.

Тогда приходитъ самъ Мессія. Предъ восходящимъ солнцемъ утренняя звѣзда изчезаетъ. *Ему* (Мессіи) *должно расти*, сказалъ Іоаннъ, *а мнѣ умаляться*. Іоа. 3, 30. Іоаннъ преставился отъ міра,—не такъ, какъ Илія на огненной колесницѣ, но какъ провозвѣстникъ новаго царства, членамъ коего надлежитъ ожидать угнетенія, гоненій и нерѣдко жестокой, мученической смерти;— онъ преставился отъ міра рукою палача, исполнившаго повелѣніе враговъ званія его и свидѣтельства. Глава величайшаго въ очахъ Божіихъ, величайшаго изъ всѣхъ рожденныхъ женами, (Матѳ. 11, 11.) отдана въ награду за презрительную пляску!—

Образъ явленія Мессіи, непосредственныя дѣйствія и дальнѣйшія слѣдствія онаго изображаются словами: *Всякій долъ да наполнится и всякая гора и холмъ да унизится,*

Долъ, въ ближайшемъ смыслѣ, есть образъ низкаго состоянія. Изъ сего состоянія Господь благоволилъ избрать большую часть учениковъ своихъ. Самъ Онъ принялъ на себя образъ раба (Филип. II, 7.) и проповѣдовалъ Евангеліе нищимъ. Онъ избралъ то, что въ очахъ міра было низко и презрѣнно. Онъ возвышалъ и благословлялъ тѣхъ, кои унижали самихъ себя и почитали себя недостойными благодати. Разительнымъ примѣромъ сему между многими другими служитъ *грѣшница*, упоминаемая у Ев. Луки, (7, 37 и слѣд.) и разбойникъ, распятый по правую сторону Спасителя. Міръ завидуетъ счастію возвышающихся надъ другими; онъ чествуетъ сильныхъ земли, достигшихъ верха славы и счастія, — цѣли ихъ желаній и стремленій. Но истинной чести никто не можетъ намъ дать, кромѣ Бога. Она бываетъ удѣломъ тѣхъ, кои посредствомъ вѣры содѣлались участниками Евангельскихъ обѣтованій. Они-то суть истинно богатые и счастливые между человѣками, хотя бы поносилъ и презиралъ ихъ весь міръ; ибо они имѣютъ *честь у Бога.*

Примѣнимъ слова Пророческія къ землямъ и мѣстамъ. *Виѳлеемъ*, — это незначительное мѣстечко, посредствомъ рожденія Мессіи сдѣлался знаменитѣе всѣхъ городовъ Іудейскихъ, знаменитѣе гордаго Вавилона и могущественнаго Рима. Мѣста униженной и презрѣнной Галилеи, ознаменованныя частымъ присутствіемъ Іисуса Христа, именуются вознесшимися до небесъ. Такъ (разсуждая во свѣтѣ истины) и нынѣ небольшій городокъ, малое селеніе, гдѣ процвѣтаетъ и приноситъ плодъ Евангеліе, знаменитѣе великолѣпной и блестящей столицы, естьли въ ней нѣтъ небесныхъ благословеній.

Всякая гора и холмъ должны *унизиться* при явленіи Мессіи. Онъ пришелъ для того, чтобы уничтожить славу человѣческой гордости и показать, что великое и высокое въ очахъ человѣческихъ предъ очами Божіими есть прахъ и нечистота. И поелику Онъ самъ явился въ образѣ раба и обращался по большой части съ людьми бѣдными, презираемыми міромъ; то симъ весьма ясно доказалъ ничтожность того мнимосчастливаго состоянія сильныхъ и бо-

чатыхъ, на которое міръ взираетъ съ завистію и удивленіемъ.

Гдѣ Евангеліе возвѣщается съ полною вѣрою и чистотою; тамъ и нынѣ обнаруживается Божественная сила его, унижающая всякую высоту человѣческую и разрушающая гордыя произведенія высокомѣрія и разнообразной надменности. Естьли Слово Божіе касается сердецъ силою убѣжденія; то и нынѣ оно также дѣйствуетъ на нихъ, какъ писаніе на стѣнѣ (Дан. 5, 6.) дѣйствовало на сердце Валтасара. Тогда открывается *день Господа Саваоѳа*, смиряющій *всякаго досадителя и горделиваго, и всякаго высокаго и величаваго,* (Иса. 2, 12.) да *падется высота человѣча.*) (17.) Убѣжденный грѣшникъ не хвалится болѣе добротою своего сердца; онъ не надѣется болѣе на дѣла рукъ своихъ. Онъ, будучи проникнутъ познаніемъ своей грѣховности, полученною благодатію и прощеніемъ въ крови примиренія, и вѣрою содѣлавшись пріятнымъ Богу въ Возлюбленномъ, *все почитаетъ потерею для познанія Христа Іисуса, Господа своего, которое все превосходитъ.*

(Филип. 3, 8.) Онъ ни на что не надѣется, ни чѣмъ не хвалится, ни чѣмъ не утѣшается, какъ только Крестомъ Христовымъ. (Гал. 6, 14.) И, будучи блаженнымъ, онъ радуется, что ничего не имѣетъ.

Далѣе—унизиться должны тогда всѣ *горы*, востающія противу царства Мессіи. Тщетно *мятутся народы*; тщетно *востаютъ цари земли, и вельможи собираются вмѣстѣ противъ Господа и противъ Помазанника Его.* Пс. 2, 1. 2. *Живущій на небесахъ* защититъ дѣло свое мощною десницею. Ярость приведетъ ихъ въ смятеніе и разрушитъ дѣла силы и дерзости человѣческой.

Кривизны должны *выпрямиться и неравные пути сдѣлаться гладкими.* Мессія пришелъ въ міръ для того, чтобы преобразовать и смягчить сердца развращенныя и непокорныя, и чтобы въ день силы своей избрать для себя народъ послушный.

Заповѣди и мнимое благочестіе Іудейскихъ учителей ослабили Законъ Божій и

помрачили красоту, чистоту и святость онаго. Іисусъ Христосъ законъ Всевышняго очистилъ отъ нечистыхъ заповѣдей человѣческихъ, а путь послушанія—отъ тѣхъ терній и преткновеній, коими усѣяли его міръ и грѣхъ.

Такимъ образомъ *явилась слава Господа.*

Не предъ всѣми; многіе соблазнились внѣшностію Его и не находили въ Немъ ни вида, ни доброты. Но ученики Его съ священнымъ восторгомъ говорили: *Мы видѣли славу Его.* Іоан. 1, 14. Слава Его явилась предъ ними въ яснѣйшихъ доказательствахъ Божеской силы Его. Онъ училъ, *какъ власть имѣющій;* (Матѳ. 7, 29.) Онъ повелѣвалъ стихіями; Онъ воскрешалъ мертвыхъ; Онъ зналъ, открывалъ и судилъ помышленія сердечныя, и прощалъ грѣхи. Такимъ образомъ въ лицѣ Его видимы были Божескія совершенства.

Но прозрѣніе Пророка простирается далѣе. Господь, по вознесеніи своемъ на небо, исполнивъ Апостоловъ и учениковъ своихъ

свѣтомъ и силою, послалъ ихъ проповѣдовать Евангеліе всѣмъ народамъ. (Матѳ. 28, 19. 20.) Тогда *слава и спасеніе Божіе* распространялись отъ царства къ царству, отъ одного конца земли до другаго. Онѣ непрестанно болѣе будутъ распространяться, до тѣхъ поръ, пока вся земля исполнится славы Господней и всякая плоть узритъ спасеніе Божіе; *ибо Господь сказалъ сіе.* Его Слову обязаны мы непрерывною перемѣною дней, ночей и годовъ. Порядокъ сей прекратится; опредѣленъ часъ, въ который изчезнутъ всѣ движенія и измѣненія природы. Небо и земля прейдутъ; но обѣтованія о царствѣ Мессіи не прейдутъ; онѣ пребудутъ тверды, ненарушимы и непоколебимы, доколѣ исполнится все. —

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЯТНАДЦАТОЙ ЧАСТИ.

Стран.

ПОГРѢШНОСТИ

ВЪ ПЯТНАДЦАТОЙ ЧАСТИ.

Напечатано.			*Читать должно.*
Стран.	Строк.		
39	4	разсѣлялись	разселялись
52	3	вспылчивость	вспыльчивость
53	25	соединенныхъ	соединеннымъ
58	17	повешенную	повѣшенную
120	8 и 16	привести	привезти
125	7	начальство	начальство надъ пустынею
136	9	тѣрпѣлъ	терпѣлъ
—	24	пожелали	пожелалъ
164	1	Его	его
165	16	растеніе	растѣніе
169	16	пресекутъ	пресѣкутъ
173	10	приглашаетъ	приглашаетъ
—	24	своему	твоему
187	2	мнговеніе	мгновеніе
194	24	хрѣху	грѣху
196	10	Всевѣдующій	Всевѣдущій
259	11	скорбня	скорбная
280	14	увеличающихъ	увеличивающихъ
296	10	изобрѣтить	изобрѣтать
300	4	нищаю	нищаго
302	8	можешь	можетъ
—	9	можетъ	можешь
303	9	Пс. 58, 7.	Ис. 58, 7.
314	10	на морѣ	на море
320	10	высочашія	высочайшія

